THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

ПИКАНТНЫЕ
ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ,

ВЫБРАННЫЕ ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ

Г. ДРОЗА и КАТРЕЛЯ.

Изданіе второе.

ПЕРВОЕ ИЗДАНІЕ
ЭТОЙ КНИГИ НАЗЫВАЛОСЬ:
26
РАЗСКАЗОВЪ И ОЧЕРКОВЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. А. Лебедева, Невскій пр. д. № 8.
1875.

Droz, Gustave
Pikantnye
ocherki i rasskazy

ПИКАНТНЫЕ ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ,

ВЫБРАННЫЕ

ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ

Густава Дроза и Катреля.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

Изданіе второе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. А. Лебедева, Невскій пр. д. № 8.
1875.

PQ 2220
.D4 A57
1875

2
20891
528
32

РАЗСКАЗЫ И ОЧЕРКИ

ГУСТАВА ДРОЗА.

21 III 74

PQ2220
.D

Мой первый ужинъ въ холостой компаніи.

Чортъ меня возьми, если я помню, какъ ее звали! а между тѣмъ я сильно любилъ ее, очаровательную дѣвушку!

Чего-чего только не найдешь у себя, если примешься рыться въ старыхъ ящикахъ; сколько забытыхъ вздоховъ, миленькихъ бездѣлушекъ, вышедшихъ изъ моды и покрытыхъ пылью! Мнѣ было восемнадцать лѣтъ, и чувство мое было свѣжо. Въ объятіяхъ этой милой...—имя ея вертится у меня на языкѣ, оно оканчивалось на *инъ*,—да, въ объятіяхъ этого милаго ребенка, я прошепталъ мое первое слово любви, на ея

кругленькомъ плечикѣ, рядами съ черненькими пятнышками, я напечатлѣлъ мой первый поцѣлуй. Я обожалъ ее и она платила мнѣ тѣмъ же. Я самъ одѣвалъ ее, затягивалъ корсетъ и испытывалъ безграничное волненіе, когда талія ея, подъ усиліями моихъ рукъ, округлялась.

Она улыбалась мнѣ въ зеркалѣ. Ея маленькіе, блестящіе, черные глазки смѣялись и говорили: не такъ туго, мой милый, ты меня задушишь.

Право, я думаю, что я очень охотно женился бы на ней, если бы, порою, прошлое ея не внушало мнѣ сомнѣній, а настоящее безпокойства. Совершенства на свѣтѣ нѣтъ: и во мнѣ была своя доля ревности.

Однажды, вечеромъ, я зашелъ за ней, чтобы вмѣстѣ отправиться къ одному изъ моихъ друзей, котораго я очень любилъ и который теперь уже умеръ въ должности слѣдственнаго судьи, не помню, гдѣ.

Я поднялся по лѣстницѣ моей милой и съ удивленіемъ увидѣлъ, что она уже готова. Я очень хорошо помню, что она была декольтирована довольно низко, въ моемъ вкусѣ; но это до

такой степени шло къ ней, что когда она меня поцѣловала, у меня готовы были сорваться слова: „Не остаться-ли намъ, моя милая, дома?...“ Но она, напѣвая любимый свой мотивъ, взяла меня подъ руку и мы очутились на улицѣ.

Вы испытали, неправда-ли, ту радость ребенка, ставшаго мущиной, когда онъ подъ руку съ *своей любовницей*. Онъ дрожитъ отъ удовольствія и предчувствуетъ на завтра родительское исправленіе; но боязнь уступаетъ передъ настоящей минутой. Онъ эманципировался, онъ мущина, любитъ и любимъ, онъ чувствуетъ себя одной ногой въ жизни. Ему хотѣлось-бы, чтобы весь Парижъ увидалъ его, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ дрожитъ при мысли быть узнаннымъ. Онъ отдалъ-бы свой мизинецъ за самое маленькое подобіе бороды, за морщину на лбу, за то, чтобы отъ сигары ему не дѣлалось дурно и чтобы отъ стакана пунша не кружилась голова...

Когда мы прибыли къ моему другу, тамъ было уже многочисленное общество; изъ передней слышались громкій смѣхъ и голоса, смѣшавшіеся со стукомъ посуды и разставляемыхъ приборовъ.

я былъ слегка взволнованъ; я зналъ, что я моложе всѣхъ въ этой компаніи, и боялся, что не съумѣю вести себя надлежащимъ образомъ. Я говорилъ самъ себѣ: „Побольше увлеченія, пей и кути хорошенько, твоя *любовница* тутъ, и глаза ея устремлены на тебя.“ Мысль о томъ, что на завтра я могу заболѣть, безпокоила меня немного; я уже видѣлъ свою матушку, подносящую мнѣ чашку чаю и проливающую слезы надъ моею необузданностью. Но я далеко отбрасывалъ отъ себя подобныя мысли, и до ужина все шло хорошо. Съ *любовницей* моей слегка заигрывали на словахъ, двое или трое даже поцѣловали ее у меня подъ носомъ; но я немедленно взвѣсилъ выгоды и невыгоды и совершенно искренно чувствовалъ себя польщеннымъ.

— Дѣти, вскричалъ вдругъ хозяинъ, наступила минута ужина. Въ столовую!

Слова эти были встрѣчены радостными криками, и все общество, въ безпорядкѣ, бросилось къ столу, на обоихъ концахъ котораго стояли блюда, наполненныя тѣми толстыми сигарами, которыхъ я не могъ курить безъ того, чтобы

холодный потъ не выступалъ у меня на лбу.

— Вотъ, что вызоветъ катастрофу, подумалъ я про себя, нужно быть осторожнымъ и не выдавать себя.

Не знаю, какимъ образомъ случилось, что любовница моя очутилась по лѣвую руку хозяина дома. Мнѣ это не понравилось, но что было дѣлать? Къ тому же этотъ хозяинъ дома, съ его двадцатью пятью годами, съ его усами и апломбомъ, казался мнѣ какимъ-то идеаломъ, самымъ шумнымъ демономъ дебоша и внушалъ что-то въ родѣ уваженія.

— Надѣюсь, вскричалъ онъ съ увлекательной развязностью, что всѣмъ вамъ хорошо? Кого стѣсняетъ верхнее платье, можетъ его сбросить съ себя, дамы также. Ха! ха! ха! Мысль недурна, не правда-ли, ангелочки? Продолжая смѣяться, онъ съ быстротой молніи влѣпилъ по поцѣлую направо и налѣво въ шеи своихъ сосѣдокъ, изъ которыхъ одна, какъ я уже имѣлъ честь сказать, была моя возлюбленная.

Чортъ возьми! я почувствовалъ, что волосы мои поднимаются дыбомъ и что ко мнѣ точно

прикоснулись раскаленнымъ желѣзомъ... Въ концѣ концовъ все это разразилось смѣхомъ, и съ этой минуты наступило всеобщее и очаровательное оживленіе.

— Дѣти,—это было любимое выраженіе проклятаго слѣдственнаго судьи,—аттакуйте холодное мясо, сосиськи, индѣйку, салатъ! аттакуйте сыры, устрицы, виноградъ! Рабы! откупорьте бутылки—будемъ ѣсть разомъ все, что есть на столѣ, не такъ-ли, голубки мои? Долой порядокъ, симметрію, это въ восточномъ вкусѣ, безумно, очаровательно. Въ центрѣ Африки иначе и не дѣлаютъ. Удовольствія нуждаются въ поэзіи,—передайте мнѣ сыръ. Ха! ха! ха! Я человѣкъ съ причудами, человѣкъ невозможный, не правда-ли, мои милочки?

И онъ снова влѣпилъ два поцѣлуя, но на этотъ разъ пониже. Если бы я не былъ пьянъ, то, по чести, сдѣлалъ бы скандалъ.

Я былъ оглушенъ. Кругомъ меня смѣялись, кричали, пѣли, стучали посудой. Шумъ откупориваемыхъ бутылокъ, разбиваемыхъ стакановъ раздавался въ моихъ ушахъ, но точно облако под-

нялось между мной и внѣшнимъ міромъ: мнѣ казалось, что все это я вижу во снѣ. Я различалъ, однакожъ, хотя довольно смутно, оживленные взгляды моихъ собесѣдниковъ, ихъ возбужденныя лица и въ особенности въ туалетѣ дамъ что-то новое и беззастѣнчивое. Даже моя *любовница*, казалось мнѣ, перемѣнилась... Вдругъ, моя возлюбленная, мой ангелъ, моя мечта, та самая, которую утромъ я почти готовъ былъ назвать своей женой, нагнулась къ слѣдственному судьѣ... меня до сихъ поръ морозъ подираетъ по кожѣ—и стала ѣсть трюфели изъ его тарелки.

Мнѣ стало больно, мнѣ казалось, что сердце мое разрывается; вслѣдъ затѣмъ...

Тутъ останавливаются мои воспоминанія. Что произошло вслѣдъ затѣмъ?—я не знаю. Помню только, что меня проводили до фіакра. Я спрашивалъ: „гдѣ она? да гдѣ же она?“ Мнѣ отвѣчали, что она уѣхала уже два часа тому назадъ.

На другой день мной овладѣло отчаяніе, лишь только я вспомнилъ о трюфеляхъ слѣдственнаго судьи. Мнѣ пришла-было въ голову мысль заступиться за свои права, но время—вы знаете его

дѣйствіе! — успокоило эту бурю. Да какже ее звали?... Кончалось это имя на *инъ*... Впрочемъ, нѣтъ; кажется, оно кончалось на *а*.

Душа въ мукахъ.

Господину Клоду де Л...

Особенное наслажденіе доставляетъ мнѣ бесѣда съ тобой, любезный мой Клодъ. Говорить-ли? безъ благочестиваго волненія я не могу думать о той жизни, которую мы вели съ тобой еще вчера въ коллегіи іезуитовъ. Мысленно переношусь я къ нашимъ долгимъ бесѣдамъ подъ тѣнистыми деревьями, къ нашимъ чтеніямъ, къ этимъ порывамъ двухъ душъ къ вѣчному источнику величія и благости. Я вижу еще ту маленькую капеллу, которую ты устроилъ въ твоемъ

пюпитрѣ. хорошенькія свѣчи, фабрикованныя нами для нея и которыя мы зажгли однажды во время урока космографіи. Какъ вы дороги мнѣ, прекрасныя воспоминанія! очаровательныя подробности жизни чистой и спокойной, съ какимъ счастіемъ мысленно возвращаюсь я къ вамъ! Время, удаливъ меня отъ васъ, только тѣснѣе соединило меня съ вами въ воспоминаніи. Я жилъ, увы! въ эти долгіе шесть мѣсяцевъ; но, изучая науку свѣта, я пристрастился еще болѣе къ святому невѣденію моей прошедшей жизни. Ты благоразумнѣе меня, ты остался на пути Спасителя; другъ, ты понялъ свою божественную миссію; ты не захотѣлъ переступить нечестивый порогъ и вступить въ свѣтъ, въ которомъ волны бросаютъ меня, какъ хрупкій обломокъ во время бури. Но гнѣвъ морскихъ волнъ, не ребяческая-ли это игра, въ сравненіи съ гнѣвомъ страстей? Счастливый другъ, невѣдающій того, что я уже отвѣдалъ! Счастливый другъ, котораго взглядъ не измѣрилъ еще пропасти, въ которой мой взглядъ ужъ потерялся.

Но какъ могъ я поступить иначе? Развѣ не

былъ я обязанъ, вопреки моему призванію и моей дружбѣ къ тебѣ, развѣ не былъ я обязанъ повиноваться требованіямъ того имени, которое ношу, и волѣ моего отца, предназначавшаго меня въ военную службу? Короче, я повиновался и покинулъ коллегію отцовъ, чтобы никогда въ нее не возвращаться.

Я вступилъ въ свѣтъ съ той спасительной боязнью въ сердцѣ, которую рождаетъ въ насъ наше благочестивое воспитаніе. Боязливо шелъ я впередъ, но вдругъ съ ужасомъ отступилъ. Мнѣ восемнадцать лѣтъ, я еще молодъ, но я много уже размышлялъ, а опытность благочестивыхъ моихъ воспитателей насадила въ моей душѣ зрѣлость, позволяющую мнѣ правильно судить о вещахъ; къ тому же, моя вѣра такъ прочна и такъ глубоко проникаетъ все существо мое, что я безъ опасенія могу смотрѣть на то, что дѣлается вокругъ меня. Я не боюсь за свое спасеніе, но сердце мое обливается кровью при мысли о той будущности, которая ожидаетъ наше современное общество, и я молю Создателя не отвратить руки своей отъ нашей несчастной страны. Даже тутъ,

въ самомъ мѣстѣ моего пребыванія, у маркизы К.. моей кузины, я нахожу только легкомысліе въ мущинахъ и опасное кокетство въ женщинахъ. Пагубное дуновеніе эпохи проникло и въ эти высшіе разряды французской аристократіи. Здѣсь обсуждаютъ иногда вопросы науки и нравственности, вопросы, косвеннымъ образомъ посягающіе на самую религію и въ которыхъ нашъ святой отецъ, папа, только одинъ компетентенъ. Такъ, Богъ допускаетъ въ настоящую пору, что нѣкоторые ученые даютъ новое объясненіе происхожденію существъ и, не смотря на отлученіе, которое, безъ сомнѣнія, постигаетъ ихъ, бросаютъ тѣнь нечестиваго недовѣрія на самыя почтенныя традиціи.

Я не интересовался подобными глупостями, но съ истинной горечью слышалъ, какъ люди съ вѣсомъ, знаменитыя имена придавали этому нѣкоторую важность.

Что касается до нравовъ и привычекъ, то, хотя въ нихъ нѣтъ безнравственности, что въ нашемъ обществѣ и не могло бы никогда имѣть мѣста, но легкомысліе ужасающее. Я разскажу

тебѣ только одинъ случай, тотъ самый, который болѣе всего поразилъ меня.

Въ десяти минутахъ ходьбы отъ замка протекаетъ очаровательная рѣчка, оттѣненная густыми ивами; теченіе не быстро, вода прозрачна, какъ кристаллъ, а дно покрыто пескомъ столь мелкимъ, что нога ступаетъ по немъ, какъ по ковру. Повѣришь-ли ты, другъ мой, что въ теперешніе жары всѣ обыватели замка ходятъ туда купаться, всѣ вмѣстѣ, въ одно и тоже время и безъ различія пола? Простой, очень узкій костюмъ плохо прикрываетъ довольно смѣлую стыдливость этихъ дамъ.

Извини, благочестивый другъ мой, что я вхожу въ эти подробности и нарушаю спокойствіе души твоей изображеніемъ свѣтскихъ картинъ; но вѣдь я обѣщалъ тебѣ сообщать свои впечатлѣнія и мысли, самыя интимныя. Я повинуюсь этому священному обязательству.

Признаюсь, эти купальныя сцены возмутили меня до послѣдней степени въ первый же разъ, какъ я о нихъ услышалъ. Онѣ возбудили во мнѣ весьма понятное отвращеніе, и я рѣшитель-

но отказался принимать въ нихъ участіе. Надо мной смѣялись, но свѣтскія насмѣшки не способны измѣнить моей рѣшимости.

Между тѣмъ, вчера, около пяти часовъ вечера, маркиза прислала за мной и устроила такъ ловко, что мнѣ невозможно было отказаться отъ обязанности быть ея кавалеромъ.

Мы отправились. Горничная несла костюмы маркизы и моей сестры, которая должна была насъ догнать.

— Я знаю, сказала моя кузина, опираясь на мою руку сильнѣе, чѣмъ того требовало удобство, я знаю, что вы чудесно плаваете; слухъ о вашихъ талантахъ изъ коллегіи распространился сюда; вы меня поучите держаться на водѣ, не правда-ли, Робертъ?

— Я не придаю значенія, любезная кузина, физическимъ преимуществамъ, сказалъ я ей. Я плаваю посредственно, не болѣе.

Съ этими словами я отвернулъ голову, чтобы не слышать запаха, распространявшагося отъ ея волосъ. Ты знаешь, что я подверженъ невральгіи.

— Но, *мой милый*, физическихъ преимуществъ вовсе не слѣдуетъ презирать.

Это *мой милый* мнѣ очень не понравилось. Моей кузинѣ 26 лѣтъ, это правда, но вѣдь и я ужъ не *милый ребенокъ* въ собственномъ смыслѣ слова; однимъ словомъ, тутъ была вовсе не желательная для меня фамиліарность. Со стороны маркизы это было не болѣе, какъ слѣдствіе того легкомыслія, того laisser-aller въ словахъ, которыя я замѣтилъ; но тѣмъ не менѣе, я былъ шокированъ. Она продолжала:

— Излишняя скромность вовсе не пристала къ нашему обществу. Изъ васъ выйдетъ прекрасный кавалеръ, мой маленькій Робертъ, и то, чего вамъ недостаетъ, легко пріобрѣсти, напримѣръ... Предоставьте заботу о вашей прическѣ каммердинеру маркиза... Онъ отлично исполнитъ свое дѣло, и вы останетесь довольны.

Ты долженъ понять, любезный Клодъ, что на всѣ эти авансы я отвѣчалъ холодностью, не оставлявшей никакого сомнѣнія относительно моихъ намѣреній.

— Повторяю, кузина, я очень мало придаю зна-

ченія всему этому, сказалъ я, сопровождая свои слова взглядомъ твердымъ... ледянымъ.

Тутъ только, такъ какъ до тѣхъ поръ я и не взглянулъ на нее, замѣтилъ я изящество ея туалета; изящество, которому пагубная красота ея служила предлогомъ и поощреніемъ.

Руки у нея были голыя и украшались браслетами; верхъ корсажа былъ плохо прикрытъ легкимъ, прозрачнымъ газомъ; однимъ словомъ, желаніе нравиться сказывалось во всѣхъ подробностяхъ ея костюма. Я былъ взволнованъ, при видѣ такого легкомыслія, и чувствовалъ, что краснѣю отъ жалости... почти отъ стыда.

Наконецъ, пришли мы къ берегу рѣки. Она оставила мою руку и безъ церемоніи опустилась на траву, откинувъ назадъ локоны своихъ волосъ, падавшихъ изъ подъ шиньона.

— Ужасно жарко, сказала она, обмахиваясь вѣеромъ. Я боюсь каждую минуту, при подобной температурѣ, какъ бы носъ г. де-Боренара не загорѣлся! ха! ха! ха! Честное слово.

Она разразилась смѣхомъ по поводу шутки, довольно неприличной и весьма мало остроум-

ной. Г. де-Боренаръ одинъ изъ друзей маркиза, и лицо у него дѣйствительно красное.

Я сложилъ губы въ вѣжливую улыбку, которую она приняла, безъ сомнѣнія, за одобреніе, потому что бросилась въ разговоръ, въ болтовню, которой нѣтъ имени. Перепутывая между собой чувства, самыя нечестивыя, съ религіозными идеями, самыми странными, спокойствіе полей съ свѣтскимъ вихремъ и все это съ свободою жестовъ, прелестью выраженій, тонкостью взгляда, она очаровала-бы этой земной поэзіей своей всякаго, кромѣ меня.

— Признайтесь, что это очаровательное мѣстечко этотъ маленькій уголокъ?

— Согласенъ, кузина.

— А эти старыя ивовыя деревья, съ ихъ широкими верхушками, склонившимися надъ рѣкой... Взгляните, какъ весело толпятся полевые цвѣты вокругъ ихъ помертвѣвшаго ствола... Не странное-ли впечатлѣніе производитъ на васъ эта молодая, изящная, серебристая зелень, эти тонкія и гибкія вѣтви! Столько изящества, свѣ-

жести, молодости выбивается изъ такого стараго, точно проклятаго, тѣла.

— Богъ не проклялъ растенія, кузина.

— Это возможно; но я не могу не находить въ этихъ деревьяхъ чего-то, что напоминаетъ мнѣ человѣка. Вѣчная старость имѣетъ видъ наказанія. Оно тоже искупаетъ свои грѣхи и страдаетъ, это квазимодо полей! Что-же, по вашему, мнѣ дѣлать, кузенъ, если все это производитъ на меня такое впечатлѣніе... Кто докажетъ мнѣ, что это ивовое дерево не послѣднее воплощеніе грѣшника, умершаго въ нераскаяніи? — Съ этими словами она разразилась смѣхомъ.

— Въ томъ, что вы говорите, такъ много языческаго и противнаго догматамъ, что, для объясненія вашихъ словъ, я вынужденъ предположить, что вы смѣетесь надо мной.

— Вовсе нѣтъ, я не смѣюсь надъ вами, мой маленькій Робертъ. Знаете-ли вы, что вы уже не первой молодости? Однакожъ, отправляйтесь одѣваться для купанья. Я точно также удаляюсь въ палатку. До свиданія. — Съ видимымъ кокет-

ствомъ раскланялась она со мной жестомъ руки и вошла въ палатку.

Что за причудливая тайна—сердце женщины!

Размышляя объ этихъ вещахъ, я отыскалъ закрытое мѣсто и въ одну минуту натянулъ свой костюмъ... Я думалъ о тебѣ, благочестивый другъ мой, застегивая корсажъ и рукава. Сколько разъ помогалъ ты мнѣ въ этой работѣ, въ которой я былъ такъ неловокъ! Ужъ я готовъ былъ броситься въ воду, когда звукъ голоса маркизы достигъ до моего слуха. Я остановился и сталъ слушать, не изъ любопытства, я бы тебѣ признался въ этомъ, а изъ искренняго желанія лучше узнать эту душу, въ существѣ добрую, но заблудшуюся.

— Не хочу я, Жюли, говорила маркиза, и слышать о твоемъ ужасномъ, непромокаемомъ чепчикѣ. Вода входитъ внутрь и остается тамъ.

— Ваши волосы, г-жа маркиза, намокнутъ.

— Вы положите на нихъ пудры. Ничто такъ не сушитъ, какъ пудра... Я какъ разъ сегодня вечеромъ надѣну свѣтло-голубое платье... Вы положите блѣдной пудры... Моя милая, да вы съ

ума сошли! Я просила васъ укоротить костюмъ, но съузивъ его въ колѣнахъ. Взгляните, на что это похоже?

— Я боялась, что вы будете стѣснены въ движеніяхъ.

— Стѣснены въ движеніяхъ! Зачѣмъ-же вы пустили тутъ на цѣлыхъ три пальца? Взгляните, какъ морщитъ; видите, моя милая, видите?

Палатка заколыхалась, и я понялъ, что кузина моя въ нетерпѣніи надѣваетъ костюмъ, чтобы лучше обнаружить передъ горничной его недостатки.

— Я не хочу походить на существо, завернутое въ простыню; но, съ другой стороны, я хочу имѣть свободу движеній. Вы, Жюли, не хотите понять того, что эта матерія не растягивается... Вы видите теперь, что если я нагнусь... А! теперь вы поняли, наконецъ-то.

Неправда ли, благочестивый другъ мой, жалки тѣ умы, которыхъ могутъ занимать подобныя вещи? Съ цѣлью прервать возмущавшую меня болтовню, заявить о своемъ присутствіи, я сталъ шумѣть въ водѣ.

— Я къ вашимъ услугамъ, Робертъ, идите въ воду; развѣ сестра ваша не пришла еще? сказала мнѣ кузина, возвысивъ голосъ. Затѣмъ, понизивъ тонъ, она снова обратилась къ горничной:

— Да, конечно, затяните хорошенько. Палатка раскрылась, и родственница моя появилась.

Я не знаю почему, но я задрожалъ, точно въ виду приближенія какой-нибудь опасности. Она сдѣлала два или три шага, снимая съ пальцевъ золотыя кольца, затѣмъ остановилась, передала кольца Жюли и движеніемъ, которое я и теперь еще вижу, но котораго невозможно описать, сбросила въ траву съ ногъ сандаліи.

Она не сдѣлала и трехъ шаговъ, но этого было достаточно, чтобы замѣтить странность ея походки. Она ступала боязливыми шагами, голыя руки ея, прилегавшія къ стану, и выдающіяся части корсажа дрожали отъ стыда при малѣйшемъ движеніи. Этого было слишкомъ, я отвернулся! Я чувствовалъ, что краснѣю до ушей при мысли, что маркиза К., моя кузина, могла до такой степени забыть законы стыдливости, чтобы днемъ показаться въ подобномъ видѣ. Только

волосы ея обнаруживали, что это женщина. Во всемъ остальномъ это былъ молодой человѣкъ, не совсѣмъ обыкновенный на видъ, въ одно и тоже время гибкій и съ странной полнотой, одно изъ тѣхъ существъ, которыя появляются во снѣ и въ безсонницахъ лихорадки, одно изъ тѣхъ существъ, къ которымъ привлекаетъ насъ невѣдомая сила, и которые слишкомъ походятъ на ангеловъ, чтобы быть демонами.

— О чемъ вы задумались, Робертъ? Дайте мнѣ руку, чтобы войдти въ воду.

Съ этими словами, она замочила въ прозрачной волнѣ пальчики своей ноги.

— Сразу всегда холодно, но вода должна быть отличная, сказала она; что съ вами, рука ваша дрожитъ?... Кузенъ, вы зябки! Дѣло въ томъ, что я дрожалъ не отъ страха и не отъ холода; но, въ близости маркизы, запахъ, распространявшійся отъ ея волосъ, ударилъ мнѣ въ голову, и, при моей впечатлительности, ты легко поймешь, что я готовъ былъ упасть въ обморокъ. Я однакожъ совладалъ съ моей дурнотой. Она схватила меня за руку, какъ хватаются за набалдашни къ

трости или за перила лѣстницы, и мы вошли въ воду. Подъ напоромъ воды, матерія ея костюма натянулась и грубо обрисовала натуральныя формы, одна мысль о которыхъ способна возбудить во мнѣ негодованіе. О, любезный мой Клодъ, сколько печали и страха испытала-бы прекрасная душа твоя, если бы ты увидѣлъ меня въ томъ положеніи, въ которомъ я былъ. Какъ ни силенъ я, благодаря непоколебимымъ основамъ моего воспитанія, но я боялся, чтобы эти плотскія прикосновенія не возбудили во мнѣ одного изъ тѣхъ чувственныхъ желаній, отъ которыхъ насъ такъ благоразумно предостерегали. Въ глубинѣ еще чистаго моего сердца я молилъ Бога предостеречь меня отъ зла и не дозволить проснуться чудовищу, какъ говорилъ верховный Отецъ. Но дозволь мнѣ окончить разсказъ, какъ-бы противны ни показались тебѣ подробности.

Рѣка становилась все глубже и глубже. Маркиза, по мѣрѣ того, какъ вода поднималась и заливала ея корсажъ, испускала легкіе крики, походившіе на шипѣніе змѣи, а затѣмъ принялась смѣяться дрожащимъ смѣхомъ и тѣсниться все

ближе и ближе ко мнѣ. Наконецъ, она остановилась и, обернувшись, погрузила свой взглядъ въ мои глаза. Я чувствовалъ, что наступила торжественная минута. Я предугадывалъ у себя подъ ногами скрытую пропасть, сердце мое билось сильно, а голова горѣла.

— Покажите-же мнѣ, Робертъ, какъ держаться на водѣ; ноги вытянуть и держать прямо, руки къ тѣлу, не такъ-ли?

— Да, кузина, и слегка шевелить кистями рукъ.

— Прекрасно, я начинаю: разъ, два, три... Какое ребячество! я боюсь. Поддержите меня, хоть немного, кузенъ.

Въ эту минуту слѣдовало бы мнѣ ей сказать: „Нѣтъ, кузина, нѣтъ, сударыня, я неспособенъ поддерживать кокетокъ, я не хочу...“! но ничего этого сказать я не смѣлъ, языкъ мой точно онѣмѣлъ и я обвилъ руками талью маркизы, чтобы ловче поддерживать ее.

Увы, я сдѣлалъ ошибку, можетъ быть: непоправимую!

Когда я почувствовалъ, какъ этотъ корсажъ

поддается давленію моей руки, когда я увидалъ эту женщину, распростертую на водѣ, когда я увидѣлъ ея шею и роскошную грудь,—прости, о прости мнѣ, благочестивый другъ мой, это прилагательное, прости! но въ ту минуту, нечего скрывать, я обожалъ это обольстительное тѣло... Но къ дѣлу: когда все это предстало глазамъ моимъ, мнѣ показалось, что вся кровь моя хлынула къ сердцу, смертельная дрожь пробѣжала по моимъ членамъ—дрожь негодованія и стыда, конечно!—въ глазахъ у меня потемнѣло, душа моя, казалось, оставляла тѣло, и, въ обморокѣ, я упалъ на нее, увлекая ее на дно рѣки.

Я слышалъ крикъ, чувствовалъ, какъ руки ея обвились вокругъ моей шеи, пальцы вцѣпились въ мое тѣло, и болѣе ничего,—я потерялъ сознаніе.

Ономнился я на травѣ, Жюли терла мнѣ руки, а маркиза, въ купальномъ костюмѣ, съ котораго струилась вода, подносила флаконъ къ моему лицу. Во взглядѣ ея была строгость и оттѣнокъ довольства, смыслъ котораго былъ мнѣ непоня-

тенъ. „Ребенокъ!“ сказала она, „большой ребенокъ!“

Теперь тебѣ извѣстны факты, благочестивый другъ мой, дай же мнѣ совѣтъ и благодари небо за то, что ты живешь вдали отъ этихъ бурь.

Искренній другъ твой

Жоржъ де-К.

Великопостныя воспоминанія.

I.

ПРОПОВѢДЬ.

На ступеняхъ храма толпятся вѣрующіе; уже весенніе туалеты ихъ блистаютъ на солнцѣ, длинные шлейфы метутъ пыль; ленты и перья развѣваются въ воздухѣ; раздается благовѣстъ, экипажи рысью подъѣзжаютъ къ паперти и, высадивъ сюда все, что есть самого набожнаго и благороднаго въ городѣ, отъѣзжаютъ на конецъ площади и становятся въ линію.

Торопитесь, проталкивайтесь сквозь толпу, если желаете получить мѣсто, потому что сегодня аббатъ Желонъ будетъ проповѣдывать о воздер-

жаніи, а его проповѣдь привлекаетъ столько же публики, какъ пѣніе Патти.

Войдите, сударыня, отворите дверь, тяжело закрывающуюся за вами; быстрымъ движеніемъ прикоснитесь къ кропильницѣ, предлагаемой вамъ благочестивымъ старцемъ и перекреститесь небрежно, но граціозно и осторожно, что бы не помять вашихъ бантовъ. Слышите-ли вы этотъ тихій, аристократическій шопотъ?

— Здравствуйте, моя красавица!

— Здравствуйте, ангелъ мой; опять онъ будетъ говорить о воздержаніи? Есть у васъ мѣсто?

— Да, да пойдемте со мной. Это-то ваша знаменитая шляпа?

— Да; нравится-ли она вамъ?—немного пестра, неправда-ли? Боже мой, какое стеченіе публики! Гдѣ же вашъ мужъ?

— Какъ пестра шляпа? она великолѣпна... Мужъ мой сидитъ на первой скамьѣ; онъ уѣхалъ еще раньше меня; у него это переходитъ уже къ фанатизмъ, онъ... поговариваетъ о завтракахъ изъ рѣдиски и чечевицы!

— Для васъ это должно быть очень, очень пріятно...

— Не говорите мнѣ объ этомъ... Идите за мной... Посмотрите! вотъ Эрнестина и Луиза, какъ у ней красивъ носъ! Бѣдная эта Луиза! кто повѣритъ, что она пьетъ только воду...

И дамы эти подвигались между стульями, которые онѣ съ достоинствомъ опрокидывали на своемъ пути.

Сѣвъ на свои мѣста, онѣ наклоняются надъ своими молитвенниками, бросаютъ благоговѣйный взглядъ, взглядъ томный, глубокій и влажный на алтарь и, наконецъ, скрываютъ свое личико въ ручкахъ, красиво обтянутыхъ перчатками.

Впродолженіи двухъ минутъ эти дамы граціозно погружаются въ молитву, потомъ усаживаются, кокетливо расправивъ огромный бантъ своей шляпы и оглядѣвъ присутствующихъ въ маленькій золотой лорнетъ, который онѣ держатъ, приподнявъ мизинецъ,—поправляя шелковистыя складки своихъ пышныхъ платьевъ, принимаются на право и на лѣво щедро раздавать поклоны и улыбки.

— Какъ вы поживаете, милочка?

—Отлично, благодарю васъ. Посмотрите, между двумя свѣчами стоятъ Луиза и госпожа де-С...?

—Возможно-ли являться въ церковь одѣтой такимъ пугаломъ!

—О! я никогда не вѣрила въ набожность госпожи де-С... Вы знаете ея исторію? Исторію ширмъ?... я вамъ разскажу это потомъ.—Ахъ! вотъ и церковный служитель.

Дѣйствительно, изъ за каѳедры показывается лысая голова церковнаго служителя. Онъ ставитъ стулъ и, отстраняясь, даетъ пройдти аббату Желону, нѣсколько поблѣднѣвшему вовремя поста отъ воздержанія но, какъ всегда, прекраснаго сознаніемъ собственнаго достоинства, своимъ изяществомъ и благочестіемъ. Нѣсколько мгновеній въ толпѣ слушателей замѣтно легкое волненіе,—они усаживаются комфортабельнѣе. Наконецъ, шумъ смолкаетъ и всѣ взгляды напряженно обращаются въ сторону оратора.

Онъ возвелъ глаза къ небу и стоитъ прямо и неподвижно; въ его вдохновенномъ взглядѣ есть что-то небесное; его красивыя, бѣлыя руки, окаймленныя кружевомъ, покоятся на красномъ

бархатѣ каѳедры. Онъ молчитъ еще нѣсколько минутъ, прокашливается два раза, развертываетъ свой носовой платокъ, ставитъ въ сторону свою складную шляпу и, наклонившись впередъ, нѣжнымъ, медленнымъ, убѣждающимъ голосомъ, такъ хорошо знакомымъ его слушательницамъ, произноситъ первое слово своей проповѣди: „Милостивыя государыни.“

Онъ произнесъ только одно слово и всѣ сердца уже принадлежатъ ему.

Медленно обводитъ онъ свою аудиторію бархатнымъ взглядомъ, взглядомъ проницательнымъ и привлекающимъ; потомъ, послѣ нѣсколькихъ латинскихъ словъ, которыя онъ съ тактомъ тотчасъ же переводитъ на французскій языкъ, онъ прибавляетъ: „Что такое воздержаніе? для чего нужно воздерживаться и какъ воздерживаться? Вотъ эти три вопроса, милостивыя государыни, мы и будемъ разсматривать теперь...“

Онъ сморкается, отхаркиваетъ, кашляетъ; священный трепетъ волнуетъ всѣ сердца—что онъ скажетъ? великолѣпный предметъ проповѣди!

правда-ли, сударыня, что ваше сердце

настроено благочестиво и вы, въ эту минуту, чувствуете настоящую жажду воздержанія и умерщвленія плоти?

Храмъ утопаетъ въ мягкомъ полумракѣ, напоминающемъ вамъ будуаръ, и располагающемъ къ мечтанію.

Что-то невыразимое и неопредѣленное охватываетъ васъ. Въ голосѣ этого прекраснаго, уважаемаго проповѣдника, среди этой полной тишины, есть что-то небесное. Таинственное эхо повторяетъ въ глубинѣ храма каждое изъ его словъ и въ тѣни алтаря золотыя канделябры блестятъ, какъ драгоцѣнные каменья. Сквозь старинныя стекла, съ символическими изображеніями, проникаютъ потоки солнечнаго свѣта и пронизываютъ огненными полосами полумракъ, наполняющій церковь.

Не небо-ли разверзается? Не духъ-ли свыше осѣняетъ насъ?

И теряясь въ благочестивомъ мечтаніи, убаюкивающемъ и очаровывающемъ васъ, вы съ восторгомъ вслушиваетесь въ звуки органа и вглядываетесь въ причудливыя изваянія, теряющіяся въ сводахъ храма. Вѣрованія дѣтства свято

взлелѣянныя въ вашемъ сердцѣ вдругъ пробуждаются, запахъ ладана носится въ воздухѣ. Каменныя колонны тянутся въ неопредѣленныя высоты и съ этихъ небесныхъ сводовъ спускается золотая лампада, которая, раскачиваясь, разливаетъ свой безконечный свѣтъ. Богъ великъ! Мало по малу голосъ проповѣдника все болѣе очаровываетъ васъ, смыслъ словъ исчезаетъ, и подъ божественный шопотъ его святаго голоса ваши вѣки закрываются и вы засыпаете сномъ дитяти.

Вы не спите, но ваша голова склоняется, полумракъ окружаетъ васъ, и ваша душа, стремящаяся въ неопредѣленное небесное пространство теряется въ безконечности. Пріятное чувство священнаго восторга и упоенія! И нѣкоторые люди еще могутъ улыбаться надъ этимъ представленіемъ, надъ этой пышностью и великолѣпіемъ постановки, надъ этой небесной музыкой, ослабляющей нервы и потрясающей мозгъ. Эти насмѣшники достойны сожалѣнія, они не понимаютъ этого невыразимаго наслажденія, когда человѣкъ въ самыя отчаянныя минуты можетъ по

желанію приблизиться къ вратамъ рая и къ архангеламъ.

Но стоитъ-ли говорить о невѣрующихъ, объ ихъ безсильной улыбкѣ? какъ прекрасно выразился аббатъ Желонъ: *Наше сердце есть крѣпость, осаждаемая постоянно духомъ тьмы.* Мысль о неизбѣжности борьбы съ этимъ могучимъ врагомъ удесятеряетъ ваши силы и льститъ вашему самолюбію. Какъ одиноки вы, сударыня, въ вашей крѣпости, какъ беззащитны противъ этого чернаго врага!

Но тише! аббатъ Желонъ кончаетъ проповѣдь потрясающимъ и утомленнымъ голосомъ.

Правой рукой онъ начертываетъ въ воздухѣ знаменіе мира. Потомъ онъ вытираетъ свой потный лобъ, его глаза блестятъ божественнымъ огнемъ, онъ спускается по узкой лѣстницѣ съ кафедры, раздаются мѣрные удары трости церковнаго сторожа, который провожаетъ его въ алтарь.

—Не правда-ли, онъ былъ прекрасенъ?

— Великолѣпенъ! когда онъ произнесъ эти

слова: *Да сомкнутся мои глаза навсегда, если...* вы помните, какъ онъ это сказалъ?

—Превосходно! а потомъ, когда онъ сказалъ: *Да, милостивыя государыни, вы кокетки!* онъ намъ сказалъ дерзость!.. онъ говоритъ великолѣпно.

—Великолѣпно, божественно!

II

КАЮЩІЕСЯ.

Четыре часа; въ церкви темно и тихо. Въ это убѣжище молитвы только слабо доносится снаружи стукъ подъѣзжающихъ экипажей, да легкій, осторожный скрипъ сапогъ, напоминающій о присутствіи живаго человѣка, нарушаетъ таинственную тишину храма.

Но, пройдя далѣе, въ глубину церкви, и оглядѣвшись, вы замѣчаете придѣлы храма, напол-

пенные неподвижными и молчаливыми группами вѣрующихъ, молящихся на колѣняхъ. Отчаяніе, выражающееся въ ихъ фигурахъ, вызываетъ въ васъ ощущенія грусти и безпокойства, напоминая осужденныхъ преступниковъ.

Особенно одинъ придѣлъ обращаетъ ваше вниманіе. Сто или сто пятьдесятъ дамъ, утопая въ шелку и бархатѣ, набожно тѣснятся у исповѣдальни. Нѣжный запахъ фіалки и ландыша наполняетъ воздухъ и вы невольно останавливаетесь передъ этой изящной толпой.

Изъ дверей исповѣдальни вырываются наружу волны непокорной юбки, такъ какъ *кающаяся* только на половину могла пролѣзть въ узкое помѣщеніе исповѣдальни; но все-таки, несмотря на темноту, наполняющую храмъ и исповѣдальню, вы можете разглядѣть движенія ея головы и, по печальному колебанію бѣлаго газа ея шляпы, догадаться, что она склоняетъ свое чело, покорясь увѣщаніямъ и раскаиваясь.

Едва она кончила свою краткую исповѣдь, какъ десятокъ ея сосѣдокъ торопится занять ея мѣсто. Такая поспѣшность понятна и легко

объясняется тѣмъ, что въ этомъ придѣлѣ исповѣдуетъ знаменитый аббатъ Желонъ,—а его исповѣдь сзываетъ такую же толпу, какъ и проповѣдь. Онъ, этотъ добрый аббатъ, направляетъ всѣхъ этихъ грѣшницъ на истинный путь и, съ ангельской преданностью своему дѣлу, остается цѣлыми часами въ этой узкой каютѣ, лишенной свѣта и воздуха, черезъ рѣшетку которой кающіяся грѣшницы шепчутъ ему свои грѣхи.

Добрый аббатъ! И, что въ особенности драгоцѣнно въ *немъ*,—такъ это то, что онъ не любитъ тянуть: онъ умѣетъ избѣгать безполезныхъ подробностей. Онъ сразу видитъ состояніе вашей души и съ тонкимъ тактомъ освобождаетъ васъ отъ тысячи неловкостей и, какъ человѣкъ умный и свѣтскій, дѣлаетъ очень пріятнымъ для васъ процессъ исповѣди вашихъ маленькихъ слабостей, которыя къ тому же онъ самъ и подсказываетъ вамъ. Къ нему приходятъ, чувствуя себя въ большомъ затрудненіи, относительно принесенной ноши грѣховъ, колеблясь и не рѣшаясь разсказать ему *все*,—но онъ такъ скромно развязываетъ эту ношу, такъ легко и

проворно осматриваетъ все, что тамъ содержится, такъ мило улыбается и утѣшаетъ васъ, что вы, не произнеся ни одного слова, неожиданно видите, что уже вполнѣ раскаялись и признались рѣшительно во всемъ. Распростираясь послѣ такой исповѣди передъ алтаремъ, каждая изъ кающихся положительно не можетъ не воскликнуть:

— Но, Господи, я чиста, чиста, какъ лилія, и вздумала еще тревожиться!

Тактъ и изящество обращенія,—составляющіе прирожденныя и драгоцѣнныя качества аббата Желонъ,—непокидаютъ его даже и тогда, когда, облачившись и переставъ такимъ образомъ быть простымъ смертнымъ, онъ дѣлается служителемъ Бога: тэмбръ его голоса, его взглядъ, такъ цѣнимые его земными поклонницами, не могутъ, конечно, повредить ему и передъ Богомъ.

Если Богу угодно, чтобы на свѣтѣ существовало Сентъ-Жерменское предмѣстье (а отрицать такого желанія невозможно), то, разумѣется, онъ долженъ дать намъ пастыря, который бы понималъ нашъ языкъ и наше изящное обращеніе.

Говоря по совѣсти, я рѣшительно не понимаю

нѣкоторыхъ дамъ, рѣшающихся говорить объ какомъ-то аббатѣ Брисъ; я вовсе не хочу сказать чего нибудь дурнаго объ этомъ достойномъ аббатѣ; здѣсь не время и не мѣсто для этого. Это, конечно, святой человѣкъ, но святость его какъ-то тривіальна, и вообще его необходимо было бы немного отполировать.

Ему на исповѣди необходимо говорить *все*, излагать дѣло подробно, иначе онъ васъ пойметъ плохо или даже совсѣмъ не пойметъ.

Признайтесь ему въ какой нибудь невинной шалости, и его брови хмурятся; ему нужно опредѣлить часъ, минуту, обстоятельства, причину; онъ разсматриваетъ, взвѣшиваетъ и свои безконечные вопросы доводитъ до нескромности, до неприличія. Развѣ, исполняя священныя обязанности пастыря и будучи строгимъ, нельзя въ тоже время быть вѣжливымъ и вести себя джентльмэномъ съ людьми хорошаго происхожденія?

Въ аббатѣ Брисъ видѣнъ съ разу простолюдинъ, онъ даже немного республиканецъ. Дурно обутый, съ ужасными ногтями, а когда онъ въ перчаткахъ, что случается два раза въ годъ,—

то пальцы его кажутся растопыренными и одервенѣлыми...

Я не отрицаю его прекрасныхъ душевныхъ качествъ, замѣтьте это; но чтобы вы ни дѣлали, вы никогда не заставите свѣтскую женщину разсказать свои грѣшки сыну фермера, называя его *отцемъ*. Это было-бы почти нелѣпо.

Да кромѣ того, отъ этого достойнаго аббата Брисъ сильно пахнетъ самымъ плохимъ нюхательнымъ табакомъ.

Онъ исповѣдуетъ людей званія и состоянія, и вы сами согласны, что исповѣдываться рядомъ съ вашей кухаркой или горничной не особенно пріятно.

Я думаю, мало на свѣтѣ людей, понимающихъ лучше васъ, читательница—христіанское смиреніе; но вы не привыкли ѣздить въ общественныхъ каретахъ и не намѣрены привыкать къ этому; можетъ быть, вы и скажете, что, встрѣтившись на томъ свѣтѣ съ вашимъ кучеромъ, будете очень рады назвать его: *братъ мой* и сказать вашей горничной Розали: *сестра моя*; но вѣдь это случится тогда, когда эти почтен-

ные люди уже пройдутъ черезъ чистилище, гдѣ огонь очищаетъ все. Да кромѣ того, приведется-ли еще Розали попасть на небо, когда даже вы сами, милая барыня, не можете быть увѣрены, попадете-ли вы туда?

Совершенно понятно теперь, почему придѣлъ аббата Желонъ всегда полонъ. Если тамъ и слышенъ шопотъ, то осуждать за это кающихся нельзя: иногда приходится прождать цѣлыхъ три часа, да и исповѣдницы всѣ знакомы между собой.

— Посторопитесь крошечку, мой ангелъ! тихо проситъ вновь пришедшая, пробираясь между юбокъ, налоевъ и стульевъ.

— Ахъ, это вы, милый другъ! Клементина и госпожа де-Б. будутъ сейчасъ исповѣдываться. Вотъ и придется прождать не менѣе двухъ часовъ.

— Если г-жа де-Б. здѣсь, то меня нисколько не удивляетъ, что мы прождемъ такъ долго: она неистощима, нѣтъ женщины, которая-бы такъ медленно разсказывала, какъ она. Неужели вся эта толпа еще не исповѣдывалась? Ахъ! вотъ

и Эрнестина (*слегка привѣтствуетъ рукой*). Этотъ ребенокъ, право, настоящій ангелъ. Она призналась мнѣ, что ее до того мучаетъ совѣсть, что во время чтенія *Страстей* она не посмѣла приложиться къ покрывалу плащаницы.

— Ахъ, это прелестно! но скажите мнѣ, пожалуйста, развѣ вы прикладываетесь къ нему?

— Я? нѣтъ,—я не имѣю привычки этого дѣлать!

— Каетесь-ли вы въ этомъ, по крайней мѣрѣ?

— О! я за разъ каюсь во всѣхъ этихъ мелочахъ.

— Точно также, какъ я, и этотъ добрый аббатъ Желонъ отпускаетъ очень скоро.

— Если бы онъ поступалъ иначе, ему не хватило бы времени. Но мнѣ кажется, милочка, что мы болтаемъ черезъ чуръ много; позвольте мнѣ подумать о моихъ грѣхахъ.

Кающаяся склоняется на свой налой. Не спуская глазъ съ алтаря, она изящно стягиваетъ перчатку съ правой руки и, шевеля губами, повертываетъ большимъ пальцемъ кольцо св. Женевьевы, замѣняющее ей четки. Потомъ, опустивъ

глаза и сжавъ зубы, она отстегиваетъ у молитвенника застежку, украшенную гербовыми лиліями, и ищетъ подходящей къ ея душевному состоянію молитвы.

(Читая съ жаромъ) *Господи, обремененная тяжестью моихъ грѣховъ, я простираюсь къ стопамъ твоимъ*...—Я въ отчаяніи, у меня страшно зябнутъ ноги. Съ моимъ больнымъ горломъ я непремѣнно схвачу гриппъ...—*Я простираюсь къ стопамъ твоимъ*...Скажите, мой ангелъ, нельзя-ли здѣсь достать грѣлки? ничего нѣтъ хуже, какъ холодъ въ ногахъ... однако мадамъ де-П... исповѣдуется цѣлыми часами! Я увѣрена, что, вмѣстѣ съ своими грѣхами, она разсказываетъ грѣхи своихъ друзей.—Наконецъ, это безсмысленно! у меня совсѣмъ замерзла правая нога, я заплатила бы за грѣлку этой женщинѣ! (Читаетъ) *Я преклоняю свое чело подъ тяжестью раскаянія и*...

Ахъ! мадамъ де-П... кончила; она разгорѣлась, какъ уголь. Четыре барыни въ религіозномъ порывѣ спѣшатъ занять ея мѣсто.

— Ахъ! сдѣлайте одолженіе, не толкайтесь.

— Но, сударыня, я была здѣсь раньше васъ.

— Извините, пожалуйста, это неправда!

— Странно же вы понимаете уваженіе къ храму божію!

— Шш! шш! Пользуйтесь случаемъ, сударыня, пробирайтесь и занимайте мѣсто. (*На ухо*) Не забудьте вчерашняго и еще...

III

СНОВИДѢНІЕ.

Безпокойный сонъ бываетъ почти всегда слѣдствіемъ дурнаго пищеваренія. Мой пріятель, докторъ Жакъ, потвердитъ это.

Въ тотъ вечеръ, — это было въ пятницу, — я сдѣлалъ большую ошибку, поѣвъ камбалы-рыбы, которая мнѣ положительно вредна.

Дай Богъ, чтобъ разсказъ страннаго сновидѣнія, которое было слѣдствіемъ этого, внушилъ вамъ осторожность.

Какъ бы то ни было, вотъ мой сонъ, со всей своей странностью.

Я имѣлъ честь (во снѣ) быть первымъ викаріемъ въ одномъ изъ наиболѣе посѣщаемыхъ приходовъ Парижа. — Нельзя представить себѣ подобной глупости! — Кромѣ того, я былъ дороденъ, съ почтенною головой, обрамленной многочисленными серебряными нитями (сѣдинами), съ изящными руками, орлинымъ носомъ, съ большимъ умиленіемъ пользуясь дружбой нашихъ дамъ и, смѣю сказать, уваженіемъ г-на священника.

Въ то время, когда, войдя въ ризницу, я произносилъ благодарственныя молитвы, развязывая шнуры своего стихаря, г. священникъ подходитъ ко мнѣ — я его вижу, какъ сейчасъ,— онъ сморкался.

— Любезный другъ, вы вѣдь исповѣдуете сегодня? сказалъ онъ.

— Конечно. Какъ вы поживаете?... У меня было много народа за обѣдней...

Говоря это, я оканчивалъ свои благодарствен-

ныя молитвы; повѣсивъ въ шкапъ свой, стихарь, я поподчивалъ г. священника табакомъ.

— Это не прерываетъ поста, весело сказалъ я.

— Э... ге... ге... нѣтъ, нѣтъ; да, впрочемъ, уже безъ пяти минутъ двѣнадцать, а часы отстаютъ.

Мы понюхали и отправились подъ руку, дружески разговаривая, чрезъ маленькую дверь вечернихъ таинствъ.

Вдругъ я очутился въ моей исповѣдальнѣ. Церковь была полна дамъ, которыя при моемъ приближеніи всѣ преклонились. Я вошелъ въ свое узкое судилище, отъ котораго имѣлъ ключъ. Я уложилъ на скамейку свою воздушную подушку, которая мнѣ необходима при бдѣніяхъ на большіе праздники, такъ какъ сеансы тогда слишкомъ продолжительны; — я надѣлъ сверхъ рясы совершенно бѣлый стихарь, висѣвшій на вѣшалкѣ, и, собравшись немного съ мыслями, отворилъ маленькій ставень, сообщавшій меня съ кающимися.

Я не стану описывать вамъ одну за другою

различныхъ личностей, становившихся возлѣ меня на колѣни. Я не скажу вамъ, какъ одна изъ нихъ, напримѣръ, дама, вся одѣтая въ черномъ, съ узкимъ носомъ, тонкими губами, желтоватымъ лицомъ, ни разу не запнувшись, прочитавшая мнѣ свой Confiteor по латыни, глубоко тронула меня, хотя и будучи прекраснаго пола, своей полнѣйшей ко мнѣ довѣренностью. Она нашла средство въ десять минутъ разсказать мнѣ про свою невѣстку, брата, дядю, который умиралъ и дѣлалъ ее своею наслѣдницей, про племянниковъ, слугъ, и я понялъ, не смотря на трогательную благоклонность, какою проникнуты были ея слова, то она была жертвою всѣхъ этихъ личностей. Она въ заключеніе сказала мнѣ, что имѣла сына, котораго надо было женить и которому желудокъ не позволялъ поститься. Я видѣлъ еще множество кающихся, но было бы слишкомъ долго разсказывать вамъ о нихъ, и мы удовольствуемся, если позволите, двумя послѣдними, которыя, впрочемъ, живѣе всѣхъ остались у меня въ памяти. Маленькая дама, вся въ плюмажахъ, бросилась въ исповѣдальню; она

была живая, бойкая, розовая: не смотря на выраженіе глубочайшаго сосредоточенія, она говорила очень скоро, пріятнымъ голосомъ и пролепетала свое Confiteor вопреки здравому смыслу.

— Отецъ мой, у меня есть сильное безпокойство.

— Говорите, дитя мое, вы знаете, что исповѣдникъ тотъ же отецъ.

— И такъ, отецъ мой... но, право, я не смѣю...

Есть много боязливыхъ сердечекъ, которыя требуютъ нѣкотораго ободренія, и потому я сказалъ:

— Осмѣльтесь, дитя мое, осмѣльтесь.

— Мой мужъ, прошептала она невнятно, не хочетъ соблюдать поста; должна ли я его принудить, отецъ мой?

— Да, посредствомъ убѣжденія.

— Дѣло въ томъ, что онъ обѣщается уходить обѣдать въ ресторанъ, если я не буду давать ему мяса. О, я очень страдаю! Не падетъ ли на меня отвѣтственность за все это мясо, отецъ мой?“

Эта молодая супруга, право, интересовала меня; у нея было на щекѣ, возлѣ уголка рта, маленькое углубленіе, что-то въ родѣ маленькой ямочки, совершенно мірское, но прелестное, въ оскверительномъ смыслѣ этого слова, и придававшее лицу ея какое-то особенное выраженіе. Ея маленькіе, бѣленькіе зубки блестѣли, какъ жемчугъ, когда она открывала ротъ, чтобъ разсказывать свои набожныя безпокойства; кромѣ того, отъ нея пахло почти также пріятно, какъ отъ нашихъ алтарей, только другимъ образомъ, и я вдыхалъ этотъ запахъ съ безпокойствомъ, полнымъ строгости, которое однако располагало меня къ снисхожденію. Я былъ такъ близко къ ней, что ни малѣйшая подробность въ ея лицѣ не ускользнула отъ меня; я замѣтилъ, почти помимо своей воли, даже маленькое вздрагиваніе лѣвой брови, которую постоянно раздражала упрямая прядка ея бѣлокурыхъ волосъ.

— Ваше положеніе очень затруднительно, сказалъ я: съ одной стороны — семейное счастіе, съ другой—ваши христіанскія обязанности. — Она глубоко вздохнула. — И такъ, милое дитя,

мои лѣта позволяютъ мнѣ такъ называтъ васъ, не правда-ли?

— О! да, отецъ мой.

— И такъ, милое дитя... — Въ эту минуту я замѣтилъ, что на внѣшнихъ углахъ глазъ у нея были нарисованы пятнышки, на подобіе стрѣлы.—Постарайтесь, дитя мое, убѣдить вашего супруга, который въ сущности... —Кромѣ того, ея рѣсницы, очень длинныя и нѣсколько подвитыя, были почти подчеркнуты черноватою линіею, вздутою и слегка оттѣненною къ серединѣ глаза. Эта физическая особенность показалась мнѣ не естественною и не прирожденною, но слѣдствіемъ преднамѣреннаго кокетства.

Странное дѣло! убѣдясь въ такой слабости этого искренняго сердца, сожалѣніе мое только увеличилось. Я продолжалъ тихимъ голосомъ:— Постарайтесь обратить къ Богу вашего мужа. Постное кушанье не только религіозный обрядъ, но и очень полезный обычай для здоровья. Non solum lex Dei, sed etiam... Все ли вы сдѣлали для того, чтобъ обратить вашего мужа?

— Да, отецъ мой, рѣшительно все.

— Опредѣлите, дитя мое, я долженъ знать все.

— И такъ, отецъ мой, я дѣйствовала на него кротостью, ласкою. .—Я подумалъ про себя, что мужъ этотъ долженъ быть большимъ негодяемъ.— Я заклинала его нашимъ ребенкомъ, продолжалъ этотъ маленькій ангелъ, не повредить какъ его, такъ и моему спасенію. Два или три раза я даже сказала ему, что шпинатъ былъ приготовленъ на соку, тогда какъ онъ былъ сдѣланъ на постномъ... Не худо-ли я сдѣлала, отецъ мой?

— Есть такія святыя заблужденія, которыя церковь извиняетъ, такъ какъ она имѣетъ въ виду только намѣреніе и величайшую славу Господа; потому я и не могу сказать, чтобъ вы сдѣлали дурно. У васъ, конечно, не было противъ мужа тѣхъ извинительныхъ насилій, которыя могутъ вырваться изъ христіанской души, когда она борется съ заблужденіемъ? Потому что, въ самомъ дѣлѣ, невѣроятно, чтобъ честный человѣкъ,

отказывался отъ предписаній церкви. Сдѣлайте ему прежде нѣкоторыя уступки.

— (*Съ раскаяніемъ*). Я уже сдѣлала ему и боюсь, что слишкомъ многочисленныя, отецъ мой!...

— Что вы хотите этимъ сказать?...

— Надѣясь обратить его... я оказывала ему такія... ласки, въ которыхъ должна была бы ему отказать... Можетъ быть, я ошибалась, но мнѣ кажется, что я должна была бы отказать ему.

— Не тревожьтесь, милое дитя мое, все зависитъ отъ взгляда, и въ такихъ вещахъ необходимо самое точное различіе. Между супругами есть такого рода ласки, на которыя мы закрываемъ глаза. Мы ихъ не одобряемъ. (Какъ мы можемъ одобрять ихъ, когда онѣ намъ оффиціально чужды и доказываютъ печальную связь между душой и ея земной оболочкой?). Все таки мы отечески допускаемъ эти ласки, не желая, въ своей премудрости, прекратить такъ рано родъ человѣческій. Но эта послѣдняя причина и есть единственная, извиняющая нѣко-

торыя уступки, сдѣланныя нашимъ чувствамъ которыя, какъ вы знаете, наши смертельные враги.“

— Да, отецъ мой; о! я понимаю васъ и могу васъ увѣрить, что мои намѣренія всегда согласовались съ вашими совѣтами; но его, отецъ мой, намѣренія моего мужа... Отвѣтственна-ли я въ нихъ? Вотъ, что меня смущаетъ и безпокоитъ.

— Я понимаю эти почтенныя безпокойства, дитя мое, но не тревожьтесь напрасно. Говорилъ-ли вамъ мужъ вашъ о своихъ намѣреніяхъ?

— Нѣтъ, отецъ мой.

— Ну, такъ, милое дитя мое, было бы несправедливо, чтобъ вы выносили на себѣ ихъ послѣдствія. Если вы со смиреніемъ и какъ бы съ сожалѣніемъ принимаете на себя роль жертвы... такъ ли вы ее принимаете?

— (*Опуская глаза*) Да, отецъ мой, я принимаю и со смиреніемъ... кроткимъ... по большей части.

— А въ остальное время?—Я былъ смущенъ такимъ чистосердечіемъ.

— Въ остальное время, я такъ же подчиняюсь,

но изъ благодарности за его доброту, потому что мой мужъ очень добръ, отецъ мой, вотъ именно поэтому-то я такъ и страдаю, видя совращеніе его съ пути истины. Иногда, я говорю себѣ, что не должна была бы такъ любить его, потому что, всетаки, постъ прежде всего!..

— Да, дитя мое, дѣйствительно, церковь должна быть прежде всего.

— Вотъ это-то я и говорю себѣ, отецъ мой, но мужъ мой соединяетъ съ добротой такую заразительную веселость; онъ такъ мило и просто извиняетъ свое беззаконіе, что я нехотя смѣюсь, вмѣсто того, чтобы плакать. Мнѣ кажется, что между мной и моими обязанностями поднимается завѣса, и всѣ мои тревоги изглаживаются подъ прелестью его присутствія и ума... Мужъ мой очень уменъ, прибавила она съ непримѣтной улыбочкой, въ которой проглядывала тѣнь гордости.

— Гмъ... Гмъ... (меня возмущала грѣховность этого человѣка; я продолжалъ строго:). Нѣтъ того соблазнительнаго образа, котораго не принималъ бы на себя искуситель, дитя мое. Умъ самъ по себѣ не есть вещь предосудительная,

хотя мы и отвергаемъ его для себя, смотря на него, какъ на суетное украшеніе; но онъ можетъ сдѣлаться опаснымъ и даже считаться язвой, если клонится къ тому, чтобы поколебать вѣру. Вѣру, которая для души—мнѣ нечего объяснять вамъ это—значитъ тоже, что пушокъ для персика и... если я могу такъ выразиться... тоже что... роса для цвѣтовъ, гмъ... гмъ... Продолжайте, дитя мое.

— Но, отецъ мой, когда мужъ развлечетъ меня на минуту, я тотчасъ же раскаюсь. Не успѣетъ онъ уйдти, какъ я начинаю молиться за него.

— Хорошо... очень хорошо.

— (*Ободренная, хотя еще съ смущеніемъ*)... Я зашила ему въ пальто чудесную ладонку.

— И замѣчаете вы, что она дѣйствуетъ?

— (*Смутившись*). Въ извѣстныхъ вещахъ лучше, отецъ мой, но относительно постной пищи все также неисправимъ.

— Не отчаявайтесь. У насъ теперь постъ; ну, прибѣгните къ благочестивымъ уловкамъ; велите ему сготовить какія нибудь постныя, но пріятныя для вкуса кушанья.

— Да, отецъ мой, я уже думала объ этомъ. И такъ, третьяго дня я велѣла испечь для него пирогъ съ семгой, это очень похоже на ветчину...

— (*Съ слабой улыбкой*)... Да... да... я знаю это. И что же?

— Ну, вотъ! онъ съѣлъ семгу, но затѣмъ велѣлъ зажарить котлетку.

— Убійственно!.. сказалъ я невольно, такъ какъ меня возмущала закоренѣлость этого человѣка.—Терпѣніе, дитя мое, вознесите къ Богу страданія, причиняемыя вамъ нечестіемъ вашего мужа, и помните, что трудъ вашъ вамъ зачтется. Вы больше ничего не имѣете сказать?

— Нѣтъ, отецъ мой.

— Углубитесь же въ себя. Я дамъ вамъ отпущеніе грѣховъ.—Бѣдное дитя вздохнуло, сложивъ свои маленькія ручки.

Едва эта кающаяся успѣла подняться, чтобы уйдти, я поспѣшно захлопнулъ ставень и понюхалъ табаку. Тѣ, которые нюхаютъ табакъ, знаютъ, какъ это освѣжаетъ голову; потомъ, поблагодаривъ Бога, я вытащилъ изъ подъ стихаря мои любимые, большіе часы и увидѣлъ, что было

раньше, чѣмъ я думалъ. Меня обманула темнота въ часовнѣ, а желудокъ подтвердилъ эту ошибку. Я былъ голоденъ. Отогнавъ отъ себя эти суетныя мысли и стряхнувъ съ брыжей нѣсколько крупинокъ приставшаго на нихъ табаку, я поправилъ подтяжку, которая мнѣ жала плечо, и открылъ опять ставень.

— Что это такое! нужно быть осторожнѣе, говорила другая „кающаяся,“ стоявшая по лѣвую сторону и обращаясь къ дамѣ, которой я не могъ разглядѣть, такъ какъ мнѣ были видны только ленты ея шляпы,—нужно быть осторожнѣе, это ни на что не похоже.

Тонъ этой „кающейся,“ очень раздраженный, хотя она и сдерживалась изъ уваженія къ мѣсту, смягчился вдругъ, какъ бы по волшебству, какъ только она услышала скрипъ моего ставня. Она встала на колѣни, набожно скрестила свои прекрасныя руки безъ перчатокъ, надушеныя, розовыя, пухлыя, унизанныя кольцами... но оставимъ это. Мнѣ показалось, что по рукамъ я узналъ графиню Б... одну изъ самыхъ благочестивыхъ избранницъ, которую я имѣлъ честь ча-

сто посѣщать, особенно по субботамъ, день, въ который для меня былъ всегда накрытъ приборъ за ея столомъ.

Она откинула маленькій кружевной вуаль, и я увидѣлъ, что не ошибся. Это, дѣйствительно, была графиня. Она улыбнулась мнѣ, какъ знакомому, но скромно и прилично, какъ будто хотѣла сказать:

„Здравствуйте, мой милый аббатъ, я не спрашиваю, что вашъ ревматизмъ, такъ какъ въ настоящую минуту вы облечены священнымъ саномъ, но тѣмъ не менѣе интересуюсь имъ.“

Эта едва замѣтная улыбка была безукоризненна. Я отвѣчалъ ей такой же, прошептавъ очень тихо и стараясь выраженіемъ лица дать ей понять, что только единственно для нее дѣлаю отступленіе:—Какъ ваше здоровье графиня?

— Благодарю васъ, отецъ мой, я здорова,—голосъ ея былъ опять ангельски кротокъ,—но я очень разсердилась сейчасъ.

— За что? можетъ быть, то, что вы приняли за гнѣвъ, было только легкое раздраженіе...— Никогда не слѣдуетъ запугивать „кающихся.“—

— О! вовсе нѣтъ, это былъ положительно гнѣвъ, отецъ мой... мнѣ сейчасъ разорвали сверху до низу платье и, говоря откровенно, меня удивляетъ, что приходится подвергаться такимъ неудобствамъ, приближаясь къ судилищу...

— Успокойтесь, соберитесь съ мыслями, сказалъ я, принимая на себя важный видъ, и далъ ей мое благословеніе.

Графиня успокоилась, но я очень хорошо видѣлъ, что она была слишкомъ разсѣянна и никакъ не могла углубиться въ себя. По странному и необъяснимому ясновидѣнію, я видѣлъ, что было у нее на умѣ, и одна за другой передо мной являлись ея мысли. Она говорила себѣ:

„Соберемся съ мыслями; Боже мой, будь милостивъ и помоги мнѣ сосредоточиться“ но, чѣмъ больше она старалась сдержать свое воображеніе, тѣмъ неуловимѣе оно дѣлалось и какъ будто ускользало между пальцами. „Я, однако, строго провѣрила свою совѣсть“ прибавила она. „Десять минутъ тому назадъ, выходя изъ кареты, я насчитала три грѣха, одинъ изъ нихъ меня осо-

бенно безпокоилъ... Какъ эти мелочи ускользаютъ! вѣрно, они остались въ каретѣ.“ И она не могла удержаться отъ внутренней улыбки, при мысли, что эти три маленькіе грѣшка потерялись между подушками кареты.

„А этотъ бѣдный аббатъ все ждетъ меня въ своей каморкѣ... Какъ ему, должно быть, тамъ жарко! Какой онъ красный... Боже мой, Боже мой, съ чего бы начать? Не могу же вѣдь я выдумывать преступленій... Это развлекло меня разорванное платье.

„А въ пять часовъ Луиза будетъ меня ждать у портнихи. Не могу собраться съ мыслями!.. Боже мой, не отвращай отъ меня лица твоего, ты, читающій въ душѣ моей! Луиза-то подождетъ до четверти шестаго; да и лифъ сидитъ хорошо, нужно будетъ только примѣрить юбку... А вѣдь десять минутъ тому назадъ, у меня ихъ было три.“

Такія-то разнообразныя мысли, однѣ благочестивыя, другія грѣховныя, толпились въ головѣ графини, и мнѣ показалось, что пора придти къ ней на помощь.

— Ну, что же, сказалъ я отеческимъ тономъ, облокотясь и вертя въ рукахъ табакерку,— ну, что же, скажите безъ боязни, не можете ли вы себя упрекнуть въ чемъ нибудь? Не проглядывало ли въ васъ когда нибудь... кокетство, суетное желаніе блистать въ ущербъ ближнимъ?—У меня была смутная увѣренность, что предположенія мои не будутъ оспорены.

— Да, отецъ мой, отвѣчала она, расправляя завязки у шляпы, „иногда," но я всегда старалась отогнать отъ себя эти мысли.

— Это доброе намѣреніе извиняетъ васъ нѣсколько, но вдумайтесь хорошенько, и вы увидите, какъ пусты эти маленькія побѣды тщеславія, какъ онѣ недостойны истинно-чистой, возвышенной души и удаляютъ ее отъ спасенія. Я знаю, что есть извѣстныя общественныя требованія... свѣтъ... да... да... но наконецъ... можно въ эти удовольствія, которыя допускаетъ церковь,—я говорю „допускаетъ,"—вносить ту любовь къ ближнему, о которой говоритъ евангеліе, и которая есть удѣлъ... въ нѣкоторомъ родѣ... удѣлъ... славный... да... да... продолжайте.

— Отецъ мой, я иногда предавалась обжорству.

— Опять... опять... Сосредоточьтесь въ себѣ, вы стоите предъ судилищемъ покаянія, поэтому обѣщайте энергически бороться противъ этихъ нечестивыхъ соблазновъ, которые, хотя и не могутъ сами по себѣ назваться преступленіями.

...О! Боже мой, нѣтъ, я это знаю; но эти желанія доказываютъ упорную привязанность къ обманчивымъ и скоропроходящимъ благамъ этого міра, а это не угодно Богу. Гмъ, гмъ... и выказывалось ли это обжорство болѣе предосудительными поступками, чѣмъ обыкновенно, или также просто, какъ прошедшій мѣсяцъ?

— Какъ въ прошедшемъ мѣсяцѣ, отецъ мой.

— Да... да... Пирожное между завтракомъ и обѣдомъ.—Я вздохнулъ съ важнымъ видомъ.

— Да, отецъ мой, и почти всегда стаканъ „Капри“ или „Сиракюзъ“ послѣ того.

— Или Сиракюзъ... Ну, хорошо, хорошо.—Мнѣ показалось, что это пирожное и отборныя вина, навѣяли на меня разсѣянность, за что я мысленно просилъ прощенья у Бога.

— Что вы еще помните, спросилъ я, проведя рукой по лицу.

— Больше ничего, отецъ мой, я ничего больше не помню.

— И такъ! принесите отъ всего сердца раскаяніе въ тѣхъ грѣхахъ, въ которыхъ вы покаялись, и въ тѣхъ, которые забыли, углубитесь въ себя и преклонитесь передъ великимъ дѣломъ, которое только что совершили. Я дамъ вамъ отпущеніе грѣховъ... Идите съ миромъ.

Графиня встала, улыбаясь мнѣ очень любезно и заговоривъ своимъ обыкновеннымъ голосомъ, спросила тихонько:

— До субботы вечеромъ, не правда-ли?

Я наклонилъ голову въ знакъ согласія, но меня нѣсколько смущалъ мой священный санъ. Я уже говорилъ вамъ, любезный читатель, что, въ продолженіи этого страннаго сновидѣнія, у меня былъ даръ читать мысли людей, окружавшихъ меня, такъ что я хорошо видѣлъ, что думала и дѣлала графиня, оставивъ исповѣдальню.

Она вернулась на свое обыкновенное мѣсто и, сѣвъ на скамейку, искренно обратилась къ

Богу, съ краткой, но горячей благодарственной молитвой. Она чувствовала, что избавилась отъ большой тяжести, такъ сказать ожила, и не будь у нее маленькихъ часовъ, говорившихъ ей, что Луиза дожидаетъ ее у портнихи изъ за этой несчастной юбки, она долго бы еще осталась, созерцая чистоту своей души, внушавшую ей справедливую гордость.

Время шло: она опустила въ карманъ нѣсколько мелкихъ вещей и между прочимъ маленькую книжку съ золотой застежкой, на корешкѣ которой было написано: „Путь къ покаянію, или углубитесь въ самихъ себя"; потомъ надѣла перчатки, опустила вуаль, завязала ленты шляпы и, обратившись всей душой къ Богу, проговорила: „Господи, прости меня, что я такъ скоро ухожу; о! я не покидаю тебя! Но дѣло спѣшное, свиданіе... Тебѣ извѣстно, Боже мой, что свиданье вещь безотлагательная..."

Она очень скоро и кокетливо перекрестилась, и улетѣла веселая, чистая, легкая. Ея маленькіе, острые каблуки ступали по церковнымъ плитамъ, и она съ удовольствіемъ прислушивалась

къ звуку своихъ шаговъ, которые повторяло эхо. Она говорила себѣ: „Слушай, какъ я иду, святое церковное эхо, потому что сегодня я также чиста, какъ ты; какое счастье чувствовать себя ангеломъ и, въ сущности, какъ этого легко достигнуть.“ У дверей церкви ее ожидала карета; по безконечно кротко сдѣланному ею знаку, лошади подъѣхали и лакей отворилъ дверцу. Она вошла и умиленнымъ голосомъ сказала, обращаясь къ своему брату во Христѣ, ожидавшему ее приказаній со шляпой въ рукахъ: „Куда я сказала, въ улицу Мира.“

—Прикажете остановиться у пирожника? спросилъ лакей.

— Гмъ... отвѣтила она, глядя на свою перчатку, и потомъ вдругъ, рѣшительнымъ тономъ, съ оттѣнкомъ гордости проговорила: нѣтъ, нѣтъ, поѣзжайте прямо. Затѣмъ, положивъ руку на книжку, бывшую у нее въ карманѣ, прибавила: — „Господи, благодарю тебя! Я вѣдь ангелъ, не буду же пачкать свои крылья.“

Въ эту минуту послышался сильный шумъ, и я, открывъ глаза, увидѣлъ Жана, затоплявшаго

каминъ. Одну минуту я еще боролся между сномъ и дѣйствительностью и не безъ труда освободился отъ этого страннаго кашмара.

— Жанъ, который часъ? спросилъ, я потягиваясь.

— Половина одиннадцатаго. Что прикажете подать на завтракъ?

— Ничего... чашку чаю.

Я еще чувствовалъ нѣкоторую тяжесть въ желудкѣ.

Ложная тревога.

Каждый разъ, какъ я пріѣзжаю въ Парижъ, а это, къ несчастію, случается весьма не часто, дождь льетъ, какъ изъ ведра. Напрасно измѣняю я заранѣе назначенный для отъѣзда часъ, напрасно останавливаюсь въ дорогѣ, путешествую ночью, напрасно употребляю тысячу хитростей, чтобы обмануть барометръ,— въ десяти льё отъ Парижа скопляются тучи и я въѣзжаю, какъ въ наводненіе.

И такъ, въ послѣднее путешествіе, какъ и всегда, я стоялъ посреди улицы, вмѣстѣ съ коммиссіонеромъ, несшимъ мой багажъ, дѣлая отчаянные знаки каждому фіакру, скачущему рысью

подъ проливнымъ дождемъ. Минутъ черезъ десять такого времяпрепровожденія, одинъ кучеръ съ болѣе мягкимъ сердцемъ, чѣмъ другіе, спрятанный въ тройной воротникъ, остановилъ лошадей. Однимъ прыжкомъ я очутился около экипажа и, отворяя дверцу, съ нѣкоторой яростью ринулся внутрь.

Къ несчастью, въ то время, какъ я исполнялъ этотъ маневръ, другой господинъ, совершенно при тѣхъ же условіяхъ, отворилъ дверцу съ другой стороны и также вторгся въ карету, въ одно время со мною. Легко понять, что за этимъ послѣдовало столкновеніе и объясненіе.

— Чортъ васъ побери! сказалъ мой соперникъ, повидимому, желая проникнуть въ глубь кареты.

Я хотѣлъ ему отвѣчать сгоряча, такъ какъ у меня южная натура и горячая кровь, но глаза наши встрѣтились. Минуту мы смотрѣли другъ другу въ лицо, какъ два льва предъ однимъ бараномъ и вдругъ разразились громкимъ взрывомъ смѣха...

Этотъ разъяренный молодой господинъ былъ

Оскаръ К..., добрый, милый Оскаръ, котораго я не видалъ десять лѣтъ и котораго любилъ безконечно; прелестный юноша, именно прелестный! я съ нимъ игрывалъ въ мячъ и т. п... Ахъ! мой добрый Оскаръ!..

Мы обнялись, и кучеръ, смотрѣвшій на насъ чрезъ переднее стекло, только пожималъ плечами, ничего не понимая. Два коммиссіонера, съ которыхъ ручьями струилась вода, оставались въ ожиданіи, у дверецъ кареты, съ чемоданами на плечахъ. Мы велѣли взвалить багажъ на фіакръ и пустились по дорогѣ къ Отель-дю-Лувръ, куда Оскаръ хотѣлъ меня отвезти.

— Развѣ ты также путешествуешь? спросилъ я стараго товарища, послѣ первыхъ дружескихъ изліяній. Развѣ ты не живешь въ Парижѣ?

— Я по возможности меньше здѣсь живу и въ настоящее время являюсь изъ Рошъ; это маленькій старый зàмокъ, который достался мнѣ отъ отца и гдѣ я провожу большую часть года. О! это не дворецъ!... это нѣчто сельское, деревенское.... но мнѣ нравится и я не хочу ничего измѣнять... Кругомъ цвѣтущая, сельская природа;

хорошенькая прозрачная рѣчка протекаетъ въ полсотнѣ шаговъ отъ дома, въ тѣни высокихъ деревъ; въ глубинѣ виднѣется мельница и разстилается долина; на горизонтѣ чернѣетъ колокольня и флюгеръ; подъ окнами растутъ цвѣты, а въ домѣ царствуетъ счастье. По правдѣ говоря, могу-ли я жаловаться? Жена моя приготовляетъ мнѣ отборные торты, которые доставляютъ мнѣ большое удовольствіе а ей бѣлизну рукъ... Однако, я не сказалъ тебѣ, что женатъ?... По правдѣ, мой милый, я встрѣтилъ ангела и подумалъ, что если его пропущу, то вѣдь другаго ужъ не встрѣчу. И я поступилъ очень умно. Но я тебя представлю женѣ и покажу мой скромный уголокъ... Когда ты къ намъ пріѣдешь? Это въ трехъ часахъ ѣзды отъ Парижа, по дорогѣ успѣешь выкурить пару сигаръ... И такъ, рѣшено: я возвращаюсь домой завтра утромъ и велю приготовить твою комнату... Дай твой портфель, я запишу свой адресъ.

Все это было сказано такъ радушно, что я

не сопротивлялся настояніемъ друга и обѣщалъ очень скоро къ нему пріѣхать.

Дня три-четыре спустя, преслѣдуемый пустотою Парижа и воспоминаніями о старомъ товарищѣ, я возъимѣлъ сильное желаніе подышать вблизи супружескимъ счастіемъ друга и повидать своими глазами и ручей, и мельницу, и колокольню въ виду которыхъ люди наслаждаются такимъ счастіемъ.

Я пріѣхалъ въ Рошъ около шести часовъ вечера, и съ перваго же взгляда пришелъ въ восторгъ. Жилищемъ Оскара былъ маленькій замокъ въ стилѣ Людовика XV, скрытый за деревьями, странной, неправильной постройки, но очаровательный по своей живописности.

Время уважило его малѣйшія подробности, и все, начиная съ почернѣвшихъ чердаковъ до флюгеровъ въ стилѣ рококо, отъ полукруглыхъ оконъ, отдѣланныхъ маленькими квадратами, до остатковъ герба, украшавшаго верхнюю часть двери, все говорило о прошломъ.

Надъ плотными черепицами немного опустившейся кровли, старыя, коренастыя, неподвижныя

каштановыя деревья лѣниво протягивали свои вѣтви. Дикій виноградъ и шиповникъ безъ церемоніи пробирались между ставнями, обрамляли окна, закрадывались въ слуховыя окна и, цѣпляясь за кровельные желоба, ниспадали съ высоты пышными пучками цвѣтовъ, колеблемыхъ вѣтромъ.

Посреди этихъ заостренныхъ крышъ, позднѣе пристроенныхъ къ главной кровлѣ, посреди этого изобилія цвѣтовъ и высокихъ деревьевъ, тамъ и сямъ едва сквозила синева небесъ.

Прежде другихъ я увидѣлъ друга моего Оскара, съ головы до ногъ одѣтаго въ бѣлое, въ соломенной шляпѣ, сидящаго на огромной каменной скамьѣ, которая казалась какъ бы частью дома флигелемъ. Онъ, повидимому, былъ очень занятъ вертѣлъ въ рукахъ дыню, поданную ему садовникомъ. Едва онъ меня замѣтилъ, какъ бросился мнѣ на встрѣчу и пожалъ руку съ такимъ выраженіемъ благодушія, искренности и дружбы, что я сказалъ самъ себѣ: „Да, конечно, онъ не солгалъ, онъ вполнѣ счастливъ.“ Я нашелъ его такимъ же, какимъ знавалъ въ дѣт-

ствѣ: веселый, немного сумасбродный, но добрый и привѣтливый.

— Пьеръ, сказалъ онъ садовнику, отнеси чемоданъ этого барина въ комнату нижняго этажа.

И такъ какъ садовникъ спѣшилъ очень медленно и дѣлалъ, повидимому, большія усилія, то Оскаръ, обхвативъ чемоданъ обѣими руками, съ одного размаха взвалилъ его на плечи бѣдняги, который, согнувъ колѣна, склонился подъ тяжестію.

— Инвалидъ, сказалъ Оскаръ, смѣясь отъ души. А теперь, я тебя представлю маленькой царицѣ, моей женѣ; гдѣ жена?—Онъ подбѣжалъ къ колоколу и позвонилъ два раза. Немедленно въ окнахъ нижняго этажа показалась толстая кухарка, съ краснымъ лицомъ и засученными рукавами, а за ней слуга, только что приготовившійся вытирать тарелку.

Не нарочно ли были подобраны эти люди? Не знаю, но ихъ видъ, физіономіи такъ гармонично дополняли картину, что я не могъ удержаться отъ улыбки.

— Гдѣ барыня? спросилъ Оскаръ, и такъ какъ отвѣтъ заставилъ долго ждать, то восклик-

нулъ: — Мари! Мари! Вотъ Жоржъ, вотъ мой другъ!

Въ первомъ этажѣ, у маленькаго узенькаго окошечка, наиболѣе заставленнаго цвѣтами, показалась молодая дѣвушка, бѣлокурая, какъ золотистыя колосья. Одѣта она была въ бѣлый пеньюаръ, очень страннаго фасона, который я сначала не могъ понять; одной рукой она захватывала разлетающійся пеньюаръ, а другой поддерживала распустившіеся волосы. Завидѣвъ меня, она ужасно покраснѣла, сконфузившись, что ее застали за туалетомъ, и, поклонившись чрезвычайно неловко, но очаровательно, быстро исчезла. Это явленіе окончательно плѣнило меня; мнѣ показалось, что вдругъ я перенесся въ сказочное царство. Я думалъ, укладывая свой чемоданъ, что найду Оскара расположившимся въ одномъ изъ тѣхъ хорошенькихъ, чистенькихъ домиковъ, съ зелеными ставнями и позолоченнымъ громоотводомъ, къ которымъ такъ пристрастенъ всякій переселившійся на дачу парижанинъ; а вмѣсто того, я очутился въ идеальныхъ руинахъ изъ старыхъ, заросшихъ мхомъ камней, скры-

тыхъ цвѣтами; тутъ и столѣтнія ивы, и причудливыя, покраснѣвшія отъ ржавчины, рѣшетки! Я очутился какъ бы среди прелестнаго рисунка друга моего Морена, и изумленный, очарованный, стоялъ нѣсколько минутъ, съ глазами, прикованными къ узкому окну, гдѣ показался мнѣ прелестный ребенокъ.

— Я называю ее маленькой царицей, сказалъ Оскаръ, взявъ меня за руку: это моя жена. Пойдемъ сюда, по дорогѣ мы встрѣтимъ кузена, который удитъ рыбу, и еще двухъ личностей, гуляющихъ тамъ, — это добрые друзья, но у нихъ иной взглядъ на деревню, чѣмъ у меня. Носятъ они розовые чулки и бальныя башмаки; впрочемъ, это до тебя не касается, не правда-ли?...—Не хочешь ли облечься въ туфли, дружище? не надѣть ли тебѣ соломенную шляпу? надѣюсь, у тебя есть полотняный костюмъ? Не предлагаю тебѣ стаканъ мадеры, потому что мы сейчасъ будемъ обѣдать. А дружище! ты пріѣхалъ очень удачно; сегодня мы полакомимся дыней изъ своего сада, первинкой.

— Къ несчастью, я не ѣмъ дынь, но впро-

чемъ, люблю видѣть, какъ ихъ ѣдятъ другіе.

— Ну, такъ я тебя утѣшу, отыскавъ бутылку старой яблоновки. Между нами сказать, я не подчую ею всякаго встрѣчнаго; это прелестное вино отецъ завѣщалъ мнѣ передъ смертію.

— Право, продолжалъ Оскаръ, взявъ меня за руку,—утромъ того дня, когда онъ насъ покинулъ, едва дыша, бѣдный отецъ, лежалъ съ закрытыми глазами, съ головой, откинутой на подушки... Я сидѣлъ у его постели, держа въ рукахъ его руку, когда почувствовалъ легкое пожатіе. Глаза его немножко открылись, и я увидѣлъ, что онъ улыбается. И онъ сказалъ мнѣ слабымъ голосомъ, медленнымъ и затрудненнымъ, какъ у угасающихъ стариковъ:

— Яблоновка тамъ... на лѣво... ты знаешь, дружокъ?... для другой... только! Опять онъ пожалъ мнѣ руку и утомленный снова закрылъ глаза; только по едва замѣтному движенію губъ, я примѣтилъ, что онъ все еще внутренно улыбался... Ну, пойдемъ со мной въ погребъ, про-

должалъ Оскаръ, послѣ минутнаго молчанія; тамъ, въ глубинѣ, налѣво... ты подержишь фонарь.

Когда мы вернулись, колоколъ трезвонилъ во весь духъ, и цѣлыя стаи испуганныхъ птицъ поднялись поспѣшно съ каштановыхъ деревьевъ; — это звонили къ обѣду. Оскаръ представилъ меня съ свойственною ему безцеремонностію, и я предложилъ руку хозяйкѣ дома, чтобы отвести ее въ столовую, гдѣ ожидалъ насъ дымящійся супъ.

Разсматривая ближе жену моего друга, я увидѣлъ, что первое впечатлѣніе меня не обмануло.

Это буквально былъ ангелъ, и ангелъ въ образѣ женщины, что еще гораздо лучше. Нѣжная, стройная, какъ молоденькая дѣвушка; ея тонкій голосокъ звучный и гармоничный, какъ пѣніе зяблика, имѣлъ какой-то неуловимый оттѣнокъ, не принадлежавшій никакой странѣ и придававшій необыкновенное очарованіе каждому ея слову. Къ тому же, у нея была особенная манера говорить: фразы свои она кончала какими-то ребяческими, кокетливыми переливами голоса, смотря въ сторону своего мужа, какъ-

бы заискивая его одобренія. Она краснѣла каждую минуту, но съ ея тонкой улыбкой и бѣленькими зубками, она какъ бы смѣялась надъ собой, да немножко и надъ сосѣдями. Странная маленькая женщина! Прибавьте къ этому оригинальный костюмъ, исполненный вкуса, можетъ быть, нѣсколько смѣлый, но который чрезвычайно шелъ къ оригинальной личности этой маленькой царицы.

Ея прекрасные, бѣлокурые волосы, закрученные, какъ попало,—такъ, по крайней мѣрѣ, казалось,—скрѣплялись довольно высоко на головѣ стальнымъ гребнемъ, нѣсколько наклонившимся въ сторону, а ея бѣлое кисейное платье, убранное широкими плоскими оборками, съ воротомъ вырѣзаннымъ карре, съ короткою юбкою, подпятою по бокамъ, прелестно напоминало XVIII вѣкъ. Ангелъ былъ порядочной кокеткой, но какъ-то по своему, и это особенное кокетство было очаровательно.

Усѣвшись за столъ, Оскаръ бросилъ на свою царицу взглядъ очень быстрый, но столь полный счастія и... любви—отчего же не сказать

этого?—что я почувствовалъ нѣкоторую дрожь, дрожь зависти, удивленія, можетъ быть, и восхищенія. Въ корзинѣ цвѣтовъ, стоящей на столѣ, онъ сорвалъ красную розу, только что распустившуюся, и передавая женѣ, съ улыбкой промолвилъ: для вашихъ волосъ, сударыня.

Бѣлокурая дѣвочка очень покраснѣла, взяла цвѣтокъ и безъ церемоніи, очень быстро, съ необыкновенною ловкостью, воткнула его въ волосы, сверху, на лѣво, какъ разъ на мѣстѣ; и съ восторгомъ поворачивая свое личико къ каждому изъ насъ, повторила нѣсколько разъ при взрывахъ смѣха:

— Хорошо-ли такъ?

Затѣмъ, кончиками пальцевъ, она послала развязный поцѣлуй мужу, какъ бы это сдѣлала дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, и весело обмокнула въ супъ ложку, приподымая мизинецъ.

Другіе присутствовавшіе не представляли ничего замѣчательнаго; они смѣялись всѣмъ шалостямъ съ большою благосклонностію, но чувствовали себя какъ будто стѣсненными посреди этой прелестной непринужденности. Особенно ку-

зенъ, рыболовъ, изысканно одѣтый во все бѣлое, съ голубымъ галстухомъ и вѣерообразной бородой и глазами въ формѣ миндаливъ, очень мнѣ не понравился. Его *р* трещали, *с* свистали, какъ у провинціальнаго актера. Онъ крошилъ свой хлѣбъ на мелкіе кусочки и, разговаривая, грызъ эти крошки. Я сообразилъ, что въ этой манерѣ обращаться съ хлѣбомъ что нибудь да значило желаніе показать толстый перстень на пальцѣ. Два раза я подмѣтилъ взглядъ кузена, меланхолично устремленный на хозяйку дома. Но сначала я не придавалъ этому большаго значенія, развлеченный блестящей веселостью Оскара.

Однако, черезъ минуту, мнѣ показалось, что молодой человѣкъ употреблялъ тысячу пріемовъ, чтобы привлечь вниманіе маленькой царицы.

Она же всякій разъ отвѣчала совершенно просто, не проявляя въ своихъ манерахъ ни смущенія, ни принужденія.

Я ошибался, конечно!

Замѣчали ли вы, что когда придется вамъ вдругъ попасть въ незнакомую среду, то нѣкоторыя мелкія подробности, къ которымъ всѣ дру-

гіе равнодушны, въ вашихъ глазахъ получаютъ особенное значеніе? Первое впечатлѣніе всегда основывается на тысячѣ пустячковъ, которые вдругъ бросились вамъ въ глаза. Какое нибудь пятно на потолкѣ, гвоздь въ стѣнѣ, какая нибудь мелкая черта въ физіономіи вашего сосѣда напечатлѣвается въ вашей памяти, утверждается тамъ, пріобрѣтаетъ значеніе и, помимо вашей воли, всѣ позднѣйшія ваши наблюденія уже группируются вокругъ этого пятна, гвоздя или гримасы. Замѣтьте это, любезный читатель, и вы увидите, что всякое ваше мнѣніе о какомъ нибудь фактѣ, личности или предметѣ, непремѣнно обусловливается воспоминаніемъ объ этомъ пустякѣ, который бросился вамъ въ глаза при первомъ взглядѣ. Развѣ мало молодыхъ дѣвушекъ сдѣлались жертвами этого перваго впечатлѣнія, и отказывали тому или другому жениху за слишкомъ широкій жилетъ, дурно одѣтый галстухъ, несвоевременное чиханье, глупую улыбку или слишкомъ острые сапоги?

Непріятно признаться даже самому себѣ, что подобные пустяки могутъ служить основаніемъ

вашего мнѣнія о комъ нибудь, и нужно съ большимъ вниманіемъ отыскивать въ себѣ эти забытые и непризнанные зародыши легкомыслія.

Я очень хорошо помню, что когда я имѣлъ честь дѣлать первый визитъ г-жѣ М., я замѣтилъ, что одинъ изъ ея зубовъ, первый коренной съ правой стороны, какъ теперь вижу его передъ собой, былъ совершенно синій, отвратительно темной синевы. Я едва успѣлъ примѣтить это маленькое синее чудовище, такъ старательно его скрывали, но открытіе это не выходило у меня изъ головы. Скоро я замѣтилъ, что m-me М. дѣлала отчаянныя гримасы, чтобы скрыть свой зубъ, и за обѣдомъ она брала въ ротъ крохотные кусочки, чтобы избѣжать нервнаго раздраженія маленькаго чудовища.

Я дошелъ до того, что все физическое и нравственное жеманство m-me М. объяснялъ этимъ маленькимъ недостаткомъ, и помимо моей воли, этотъ синій зубъ такъ живо представлялся мнѣ, что даже и теперь, когда испорченный зубъ уже замѣненъ другимъ, вполнѣ безукоризненнымъ, который вдвое крупнѣе прежняго и бѣлъ, какъ фар-

форовая тарелка, все таки и теперь, m-me M. не можетъ открыть ротъ, чтобы я естественнымъ образомъ не отыскивалъ маленькое пугало.

Но мы удалились отъ моего разсказа.

Посреди картины супружескаго счастья, обрамленной такими прелестными рамками, смотря на моего славнаго Оскара, такого добраго, довѣрчиваго, такъ сильно влюбленнаго въ этого херувима въ костюмѣ Лудовика XV, грація и наивность котораго почти граничили съ эксцентричностью, мнѣ былъ противенъ этотъ кузенъ съ его изысканной прической, бѣлымъ жилетомъ и глупой красотой.

Голова эта привлекла мое вниманіе, какъ пятно на потолкѣ, о которомъ я только что говорилъ, какъ синій зубъ графини, и, противъ воли, я не спускалъ глазъ съ рыболова въ то время, какъ онъ погружалъ лезвіе серебрянаго ножа въ ломтикъ столь тяжелой для желудка дыни, которой я всегда любуюсь на тарелкахъ сосѣдей и не терплю на своей.

Послѣ обѣда, продолжавшагося безконечно долго, всѣ отправились въ садъ, куда подали

кофе, и мы расположились блаженствовать съ сигарами во рту. Вокругъ все было тихо и спокойно: насѣкомыя прекратили свою музыку, и на прозрачномъ, зеленоватомъ небѣ какъ бы заснули удлиненныя и неподвижныя фіолетовыя облака.

Оскаръ съ счастливымъ видомъ показалъ мнѣ знаменитую мельницу, тихую долину и тамъ, дальше, милый ручеекъ, въ которомъ, посреди тростниковъ ежедневно отражается солнце прежде, чѣмъ погаснуть. Въ это время маленькая царица, легкая, на высокихъ каблукахъ, порхала вокругъ кофейнаго прибора, какъ ребенокъ, играющій въ гости, и съ тысячами забавныхъ и прелестныхъ предосторожностей наливала горячій кофе; ароматъ мокка пріятно мѣшался съ запахомъ цвѣтовъ, сѣна и лѣса.

Когда она кончила свое дѣло, то усѣлась около мужа, такъ близко, что наполовину прикрыла его своею юбкою и, безъ церемоніи вынувъ у него изо рта сигару, она отмахивалась отъ дыма съ маленькой гримаской, которая какъ бы говорила: „фу, ужасъ“ и, вытянувъ малень-

кій палецъ, стряхнула бѣлый пепелъ, упавшій на песокъ; затѣмъ она разразилась смѣхомъ и всунула сигару между зубъ мужа.

Это было прелестно. Конечно, Оскаръ уже привыкъ къ подобнымъ продѣлкамъ, такъ какъ онъ нисколько не удивился; онъ положилъ руку на плечо жены, какъ бы поступилъ съ ребенкомъ, и сказалъ, цѣлуя ее въ лобъ: „благодарю.“

— Да, а ты мнѣ дашь кусочекъ сахару? тихо проговорила молодая женщина, прислоняясь головой къ рукѣ мужа.

Я не могъ удержаться отъ улыбки, столько было шаловливаго плутовства, граціи и ребячества въ этой маленькой фразѣ, сказанной совсѣмъ тихо. Не знаю, право, почему я повернулся въ сторону кузена, сидѣвшаго въ отдаленіи и молчаливо курившаго сигару. Онъ показался мнѣ нѣсколько блѣденъ; онъ затянулся раза три-четыре къ ряду, быстро поднялся подъ вліяніемъ очевиднаго нравственнаго разстройства и удалился подъ тѣнь деревьевъ.

— Что случилось съ кузеномъ? спросилъ Оскаръ, кто его ужалилъ?

— Не знаю, отвѣчала совершенно просто маленькая царица, вѣроятно, какая нибудь мысль о рыбной ловлѣ.—И затѣмъ разговоръ продолжался.

Наступилъ вечеръ. Какъ я уже сказалъ, мы оставались очень долго за столомъ. Было около девяти часовъ. Кузенъ возвратился и занялъ свое прежне мѣсто; но съ этой минуты между нами проявилась какая-то странная сдержанность: ясно обнаружилась какая-то холодность. Разговоръ, столь оживленный сначала, сталъ затихать мало по малу и, не смотря на всѣ усилія снова оживить его, тянулся очень вяло. Я самъ чувствовалъ себя какъ-бы связаннымъ и меня преслѣдовали самыя сумасбродныя мысли; мнѣ казалось, что во внезапномъ удаленіи кузена, въ его блѣдности, въ его странныхъ жестахъ, я усмотрѣлъ проявленіе сильнаго чувства, которое онъ не въ состояніи былъ скрывать. Но какъ эта очаровательная женщина, съ такимъ тонкимъ, умнымъ взглядомъ, не понимала всего того, что мнѣ было такъ ясно? Оскаръ, при всей своей довѣрчивости, не замѣтилъ-ли, что удаленіе кузена какъ разъ совпадало съ

его поцѣлуями? Слѣпы-ли оба супруга, или только притворяются, что ничего не видятъ? или, можетъ быть, я самъ только игрушка грубаго заблужденья?

...Между тѣмъ разговоръ прекратился; хозяйка дома, странное дѣло, стала молчалива, серьезна и Оскаръ ерзалъ на своемъ креслѣ, какъ человѣкъ, котораго что-то безпокоитъ.

Что̀-то происходило въ душѣ всѣхъ этихъ людей?

Скоро часы въ залѣ пробили десять, и Оскаръ, вдругъ поднявшись, сказалъ:

Друзья, вы знаете, что у насъ здѣсь полная свобода и потому я прошу позволенья удалиться, такъ какъ я нѣсколько усталъ сегодня. Жоржъ, сказалъ онъ мнѣ, тебѣ укажутъ твою комнату въ нижнемъ этажѣ; надѣюсь, что тебѣ тамъ будетъ хорошо.

Всѣ тихонько поднялись и, съ нѣкоторою сдержанностію пожелавъ другъ другу доброй ночи, разошлись по своимъ комнатамъ. Признаться, я находилъ, что въ домѣ моего друга ложатся спать довольно рано.

Мнѣ вовсе не хотѣлось спать, и я сталъ раз-

сматривать свою комнату, которая, кстати, была прелестна. Она была обита шпалерами съ изображеніями разныхъ личностей и съ сѣрыми деревянными ободками. Постель, скрытая за занавѣсками изъ особенной матеріи, была приготовлена и распространяла извѣстный запахъ щелока, такъ и приглашающій растянуться. На столѣ, прелестной бездѣлушкѣ въ стилѣ Лудовика XVI, лежало четыре-пять книгъ, очевидно, выборъ Оскара и назначенныя для меня. Подобное вниманіе очень трогательно и натурально, я опять подумалъ о славномъ юношѣ, о странной вечерней сценѣ, объ огорченіяхъ и мученіяхъ, которыя можетъ быть, скрываются подъ этимъ кажущимся счастіемъ. Я былъ безразсуденъ въ этотъ вечеръ, уже заранѣе жалѣлъ своего бѣднаго друга и чувствовалъ себя взволнованнымъ; преисполненный грусти, я облокотился на подоконникъ у широко-раскрытаго окна.

Луна взошла, небо было безукоризненно, ясно и на меня пахнули цѣлые потоки нѣжныхъ благоуханій. Въ тѣни деревьевъ, на травѣ, сверкали свѣтляки и въ массахъ зелени, таинственно освѣ-

щенныхъ луной, мнѣ видѣлись странные облики фантастическихъ чудовищъ и тѣни, блуждающія въ тишинѣ. Въ пятидесяти шагахъ отъ моего окна, почти скрытая между деревьями, виднѣлась маленькая заостренная крыша, съ флюгеромъ на верхушкѣ, сильно заинтересовавшая меня. Во мракѣ ночи, я не различалъ ни дверей, ни оконъ въ этой оригинальной башнѣ. Была-ли это старая голубятня, мавзолей или заброшенная бесѣдка? Не знаю, но эта острая крыша, съ круглымъ слуховымъ окномъ, имѣла очень граціозный и необыкновенно изящный видъ. Была ли это случайность, или искусный художникъ съ намѣреніемъ обвилъ эту башенку ползучими растеніями и цвѣтами, съ намѣреніемъ такъ кокетливо прикрылъ ее зеленью, что она, казалось, пряталась только для того, чтобы лучше привлечь ваше вниманіе? Я любовался всѣмъ этимъ, когда услышалъ легкій шумъ въ рощѣ. Я взглянулъ въ сторону, откуда раздавался шумъ, и увидѣлъ, по правдѣ сказать, на одну минуту я струсилъ, — увидѣлъ призракъ въ бѣлой одеждѣ, двигавшійся быстрою, безпокойною и таинствен-

ною поступью. На поворотѣ дорожки, луна освѣтила этотъ призракъ. Не было возможности сомнѣваться, передомной была жена моего друга. Въ походкѣ ея не было уже той кокетливой непринужденности, которую я замѣтилъ днемъ, въ ней ясно видѣлось сильное волненіе. Я хотѣлъ прогнать ужасное подозрѣніе, внезапно возникшее въ умѣ моемъ. Нѣтъ, сказалъ я себѣ, обманъ невозможенъ при этой красотѣ и чистосердечіи; конечно, она забыла свой вѣеръ или свою работу на одной изъ скамеекъ въ этой сторонѣ! Но вмѣсто того, чтобы направиться къ скамейкамъ, которыя виднѣлись на право, молодая женщина повернула на лѣво и быстро исчезла въ тѣни рощи, гдѣ притаилась загадочная башня. У меня сжалось сердце... Куда идетъ она, несчастная? воскликнулъ я. Пусть, по крайней мѣрѣ, она не думаетъ, что за ней наблюдаютъ! И я поспѣшно задулъ свѣчу. Я хотѣлъ закрыть окно, лечь спать, ничего не видѣть, но непреодолимое любопытство снова влекло меня къ окну. Я уже стоялъ тутъ нѣсколько минутъ, какъ вдругъ ясно различилъ шаги по песку, шаги очень невѣрные,

боязливые... Сначала я никого не видѣлъ, но нельзя было сомнѣваться, что это человѣческіе шаги. Скоро я убѣдился, что не ошибаюсь, и длинная тѣнь кузена выдѣлилась при свѣтѣ луны на темномъ фонѣ деревьевъ. Я хотѣлъ бы остановить этого несчастнаго, такъ какъ намѣреніе его было очевидно: онъ направлялся къ рощѣ, гдѣ скрылась маленькая царица. Я бы хотѣлъ ему сказать: „подлецъ, ты не пойдешь дальше!..“ Но развѣ, по правдѣ говоря, я имѣлъ право такъ поступить. Я замолчалъ мысленно и кашлянулъ довольно громко, чтобы онъ меня слышалъ.

Онъ вдругъ пріостановилъ свои поспѣшные шаги, оглянулся по сторонамъ съ видимымъ безпокойствомъ, затѣмъ, какъ бы поддаваясь головокруженію, онъ устремился въ павильонъ. Я былъ уничтоженъ... Что дѣлать?.. предупредить друга, товарища моего дѣтства? Да, конечно, но мнѣ совѣстно было наполнить отчаяніемъ душу этого прекраснаго человѣка, совѣстно обнаружить ужасный скандалъ... „Если бы онъ могъ оставаться въ невѣденіи...“ сказалъ я самъ себѣ... и потомъ, можетъ быть, не ошибаюсь ли я? кто

знаетъ. Можетъ быть, это свиданіе вызвано самыми естественными обстоятельствами... Я старался обмануть себя, скрыть очевидное отъ глазъ своихъ, какъ вдругъ дверь дома съ шумомъ растворилась, и Оскаръ, Оскаръ собственною персоною, во всемъ безпорядкѣ ночнаго костюма, съ растрепанными волосами, съ развѣвающимся халатомъ, прошелъ подъ моимъ окномъ. Онъ скорѣе бѣжалъ, чѣмъ шелъ, но сердечное огорченіе слишкомъ ясно отражалось въ его странныхъ движеніяхъ. Онъ все зналъ... Я чувствовалъ, что несчастіе неизбѣжно!.. „Такъ вотъ оно, счастье-то! вотъ какой горькій ядъ заключается въ этомъ прекрасномъ сосудѣ!“ Всѣ эти мысли пронеслись въ моемъ мозгу съ быстротою стрѣлы.

Прежде всего нужно было задержать взрывъ хоть бы на минуту, хоть на одну секунду; я велъ себя, не давая себѣ времени обдумать то, что нужно говорить, и закричалъ повелительнымъ и рѣзкимъ голосомъ:

— Оскаръ, другъ мой, приди ко мнѣ, я хочу поговорить съ тобою.

Онъ остановился пораженный. Онъ былъ страшно блѣденъ и, обернувшись, съ адскою улыбкою сказалъ: „мнѣ некогда, послѣ“.

— Оскаръ, это необходимо, убѣдительно прошу тебя... ты, конечно, ошибаешься.

При этихъ словахъ онъ разразился ужаснымъ хохотомъ.

— Я ошибаюсь, скотина, я ошибаюсь!..

И онъ быстро направился къ павильону. Но, захвативъ его за край одежды, я удержалъ его желѣзною рукою.

— Не ходи туда, другъ мой, умоляю тебя о томъ на колѣнахъ.

Вмѣсто отвѣта, онъ страшно ударилъ меня кулакомъ по рукамъ, воскликнувъ:

— Да что это такое, развѣ въ тебѣ чортъ сидитъ?

— Говорю тебѣ, что ты не можешь туда идти, Оскаръ, сказалъ я голосомъ, не допускавшимъ возраженія.

— Скажи живѣе, есть тамъ кто нибудь, большое животное... Ахъ, проклятая дыня!.. прокля-

тая дыня!.. ну, я подожду!.. И лихорадочнымъ движеніемъ руки запахивая халатъ, онъ сталъ ходить большими шагами.

За вѣеромъ.

Я очень дурно поступилъ третьяго дня вечеромъ: я спрятался за портьеру и подслушалъ цѣлый чужой разговоръ. Но что всего непростительнѣе, что всего болѣе огорчаетъ меня и раздражаетъ, относительно этого поступка, такъ это,—полная невозможность удержаться, чтобы не передать вамъ все, что я слышалъ.

Вотъ какъ было дѣло:

Уже около получаса провелъ я на балѣ, когда въ уголкѣ, у дверей, выходившихъ въ оранжерею, я увидѣлъ маленькую группу молодыхъ дѣвушекъ, съ такимъ жаромъ болтавшихъ за своими

вѣерами, что невозможно было не обратить на нихъ вниманія. Эти три молодыя дѣвушки достигли того возраста, когда не утрачена еще эта милая дѣвическая худоба, худоба молодости, когда движенія бываютъ до того гибки, что кажутся неловкими, хотя подражаніе этой неловкости было бы верхомъ искусства.

Помѣстившись съ граціею, полною увѣренности, въ трехъ сдвинутыхъ креслахъ, онѣ, не стѣсняясь, щебетали между собой. Молоденькія женщины и уже кокетки, онѣ время отъ времени своими ручками, въ красиво обтянутыхъ перчаткахъ, преграціозно расправляли свои волнистыя, пышныя юбки. Онѣ уже постигли искусство смотрѣть и не видѣть, смѣяться, не желая этого, показывать свои бѣлые зубки, разглядывая свои ногти и опуская глазки, говорить звонкимъ серебристымъ голоскомъ, вызывающимъ вниманіе. Онѣ умѣли выставить плечико, повернуться въ профиль, если носъ довольно правиленъ, и, съ видомъ встрепенувшейся голубки, отвѣчать: „*Ахъ, какъ вы меня испугали!*" на простой вопросъ: *Какъ ваше здоровье?*

Онѣ уже обладали труднымъ искусствомъ безпрестанно щебетать безъ смысла и толку и, за недостаткомъ мысли и словъ, вскрикивать: „ха-ха-ха, *неужели?*“ и при этомъ поправлять свою прическу.

Ахъ! дорогія, маленькія существа, какъ я люблю васъ, такихъ опытныхъ и въ тоже время такихъ невинныхъ и такихъ граціозныхъ! Право, я люблю этихъ маленькихъ ангеловъ, появившихся на свѣтъ между двумя польками, ѣдущихъ танцовать на балъ, вмѣсто того что бы ложиться спать, едва успѣвшихъ, только что наканунѣ, разбить свою послѣднюю куклу и уже помышляющихъ какъ бы имъ подчернить глаза, какъ это дѣлаютъ ихъ мамаши. Эти ангелы очень практичны, онѣ знаютъ цѣну кашемиру, понимаютъ толкъ въ брилліантахъ, глядятъ прямо въ глаза мужчинамъ, блѣднѣютъ во время поста и на страстной недѣлѣ, докушавъ набожно ломтикъ семги съ постнымъ масломъ, бѣгутъ къ церковной службѣ въ сапожкахъ, украшенныхъ кисточками, и съ пудрой въ волосахъ...

Мнѣ милы эти подкрашенныя овечки, какъ

бываютъ милы розы въ декабрѣ и зеленый горошекъ въ январѣ мѣсяцѣ.

Даже въ самой ихъ развязности есть что-то наивное, недоспѣлое, напоминающее зеленое яблоко, которое хотѣлось бы раскусить.

Онѣ уже женщины, онѣ были ими со дня рожденія, это можно отгадать, прочесть въ ихъ глазкахъ, подсмотрѣть то тамъ, то сямъ... Онъ...

Но, извините меня, барышни, я боюсь зайдти слишкомъ далеко; можетъ быть, повернувъ эту страницу, вы вспомните господина, наблюдавшаго васъ съ такимъ вниманіемъ. Можетъ быть, вы узнаете себя, какъ бы неудовлетворителенъ ни былъ портретъ, и тогда... Но теперь уже слишкомъ поздно, чтобы не сказать вамъ всего.

Я осторожно отворилъ дверь и, повернувъ влѣво, очутился въ оранжереѣ, совершенно позади васъ, у входной двери, въ складкахъ портьеры, и оттуда я все слышалъ, я даже сдѣлалъ болѣе этого: уходя, я отломилъ вѣтку камеліи.

То, что вы прочтете дальше, будетъ не болѣе, какъ стенографическимъ отчетомъ; и если у меня не хватитъ умѣнья или памяти, простите

меня, въ другой разъ, можетъ, я буду внимательнѣе.

— ...Да, нѣтъ! говорила самая юная изъ числа трехъ собесѣдницъ, разглядывая свой розовый атласный башмачекъ: я тебѣ говорю о томъ, у котораго ленточка въ петлицѣ! Развѣ ты не видишь? онъ около камина, рядомъ съ лысымъ толстякомъ въ бѣломъ жилетѣ...

— Ну, чтожь? онъ совсѣмъ не полковникъ, этотъ лысый толстякъ; *чортъ возьми*! да я его отлично знаю, онъ бываетъ у папаши; этотъ господинъ... Какъ его... пресмѣшное имя! Каждый разъ послѣ его визита у кресла недосчитываются двухъ колесиковъ. Мамаша говоритъ, что онъ уменъ; папаша говоритъ, что нѣтъ: я нахожу, что отъ него пахнетъ помадой.

— Какъ онъ умудряется помадиться? У него всего три волоса?

— Да, но они вьются, моя милая. Я увѣрена, что онъ носитъ красный бархатный колпачекъ съ кисточкой... Боже, какъ мнѣ былъ бы противенъ такой толстякъ! Папа, въ сравненіи съ этимъ медвѣдемъ, кажется худымъ; но

я нахожу, что когда онъ брѣется... онъ уже не много... однимъ словомъ, еслибы это не былъ папа, то я бы его пообтесала немного...

— Но, мои милочки, я не говорю вамъ объ этомъ толстякѣ, я говорю о его сосѣдѣ съ орлинымъ носомъ, съ усами... Глядите, вотъ онъ беретъ мороженое... Онъ выглядитъ львомъ... вотъ онъ сморкается... это полковникъ С...

— Ахъ! да, теперь я вижу... Боже! какъ онъ противно сморкается! Да, у него насморкъ, у твоего полковника: это слышно отсюдаха, ха-ха!

— Ничего нѣтъ удивительнаго, что онъ схватилъ насморкъ: онъ пріѣхалъ изъ Африки. Посмотри, какъ у него смугла кожа? Это настоящій левъ!

— Настоящій левъ! Такъ его держатъ на цѣпи?

— Ахъ, какъ ты глупа! я говорю тебѣ, что это левъ, потому что онъ дрался какъ тигръ, и что онъ...

— Говори прямо—„тигръ,“ и довольно!

— (*Пожимая плечами*). Въ сраженіи при Рапата... Ратапа... или Патара... право, я не знаю навѣрно, знаю только, что сраженіе было

ужасно, и, какъ кажется, арабы были совершенно разбиты... Это было буквально такъ, какъ я говорю—папа прочелъ это въ газетахъ. Сраженіе было ужасно, и полковникъ былъ раненъ въ лѣвое плечо осколкомъ ядра или пулей, не знаю чѣмъ изъ двухъ, только знаю, что извлечь этого куска изъ раны ему не могли, такъ что онъ вернулся во Францію совершенно больнымъ.

— Эти сраженія должны быть ужасны!

— Самое страшное бываетъ на другой день. Представь себѣ, что этого полковника отыскали подъ грудой труповъ, въ минуту, когда дикіе звѣри хотѣли его растерзать. Но самое ужасное—быть проглоченнымъ крокодиломъ!

— Ну, я бы стала ему сопротивляться.

— Ну, хорошо, но когда подумаешь, что передъ тобой человѣкъ, у котораго въ плечѣ такой кусокъ желѣза, что едва-ли его можно поднять, то дрожь пробѣгаетъ по тѣлу. Хорошо, конечно, быть военнымъ; что бы тамъ ни говорили, но это самая лучшая служба; во-первыхъ, военныхъ всѣ уважаютъ; жизнь военныхъ—это рядъ торжествъ...

— Да, во время войны: но какія же торжества во время мира?

— Ну, во первыхъ, смотры! И потомъ, въ мирное время... въ мирное время... ну, разсказываютъ о своихъ ранахъ и обѣдаютъ съ музыкой. Полковникъ, кажется, можетъ заставить играть оркестръ когда ему захочется.

— Это совершенно естественно, потому что это изъ его полка.

— Ну, видишь-ли, все это очень мило; потомъ дѣлаютъ визиты женѣ префекта, женѣ епископа и другимъ.

— Какъ женѣ епископа? Что ты это разсказываешь? ха... ха... ха!.. (*Съ этимъ восклицаніемъ она снимаетъ перчатку и подноситъ ногти къ губамъ*).

— Я вовсе не говорила „женѣ епископа“!

— Во первыхъ, только жена генерала дѣлаетъ визиты женѣ префекта.

—Я говорю о полковникѣ, чтобы только начать; полковникъ скоро дѣлается генераломъ, видишь-ли! Напримѣръ, полковнику С... съ его раненымъ плечомъ, ты думаешь, далеко до генерала?

— По мнѣ бы лучше прямо выйдти за генерала.

— Да, но генералъ никогда не станетъ вѣнчаться въ полной формѣ.

— Почему не станетъ, если его попросятъ? Какъ это эффектно: генералъ подъ вѣнцомъ! Ничего нѣтъ величественнѣе военнаго въ церкви: золотые эполеты такъ идутъ къ звукамъ органа... Въ монастырѣ Кармелитовъ всегда бываетъ одинъ или два военныхъ, но они не высоки ростомъ, и оттого эффектъ пропадаетъ. Я тебѣ не говорила, что я слушала проповѣдь у Кармелитовъ? Она была великолѣпна...

— Однако, почему ты не приколешь свою косу короной? Вѣдь теперь, милая моя, всѣ такъ чешутся; развѣ твоя мама не желаетъ этого?

— Дѣло не въ нежеланіи мамаши, а въ невозможности изъ своихъ волосъ сдѣлать такую сложную прическу.

— За недостаткомъ своихъ волосъ есть фальшивые; ха... ха... ха! такъ ты совсѣмъ невинная овечка? Да, моя милая кошечка, можно сдѣлать прическу изъ фальшивыхъ волосъ.

— Да, но папа не позволяетъ; онъ находитъ, что это слишкомъ рано для меня.

— Неужели? У меня же это устроилось очень быстро. Мамаша сказала: „это, конечно, непріятно, но, милая моя, не выѣзжать же тебѣ на балы въ чепцахъ?“ И мы поѣхали, и купили двѣ великолѣпныя бѣлокурыя косы.

— Какъ двѣ?

— Дай же мнѣ кончить. Посмотри, вотъ входитъ мадамъ V.. Да! такъ я тебѣ хотѣла разсказать, почему я была принуждена купить цѣлыя двѣ косы... Это случилось очень просто: я потеряла первую. Просто смѣхъ! Въ тотъ день мы отправились съ maman въ наемномъ экипажѣ, папа уѣхалъ на нашихъ лошадяхъ въ палату;—онъ очень аккуратенъ. Мы отправились къ куаферу въ этой проклятой каретѣ. Я покупаю великолѣпную косу, мнѣ ее очень мило завертываютъ въ бумагу. Мы опять сѣли въ экипажъ, и я положила свою покупку къ окну подъ эту ленту, которой подымаютъ и опускаютъ стекло. Но вотъ мы пріѣхали домой и, выходя изъ

кареты, я ищу свой пакетъ — пакета нѣтъ. Я начинаю громко кричать, maman дѣлаетъ тоже самое... Представь себѣ, моя красавица, что коса проскользнула за стекло и упала между двухъ стѣнокъ кареты. Она и до сихъ поръ, вѣроятно, тамъ. Ты сама понимаешь, что нельзя требовать, чтобы ее достали оттуда: вотъ почему я и купила вторую косу... (*Кокетливо наклоняя голову*), которую и имѣю честь вамъ представить: довольно пышная и отличнаго цвѣта, все, что́ только можно было найдти лучшаго.

— Ахъ! мнѣ бы очень хотѣлось такую косу; но я думаю что у меня ее не будетъ до моей свадьбы... Видишь-ли ты, Жанна здоровается съ нами? Ахъ, Боже, да ее платье, кажется, вѣчно, неизносимо? Какъ она безъ вкуса одѣта и безобразна съ торчащей розой въ волосахъ и прыщомъ на носу! Какъ глупо вкалывать розу въ бѣлокурые волосы, это совсѣмъ нейдетъ. На меня это производитъ впечатлѣніе семги подъ бѣлымъ соусомъ. Ахъ! кстати о семгѣ; ты слиш-

комъ рано уѣхала прошедшимъ вечеромъ: мы отлично ужинали, моя милая!

— Боже! какъ Жульета была хороша! не правда-ли? Вотъ головка! Я бы отдала десять лѣтъ моей жизни, чтобы имѣть такую голову!...: Честное слово! десять лѣтъ; въ сущности, жизнь совсѣмъ не такъ прекрасна! Удивительно какъ къ ней шелъ этотъ головной уборъ!

— Знаешь, вѣдь онъ привезенъ изъ Персіи?

— Неужели! изъ Персіи? Это восхитительно. Мнѣ говорили, что онъ привезенъ изъ... знаешь, очень изъ далека, изъ той стороны, гдѣ колоніи. Ну, а ея свадьба?

— Она разошлась. Жульета отказала, и это дѣло рѣшеное.

— Но свадебная корзинка? Мамаша видѣла три куска кашемира, привезеннаго изъ Индіи — три чуда! Одинъ кусокъ по красному фону мелкими крапинками... однимъ словомъ, самый модный въ настоящее время; чудо что за кашемиръ! Я нахожу, что подобныя вещи дѣйствуютъ на нервы какъ хорошая музыка.

— Это прелесть, какъ хорошо: три куска

такого кашемиру и брилліанты!... И она все таки отказала?

— Она отказала, и по моему была совершенно права; онъ хромъ, какъ старый сломанный столъ...

— Кто это?

— Кто! Боже мой, — женихъ! Но, милая моя кошечка, чему-же тутъ удивляться? три кашемира! Три кашемира дарятъ рѣшительно всѣ, это такъ обыкновенно! Разсуди сама: кашемиръ на длинное платье для зимнихъ визитовъ — это разъ; потомъ клѣтчатый кашемиръ для гулянья въ теплую погоду; и наконецъ, надѣюсь, ты не найдешь лишнимъ кашемировое платье, чтобы идти въ церковь или брать ванну; вотъ ужь три, видишь-ли? Я ни за что не помирюсь менѣе, чѣмъ на трехъ. Я не желаю имѣть видъ моей горничной. Ни за что! ни за что!

— Вѣроятно, этотъ господинъ хромалъ ужь очень сильно, иначе отказать... Вѣдь онъ консулъ!

— Что касается до его положенія, то оно было великолѣпно. Кажется, что въ странѣ, гдѣ онъ былъ консуломъ, носятъ важныхъ людей въ паланкинахъ.

— Это очень удобно для хромыхъ. Я нахожу, что она поступила отлично, отказавъ ему: калѣки меня приводятъ въ ужасъ, и не всегда можно быть увѣренной, что эти болѣзни не передаются. Помнишь-ли, въ монастырѣ, хромую сестру Аделаиду, у которой былъ преогромный каблукъ? Повѣришь-ли мнѣ, моя милая, что я за сотню тысячъ франковъ не сѣла бы на ея стулъ!

— Что-же могло случиться, если бы Жульета вышла замужъ за полковника?

— Ахъ! ахъ, какъ ты глупа. Не гляди въ эту сторону, я вижу, что къ намъ направляется г. Пинсетъ съ приглашеніемъ на вальсъ. Чѣмъ болѣе я его вижу, тѣмъ онъ мнѣ противнѣе. Онъ глупъ, бѣлокуръ, съ безобразно-широкими бакенбардами и танцуетъ не въ тактъ... въ немъ одни недостатки. Не находишь-ли ты, что онъ похожъ на аббата Жульена, который читалъ намъ катихизисъ?...

— Да, ты права, онъ похожъ на аббата... Особенно, когда онъ вальсируетъ: у обоихъ одинаковые глаза. Я не люблю мужчинъ, напоми-

нающихъ священниковъ. Не подумай, милая моя, что бы я вздумала говорить дурно о священникахъ. По моему мнѣнію, мужчина непремѣнно долженъ имѣть черные усы, иначе онъ—нуль! Замѣтила-ли ты усы моего брата, съ тѣхъ поръ какъ онъ вышелъ изъ Сан-Сирской школы? Вотъ такіе усы я очень люблю: острые, преострые, и скручены. Я сама подстригала ему ихъ лѣтомъ. Я отлично умѣю подстригать.

— Эрнестъ настоящій кавалеръ; онъ не могъ дотронуться до меня, чтобы не сдѣлать мнѣ больно, и это мнѣ было очень пріятно; такъ и должно быть.

— Я ненавижу геркулесовъ. Г. де-Сентъ-Флёръ не очень красивъ, не правда-ли? Ну, а я очень хорошо понимаю почему онъ такъ понравился Адель своимъ блѣднымъ лицомъ, своими жидкими волосами и страдающимъ видомъ.

— Твой г. де-Сентъ-Флёръ имѣетъ постоянно видъ человѣка, выздоравливающаго послѣ тяжкой болѣзни. Когда онъ прячется по угламъ, такъ и тянетъ поднести ему какую нибудь микстуры.

— Можешь острить, сколько угодно, на счетъ его страдальческаго вида; но онъ настоящій джентльменъ, и я не многихъ могу сравнить съ нимъ въ этомъ отношеніи. Говорятъ, что онъ поэтъ.

— Ну, я ему предпочитаю г. де П.

— Ха-ха-ха! вотъ еще что нашла, г. де-П. Но это настоящая бочка, и потомъ ему отъ сорока шести до сорока восьми лѣтъ.

— Чтожъ изъ этого? только въ эти годы, моя милая, мужчина можетъ доставить женщинѣ приличное положеніе; право, совсѣмъ не такъ глупо быть женою банкира.

Въ это время заигралъ оркестръ, и три танцора пришли приглашать моихъ маленькихъ сосѣдокъ, которыя съ видомъ утомленныхъ женщинъ едва слышно приняли приглашеніе. Кавалеры на мѣста своихъ дамъ положили свои складныя шляпы на бѣлой или голубой шелковой подкладкѣ, на которой красовались золотыя начальныя буквы ихъ фамилій, съ короной на верху; эти три пары, болтая, направились въ залу. Я слѣдилъ взглядомъ за ними въ толпѣ-

Всѣ три съ большимъ умѣньемъ отдались въ руки своихъ танцоровъ, отвернувъ немного голову, и волнистые ихъ шиньоны разлетались въ вихрѣ вальса. Можетъ быть, въ ихъ небрежности, нѣсколько утрированной, былъ слабый оттѣнокъ дѣтской неловкости, боящейся быть замѣченной.

Спустя десять минутъ, онѣ вернулись на свои мѣста, съ блестящими глазами и съ трудомъ переводя дыханіе; ихъ крошечныя ноздри раздувались и алѣли. Онѣ взялись за вѣеры и, помахивая ими, продолжали болтать.

— Этотъ господинъ отлично танцуетъ, но онъ большой чудакъ: онъ со мной разговаривалъ о географіи. Развѣ еще возможно помнить какую нибудь вершину Пиринейскихъ горъ?

— Я ничего ровно не помню... Боже! какъ мнѣ жарко! Ахъ, да! я сама танцовала съ твоимъ кавалеромъ на прошедшемъ вечерѣ, онъ тоже со мной говорилъ о географіи? Какая странная манера у нѣкоторыхъ танцоровъ повторять со всѣми одно и тоже.

— Ну, вотъ мамаша опять мнѣ дѣлаетъ знакъ, чтобы я отдыхала. Ну, этому не бывать!...

Она вѣрно думаетъ, если ее никто не пригласитъ на котильонъ, увезти меня, какъ съ прошедшаго вечера, и уложить вмѣстѣ съ курами. Сдѣлай одолженіе, попроси твоего кузена пригласить maman на котильонъ и протанцовать что нибудь со мной. Я его просто люблю; по крайней мѣрѣ, онъ смѣшитъ, хотя не всегда можно понять, что онъ говоритъ. Онъ какъ будто подсмѣивается надъ вами, но это ничего не значитъ, онъ очень милъ, и потомъ онъ такъ крѣпко держитъ во время танцевъ, что съ нимъ танцуется очень ловко.

— Знаешь, какимъ большимъ преимуществомъ пользуются замужнія женщины? Онѣ могутъ очень сильно декольтироваться, и имъ не такъ нестерпимо жарко, какъ намъ.

И когда она говорила это, я замѣтилъ, какъ ея плечики вздрагивали подъ кисеей.

Около двухъ часовъ утра, съигравъ партію въ вистъ, я опять вернулся къ дверямъ оранжереи и сталъ позади моихъ маленькихъ героинь. Двѣ изъ нихъ бойко попивали бордо изъ стакана, а третья пила шоколатъ. Онѣ, опроки-

нувшись на спинку креселъ, громко смѣялись и фразы ихъ переплетались такъ быстро, что среди общаго шума я не могъ уловить ихъ разговора; но, судя по ихъ растрепавшимся прическамъ, по блеску ихъ глазъ и ихъ лихорадочному состоянію, я заключилъ, что онѣ не теряли напрасно времени. Мамаши, тоже довольно оживленныя, приблизились къ нимъ и три или четыре господина, кокетливо вытирая свои потные лбы, наперерывъ говорили имъ тысячу любезностей.

Въ этомъ углу веселье было такое шумное, что я потерялъ надежду услышать что нибудь. И я направился къ передней.

Что за прелестныя женщины черезъ два-три года выйдутъ изъ этихъ восхитительныхъ дѣвочекъ! не подумайте, чтобы жажда наслажденій, блескъ свѣчей и любовь къ вальсу могли повредить сокровищамъ, вложеннымъ въ ихъ сердца тѣмъ разумнымъ воспитаніемъ, которое онѣ получили. Сегодня же вечеромъ эти три ангельчика, ложась спать и еще не успокоившись послѣ танцевъ, набожно сложатъ ручки подъ одѣяломъ, — чтобы молитва была горячѣе — побла-

годарятъ Бога за блага, дарованныя имъ въ родѣ сегодняшняго бала, и помолятся, чтобы Богъ спасъ ихъ завтра отъ насморка, который помѣшаетъ ѣхать въ оперу. Потомъ, поцѣловавъ свою золотую медальку, которая предохраняетъ отъ огня и вывиха и помогаетъ танцовать въ тактъ, эти милыя созданія, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ звуковъ мазурки, очень быстро заснутъ, такъ покойно, какъ малиновка въ своемъ тепломъ гнѣздышкѣ.

Жена ѣдетъ на балъ.

Жена.—Ахъ, какъ мило, что ты пришелъ такъ рано! (*взглянувъ на часы*) три четверти шестаго. Но какъ ты, бѣдный, озябъ, мой другъ, твои руки совсѣмъ замерзли! садись къ огню. (*Подкладывая полѣно въ каминъ*). Я думала о тебѣ весь день. Ты, бѣдненькій, долженъ выходить по такой погодѣ, это ужасно! Кончилъ ты всѣ свои дѣла? Доволенъ ли ты?

Мужъ.—Очень доволенъ, милочка. (*Въ сторону*). Никогда не была жена такъ любезна. (*Громко, взявъ мѣхъ*). Очень доволенъ, очень доволенъ, но какъ же я голоденъ!—А малютка былъ хорошъ?

Жена.—Ты голоденъ! Сколько удовольствія за-

разъ. Браво! (*Звонитъ*) Мари, дайте знать въ кухню, что баринъ хочетъ обѣдать пораньше. Пусть позаботятся о томъ, вы знаете, и чтобы былъ лимонъ.

Мужъ.— Тайна?

Жена.—Да, сударь, я приготовила вамъ маленькій сюрпризъ и думаю, что вы будете въ восторгѣ.

Мужъ.— Ну, какой же это сюрпризъ?

Жена.—О, настоящій сюрпризъ... Какой ты, однако, любопытный! вотъ ужъ у тебя и глаза заблестѣли! А если я тебѣ ничего не скажу?

Мужъ.—Ты разобьешь мнѣ сердце.

Жена.— Ну, я не буду испытывать твое терпѣнье. Тебѣ будутъ за обѣдомъ устрицы и куропатка! Ну, не мила ли я?

Мужъ.— Устрицы и куропатка! Ты просто ангелъ (*цѣлуетъ ее*). Право, ангелъ. (*Въ сторону*) Чортъ возьми! что такое съ женой сегодня? (*Громко*) Не былъ-ли у тебя кто нибудь сегодня?

Жена.— Видѣлась съ Эрнестиной, но она заходила на минуту. Она отказала своей горничной. Повѣришь ли, третьяго дня, эту дѣвушку встрѣ-

тили въ мужской одеждѣ своего барина. Это ужъ слишкомъ!

Мужъ.— Вотъ, что значитъ довѣрять слугамъ. Такъ ты видѣлась только съ Эрнестиной?

Жена.—Да, что же, и довольно (*Съ восклицаніемъ*). Какая я, однако, легкомысленная! совсѣмъ позабыла: пріѣзжала съ визитомъ m-me Лиръ.

Мужъ.—Богъ съ ней. А что, она по обыкновенію кривитъ ротъ, чтобы скрыть синій зубъ?

Жена.—Какой ты злой, а она тебя такъ любитъ. Бѣдная женщина, я право была тронута ея визитомъ. Она пріѣзжала напомнить о своемъ... ты разсердишься (*цѣлуетъ мужа и садится поближе къ нему*).

Мужъ.—Я разсержусь? зачѣмъ же я буду сердиться... вѣдь я не турокъ. Въ чемъ же дѣло?

Жена.—Ты не забылъ, что будутъ устрицы и куропатка? Ну, пойдемъ обѣдать. Я ничего больше не скажу, ты и теперь ужъ не въ духѣ. Къ тому же, я ей почти отказала.

Мужъ.—(*Всплеснувъ руками*) Та, та, та...я это подозрѣвалъ. Чортъ ее побери и съ чаемъ вмѣстѣ. Но что же я такое сдѣлалъ этой женщинѣ?

Жена.—Она думаетъ сдѣлать тебѣ удовольствіе. Это такая милая знакомая. Я ее люблю за то, что она всегда говоритъ хорошее о тебѣ. Еслибъ ты спрятался за дверью, во время ея визита, тебѣ бы непремѣнно пришлось покраснѣть. (*Мужъ пожимаетъ плечами*). Вашъ мужъ, говорила она, такой любезный, такой веселый, такой умный. Постарайтесь привезти его, такое счастье имѣть его гостемъ. Непремѣнно постараюсь, отвѣчала я; но сказала это только такъ, ты понимаешь. А, ба, я совсѣмъ къ этому равнодушна. Вѣдь вовсе не такъ весело у m-me Лиръ. Тамъ, по угламъ, всегда куча серьезныхъ людей. Я знаю, что все это вліятельныя личности и что они могутъ быть полезны, но мнѣ то что въ этомъ? Идемъ обѣдать. Знаешь, вѣдь у насъ оставалась еще бутылка этой знаменитой яблоновки, я приберегла ее, чтобы запить куропатку. Ты наслаждаешься, какъ истый гастрономъ! Вѣдь ты прежадный, мой муженекъ (*беретъ его подъ руку*).

Идемъ, мой другъ, я слышу, что твой сынишка кричитъ отъ нетерпѣнья въ столовой.

Мужъ.—(*Съ озабоченнымъ видомъ*). Гмъ... а когда?

Жена.— Когда... что?

Мужъ.— Да чай то?

Жена.—А, ты хочешь сказать, когда балъ... Я ужъ объ этомъ и думать перестала. Балъ m-me Лиръ... Зачѣмъ ты спрашиваешь? вѣдь мы же не ѣдемъ. Идемъ скорѣе, обѣдъ стынетъ... балъ сегодня.

Мужъ.—(*Останавливаясь*). Такъ чай обратился въ балъ и балъ этотъ сегодня-же. Но, чортъ побери, развѣ можно приглашать на балъ такъ внезапно, въ послѣднюю минуту! Нужно предупреждать заранѣе.

Жена.—Но приглашеніе прислано недѣлю назадъ. Не знаю, куда эта записка дѣлась. Я позабыла тебѣ ее показать, виновата.

Мужъ.— Ты забыла, забыла...

Жена.—Что же, все къ лучшему; иначе ты бы дулся цѣлую недѣлю. Будемъ же обѣдать.

Садятся за столъ. Скатерть сіяетъ бѣлизной, ножи блестятъ, устрицы свѣжія, куропатка зажа-

рена въ самый разъ и распространяетъ прелестный ароматъ. Жена очаровательна и оживлена до нельзя. Мужъ замѣтно развеселяется и откидывается на спинку стула.

Мужъ.—А вѣдь хороша эта яблоновка! Не хочешь ли немножко, женушка?

Жена.—Да, конечно, твоя женушка не откажется (*кокетливымъ движеніемъ подвигаетъ стаканъ*).

Мужъ.—А ты одѣла твой перстень во вкусѣ Людовика XVI. Прелестный перстень.

Жена. —(*Поднося руку къ носу супруга*). Да, но посмотри, одинъ уголокъ отламывается.

Мужъ.— (*Цѣлуя руку жены*). Гдѣ же этотъ уголокъ?

Жена.—(*Улыбаясь*). Ты все шутишь; а я говорю серьезно, посмотри вотъ, очень замѣтно!

Они сближаются и оба наклоняютъ головы, чтобы разсмотрѣть поближе. „Не видишь развѣ?" Она указываетъ часть перстня своимъ тонкимъ розовымъ пальчикомъ. „Вотъ смотри... Вотъ..."

Мужъ.— Эта миленькая жемчужина, которая... но что у тебя въ волосахъ, милочка? Чрезвычайно хорошо пахнетъ.— Нужно отдать его ювелиру.

Какіе тонкіе, прелестные духи... А вѣдь къ тебѣ идутъ локоны.

Жена. — Ты находишь? (*и бѣленькой ручкой она поправляетъ прическу*). Мнѣ такъ и казалось, что ты любишь эти духи. На твоемъ мѣстѣ, я бы...

Мужъ. — Что же бы ты сдѣлала на моемъ мѣстѣ, дружокъ?

Жена. — Я бы поцѣловала свою жену, просто на просто.

Мужъ. — (*Цѣлуя жену*). А вѣдь тебѣ приходятъ удачныя мысли. Положи мнѣ еще кусочекъ куропатки, пожалуйста. (*Съ набитымъ ртомъ*). Какъ милы, право, эти бѣдные звѣрьки, когда бѣгаютъ по полямъ. Ты знаешь ихъ призывный крикъ, при закатѣ солнца?.. Подбавь соусу. По временамъ на меня находятъ припадки сельской поэзіи. И подумаешь, что находятся дикари, которые ѣдятъ ихъ съ капустой! Да, но скажи, пожалуйста (*онъ наливаетъ стаканъ*), у тебя не приготовленъ туалетъ?

Жена. — (*Съ наивнымъ удивленіемъ*). Какой туалетъ, мой другъ?

Мужъ. — Да для бала m-me Лиръ.

Жена.—Для бала! Какая у тебя память! Ты все еще объ этомъ думаешь? Нѣтъ, у меня нѣтъ туалета... Ахъ, впрочемъ, мое тарлатановое платье знаешь? Да къ тому же, женщинѣ такъ мало нужно, чтобы соорудить себѣ бальный туалетъ.

Мужъ.—А куафера не увѣдомила?

Жена.—Правда, куафера я не извѣстила, но вѣдь я не гонюсь, чтобъ ѣхать на этотъ балъ. Мы расположимся у камина, немножко почитаемъ и ляжемъ пораньше спать... Ты мнѣ теперь напомнилъ, что, уѣзжая, m-me Лиръ сказала: „вашъ куаферъ вмѣстѣ съ тѣмъ и мой, я его извѣщу". Какая я забывчивая. Теперь только вспоминаю, что я ей ничего не отвѣтила. Но вѣдь это не далеко, я могу послать Мари сказать ему, чтобы онъ не безпокоился.

Мужъ.—Такъ какъ онъ ужъ извѣщенъ, этотъ злосчастный кауферъ, то пусть приходитъ и отправимся... развлекаться къ добрѣйшей m-me Лиръ, но съ условіемъ, что мнѣ все будетъ приготовлено на кровати, и перчатки и фракъ, знаешь, а ты мнѣ сама завяжешь бѣлый галстухъ.

Жена. — Торгъ заключенъ *(цѣлуетъ его)*. Ты

лучшій изъ мужей, я въ восторгѣ, мой дорогой другъ, собственно оттого, что ты готовъ жертвовать собою для моего удовольствія, а къ балу-то я совсѣмъ равнодушна. Я за этимъ не гналась, право.

Мужъ.—Гмъ! ну такъ я пойду выкурить сигару, чтобы васъ не стѣснять, а въ 10 часовъ я буду здѣсь. Только что ты будешь готова, какъ я въ пять минутъ облекусь весь въ черное, съ головы до ногъ. Прощай.

Жена. — До свиданья.

Очутившись на улицѣ, мужъ закуриваетъ сигару и застегиваетъ пальто. Нужно убить два часа! Это ни почемъ, когда человѣкъ занятъ, но когда нечего дѣлать, — это дѣло другое. Мостовая грязная, начинается дождь; хорошо, что Пале-Рояль недалеко. Пройдясь четырнадцать разъ по галлереѣ, мужъ смотритъ на часы. Безъ пяти минутъ десять, придется опоздать, супругъ спѣшитъ возвратиться домой.

На дворѣ карета уже готова.

Въ спальнѣ двѣ лампы безъ абажуровъ испускаютъ потоки свѣта. На всѣхъ мебеляхъ и на постели цѣлыя горы муслина и лентъ.

Платье, юбки, короткія и длинныя, турнюры, кружева, шарфы, цвѣты, драгоцѣнности, все это перемѣшано въ восхитительномъ хаосѣ. На столѣ, который какъ будто чего то ожидаетъ, бережно разложены склянки съ помадой, разные косметики, шпильки, гребенки и щетки. Двѣ искусственныхъ косы томно раскинулись чѣмъ то чернымъ, очень похожимъ на пукъ лошадиныхъ волосъ. Золотыя сѣтки и сѣточки. Гребни изъ прозрачной черепахи и яркаго коралла, пучки розовыхъ бутоновъ, вѣтки бѣлой сирени, букеты блѣдныхъ фіалокъ, все это ожидаетъ выбора художника или каприза красавицы. И однако, признаться-ли? посреди всѣхъ этихъ роскошныхъ богатствъ, наша барыня растрепана, обезпокоена, разгнѣвана.

Мужъ — (*Взглянувъ на часы*). Ну, милочка, ты вычесана?

Жена. — (*Нетерпѣливо*). Онъ спрашиваетъ, вычесана ли я? Развѣ ты не видишь, что я жду куафера, вотъ уже полтора часа, почти цѣлый вѣкъ? не видишь развѣ, что я въ ярости, потому что онъ не придетъ, несчастный.

Мужъ. — Чудовище!

Жена. — Да, чудовище! Совѣтую тебѣ еще шутить!

Звонятъ. Дверь отворяется и горничная кричитъ: Сударыня, это онъ!

Жена. — Это онъ?

Мужъ. — Онъ!

Артистъ поспѣшно входитъ и кланяется, засучивая рукава.

Жена. — Любезный Сильвани, вы невыносимы.

Сильвани. Я въ отчаяніи, но право невозможно было явиться раньше. Принялся за дѣло съ трехъ часовъ. Только сейчасъ отъ герцогини W., которая ѣдетъ сегодня въ министерство. Она мнѣ дала свой экипажъ. Лизета, дайте мнѣ гребень и положите щипцы нагрѣться.

Жена. — Но, любезный Сильвани, мою горничную зовутъ вовсе не Лизетой.

Сильвани. Мадамъ, конечно, понимаетъ, что еслибъ мнѣ пришлось запоминать имена всѣхъ горничныхъ, услугами которыхъ я пользуюсь, то мнѣ пришлось бы держать шесть писцовъ, вмѣсто четырехъ. Лизета прехорошенькое имя и идетъ

ко всякой. Лизета, покажите мнѣ нарядъ вашей барыни. Прекрасно. Балъ этотъ оффиціальный.

Жена. — Все равно, принимайтесь за дѣло, Сильвани.

Сильвани. Я не могу чесать, мадамъ, не зная предварительно, въ какую среду попадетъ прическа. (*Мужу, сидящему въ углу*). Я бы попросилъ васъ, сударь, перемѣститься подальше; мнѣ нуженъ просторъ, чтобы судить объ эффектѣ.

Мужъ. — Непремѣнно, мосье Сильвани, очень радъ сдѣлать вамъ пріятное. (*Садится на стулъ*).

Жена. — (*Поспѣшно*). Не туда, мой другъ, ты сомнешь мнѣ юбку. (*Мужъ поднимается и ищетъ другой стулъ*). Поосторожнѣе, оглянись, ты наступилъ на мои буффы.

Мужъ. — (*Оглядываясь, съ сердцемъ*). Буффы! Буффы!

Жена. — Ну, теперь ты разсыплешь мои булавки!

Сильвани. — Я бы попросилъ мадамъ хоть минутку не двигаться.

Мужъ. — Пожалуйста, успокойся, я иду въ залъ; есть ли тамъ огонь?

Жена. — (*Разсѣянно*). Но, мой другъ, какъ же ты хочешь огня въ залѣ?

Мужъ. — Въ такомъ случаѣ, я пойду въ кабинетъ.

Жена. — И тамъ нѣтъ огня... отчего ты непремѣнно желаешь, чтобъ былъ огонь въ кабинетѣ? Странная мысль!.. Знаете, Сильвани, повыше и небрежнѣе, это въ большой модѣ.

Сильвани. — Мадамъ подчернитъ слегка вѣки? Это позволило бы мнѣ идеализировать прическу.

Мужъ. — (*Съ нетерпѣньемъ*). Мари, подайте мнѣ пальто и шляпу. Я пойду прохаживаться по прихожей. (*Въ сторону*). Она ужо поплатится, эта m-me Лиръ.

Сильвани. — (*Взбивая волосы*). Я обнажу его; было бы злодѣйствомъ его скрыть. Мадамъ обладаетъ прелестными ушами княгини R., которую я вчера причесывалъ. Лизета, приготовьте пудры. Такія ушки рѣдкость.

Жена. — Вы говорите?

Сильвани. — Ушки m-me такъ скромны, что не слышатъ сказаннаго?

Наконецъ, барыня вычесана. Сильвани посы-

паетъ свое произведеніе легкимъ облакомъ душистой пудры, окидываетъ довольнымъ взглядомъ, затѣмъ кланяется и удаляется.

Проходя черезъ прихожую, натыкается на гуляющаго барина.

Сильвани. О! тысячу извиненій! примите мое нижайшее почтеніе.

Мужъ. — (*Изъ за поднятаго воротника*). Прощайте.

Четверть часа спустя, раздается шумъ экипажа. Мадамъ готова, прическа къ ней идетъ, она улыбается зеркалу, растягивая машинкой свои узкія и длинныя перчатки. Мосье потерпѣлъ неудачу съ бантомъ галстуха и оборвалъ три пуговицы. Въ чертахъ его виднѣется сквернѣйшее расположеніе духа.

Мужъ. — Однако, идемте же, карета ожидаетъ. Четверть двѣнадцатаго. (*Въ сторону*). Еще безсонная ночь. Погоняй живѣе, кучеръ, улица Р. № 224.

Пріѣхали. Въ улицѣ Р. волненіе, полицейскіе поспѣшно пробираются сквозь толпу. Вдали слы-

шатся неясные, приближающіеся крики и раскаты. Мужъ бросается къ дверцамъ.

Жена. — Что случилось, Жанъ?

Кучеръ. — Сударь! пожаръ! вотъ и пожарные.

Мужъ. — Везите насъ все-таки въ № 224.

Кучеръ. — Мы туда-то и пріѣхали, сударь, здѣсь-то и пожаръ.

Привратникъ (*отдѣляется отъ толпы и приближается къ каретѣ*). —Милостивый Государь, вѣроятно, какъ и другіе отправляется къ m-me Лиръ. Мадамъ въ отчаяніи, но пожаръ именно у нее въ домѣ... Невозможно принять.

Жена. — (*Съ жаромъ*) — Это недостойно.

Мужъ. — (*Напѣвая*). Непріятно, непріятно... (*Кучеру*) Поѣзжайте назадъ, да поживѣе, я совсѣмъ сплю. (*Онъ растягивается въ глубинѣ кареты и поднимаетъ воротникъ.—Въ сторону*). А въ концѣ концовъ, я все таки выигралъ: прекрасно зажаренную куропатку.

Балъ въ посольствѣ

ГДѢ НЕ СКАЗАНО НИ СЛОВА НИ О БАЛѢ, НИ О ПОСОЛЬСТВѢ

I

— Я не нахожу, чтобы это было не красиво, говорила моя тетушка, чуть-чуть касаясь камина своей крошечной ножкой. Я признаюсь, что это придаетъ взгляду какую-то особенную прелесть. Немножко пудры и румянъ очень красятъ, точно также, какъ эта синеватая полутѣнь, которую онѣ такъ искусно подводятъ себѣ подъ глаза... Боже, что за кокетки бываютъ на свѣтѣ! — Обратишь-ли ты вниманіе, въ четвергъ, на вечерѣ у г-жи С., на глаза Анны? Говоря от-

кровенно, развѣ это возможно?... Я не понимаю, какъ это хватаетъ духу...

— Мнѣ очень нравились ея глаза, въ нихъ было что-то мягкое... бархатное...

— Я не отвергаю, что они казались бархатными.

— И въ тоже время, подъ этой полутѣнью, какой-то странный блескъ, выраженіе такой прелестной томности!

— Все это правда, но каждый могъ видѣть, что это искусственно. Еслибы не это, то право это не дурно. Мнѣ случалось встрѣчать въ Булонскомъ лѣсу прелестныхъ созданій, подкрашенныхъ румянами, съ подчерненными глазами и даже съ разрисованными жилками, потому что онѣ даже и на это пускаются...

— Да тетушка, онѣ тушуютъ голубой краской жилки.

— (*Живо интересуясь*). Онѣ подражаютъ жиламъ? Честное слово, это уже слишкомъ много! — Но ты, кажется, очень хорошо знаешь всѣ эти тонкости?

— Да я вѣдь такъ часто участвовалъ въ

домашнихъ спектакляхъ! У меня даже есть цѣлая коллекція склянокъ, заячьихъ лапъ, тушовокъ и проч. проч.

— Ахъ! неужели у тебя все это есть? Шалунъ! Скажи, пожалуйста, ѣдешь-ли ты завтра на балъ въ посольство?

— Да, милая тетушка; вы будете тоже костюмироваться?

— Нельзя же выдѣляться, необходимо быть въ костюмѣ. Впрочемъ, говорятъ, что балъ будетъ великолѣпенъ. (*Помолчавъ немного*). Я попудрюсь; какъ ты думаешь, будетъ это ко мнѣ идти?

— Болѣе, чѣмъ къ каждой другой женщинѣ, милая тетушка; вы будете очаровательны, я увѣренъ въ этомъ.

— Мы увидимъ это, маленькій льстецъ.

Она встала, протянула мнѣ руку съ изысканной развязностью и сдѣлала видъ, что уходитъ, потомъ обернулась.

— Кстати, Эрнестъ, ты ѣдешь завтра на балъ въ посольство, я предлагаю тебѣ мѣсто въ моей каретѣ. Ты скажешь свое мнѣніе о моемъ туа-

летѣ и потомъ... Она расхохоталась и, взявъ меня за руку, шепнула мнѣ на ухо: — захвати свои баночки и пріѣзжай пораньше. Неправда-ли, это останется между нами?—Она приложила палецъ къ губамъ въ знакъ молчанія.—До завтра.

Моя тетушка, какъ видите, еще не простилась съ молодостью и отлично сдѣлала. По моимъ вычисленіямъ, ей за двадцать пять лѣтъ; но я плохо считаю и потому не могу точно опредѣлить вамъ ея лѣтъ. И потомъ, къ чему это? Развѣ, когда она появляется на балъ, стройная и величественная, ее не встрѣчаетъ шопотъ восхищенія? Развѣ дѣловые прохожіе не останавливаются любоваться ею, когда она въ окно своей кареты даетъ приказанія кучеру? Въ ея голосѣ еще слышатся серебристые звуки молодости и въ ея движеніяхъ есть изящная грація двадцатилѣтней женщины. Наконецъ, моя дорогая тетушка переживаетъ годы, когда женщина дѣлается въ себѣ увѣреннѣе и красота ея разцвѣтаетъ во всемъ блескѣ.

II

На другой день, вечеромъ, комната моей тетушки представляла самый отчаянный безпорядокъ. Изъ полуоткрытыхъ ящиковъ вырывались наружу скомканное кружево, кисея, вышивки. На мебели валялись полуоткрытые футляры, посреди шпилекъ и булавокъ. Обрѣзки лентъ и атласа, остатки цвѣтовъ испещряли коверъ и слой налетѣвшей пудры придавалъ всему какой то бѣловатый и пыльный видъ. Нѣсколько свѣчей и три лампы безъ абажуровъ ярко освѣщали этотъ безпорядокъ, среди котораго моя тетушка, роскошно одѣтая, разчесанная, напудренная, стояла передъ трюмо и опытнымъ глазомъ оглядывала свой роскошный туалетъ маркизы временъ Людовика XVI.

Горничная и портниха стояли обѣ на колѣняхъ, съ заспанными глазами (обѣ провели безсонную ночь), и лихорадочной рукой прикалывали атласные банты.

— Мари, бантъ, который у васъ въ рукахъ

приколите немного лѣвѣй. Мадамъ Савэнъ, лифъ вы сдѣлали шире на цѣлый палецъ. Я точно въ мѣшкѣ, мадамъ Савэнъ.

— Можетъ быть, вашъ корсетъ нѣсколько болѣе стянутъ, чѣмъ обыкновенно?

— Конечно, болѣе стянутъ. Развѣ вы не знаете, что во времена Лудовика XVI женщины носили очень тонкія таліи? Надо уважать археологію или совсѣмъ не браться за дѣло, мадамъ Савэнъ.—Передъ платья не дуренъ. Характеръ того времени сохраненъ.

Тетушка повернулась профилемъ къ зеркалу.

— Я срисовала фасонъ лифа съ платья того времени, но боялась, что этотъ фасонъ выкажетъ васъ слишкомъ полной.

— Но, мадамъ Савэнъ, вы должны бы знать, что во время Людовика XVI всѣ знатныя женщины именно старались имѣть такой видъ. Нѣтъ, нѣтъ, ничего нѣтъ преувеличеннаго, надо сохранять характеръ времени... И расправляя своими розовыми, полными пальчиками пышные газовые буффы своего открытаго лифа, она улыбнулась и прибавила:

— Нѣтъ, мадамъ Савэнъ, совсѣмъ не слишкомъ открыто.—Мари, дайте коробку съ мушками.

Горничная подала коробку.

Тетушка обмочила палецъ своей аристократической слюной, небрежно опустила его въ коробку и, вынувъ его, вооруженный уже черной точкой, она посмотрѣла въ зеркало, поколебалась нѣсколько и вдругъ рѣшительнымъ и удивительно мѣткимъ взмахомъ, пафъ, и она приклеила мушку прямо посреди своего декольте.—Это отвлечетъ вниманіе.—И она улыбнулась отъ души.

Въ самомъ дѣлѣ, эта мушка, похожая на божью коровку, была наклеена съ такимъ тактомъ и съ такимъ искусствомъ! Ни слишкомъ высоко, ни слишкомъ низко, именно гдѣ слѣдовало.

Такъ что самые строгіе критики, склонные къ злословію, глядя на открытый корсажъ моей тетушки, сказали бы вмѣстѣ съ ней: „Конечно, тутъ нѣтъ никакой нескромности.“ Впрочемъ, въ сущности, было немножко болѣе декольте, чѣмъ

слѣдовало. Можетъ быть, это происходило отъ того, что моя тетушка достигла той поры, когда красота достигаетъ своей роскошной зрѣлости.

Можетъ быть, изъ уваженія къ археологіи, изъ желанія буквально слѣдовать модѣ нашихъ прабабушекъ, она стянула слишкомъ корсетъ, чтобы имѣть тонкую талью того времени, и потому плечи и грудь ея казались слишкомъ открытыми и роскошными.

— Какъ ты поздно пріѣхалъ! сказала она мнѣ.—Уже одиннадцать часовъ и ты знаешь, какъ у насъ съ тобой еще много дѣла, прибавила она, показывая свои зубы. Лошади запряжены уже болѣе часу.—Я держу пари, что онѣ замерзнутъ на этомъ морозѣ.—И говоря это, она вытянула свою ножку, обутую въ бархатную мюльку, на красномъ каблукѣ, и блестящую золотомъ. Ея полная ножка выступала немного изъ туфли и сквозь ажурный, шелковый чулокъ мѣстами сквозило ея розовое тѣло.

— Какъ ты меня находишь, господинъ художникъ?

— Но, графиня... но, милая тетушка, хотѣлъ

я сказать, я... я былъ ослѣпленъ іюльскимъ солнцемъ, самымъ палящимъ въ году, какъ вы сами знаете. Я нахожу васъ божественной... божес... и причесанной...

— Не правда-ли, я хорошо причесана? Это Сильвани такъ артистически меня причесалъ;— другого куафера нѣтъ ему подобнаго.—Бриллiанты на пудрѣ великолѣпны... эти высокая прическа придаетъ шеѣ такой величественный видъ. Ты знаешь, я всегда любила пококетничать своей шеей; это моя единственная роскошь.—Захватилъ-ли ты съ собой свои маленькiя баночки?

— Да, тетушка, у меня ничего не забыто и если вы желаете сѣсть...

— Я ужасно блѣдна—такъ ты чуть-чуть; Эрнестъ, ты знаешь, о чемъ я говорю, неправда-ли?

И она повернула голову, подставляя мнѣ правый глазъ. Я до сихъ поръ не забылъ этого глаза! Только, какъ она отклонилась назадъ, чтобы свѣтъ падалъ прямѣе, и я приблизилъ свое лицо къ ея лицу, такъ какъ работа моя была самая тонкая, — я увидѣлъ, какъ газъ раскрылся и проклятая мушка, какъ лодка, но-

симая волной, то приподнималась, то опускалась, по мѣрѣ ея движенія.

— Ты понимаешь, милый другъ, что необходимость историческаго костюма заставляетъ меня раскрашиваться такимъ образомъ?

— Дорогая тетушка, если вы будете шевелиться, моя рука будетъ дрожать.—И дѣйствительно, касаясь длинныхъ рѣсницъ, рука моя сильно дрожала.

— Да, ты правъ, слѣдуетъ немножко положить этой тѣни въ уголъ глаза, это придаетъ выраженію мягкость, неопредѣленность и... Боже мой, какъ это противно. Вотъ, что значитъ сцѣпленіе обстоятельствъ! Разъ напудрившись, непремѣнно нужно положить немного бѣлилъ на лицо, чтобы не казаться желтой, какъ лимонъ; а набѣлившись, нельзя оставаться,—ты меня щекочешь кисточкой,—нельзя оставаться паяцомъ; необходимо подрумяниться, это неизбѣжно. А потомъ замѣть, какъ золъ чортъ; если послѣ всего этого не расширить глазъ, то онѣ кажутся совершенно впалыми. Вотъ такимъ-то путемъ и доходишь до эшафота.

Тетушка принялась смѣяться отъ души, и мушка исчезла, какъ бы поглощенная волнами, и вскорѣ вынырнула опять.

— Ты отлично оттѣнилъ мнѣ глаза. Какъ это оживляетъ взглядъ! Какъ хитры эти созданія, онѣ знаютъ, какъ себя прикрасить! Ты можешь еще немного усилить эту тѣнь; я вижу теперь, что это право не дурно! Какъ ты округлилъ брови! Ты не думаешь, что онѣ будутъ казаться слишкомъ черными? Мнѣ бы не хотѣлось имѣть видъ... Но, впрочемъ, ты подчернилъ совсѣмъ въ мѣру. Гдѣ ты научился этому искусству? Если-бы ты его приложилъ къ дѣлу, то заработалъ бы много денегъ.

— Ну, тетушка, довольны-ли вы?

Тетушка отдалила маленькое зеркало, которое держала въ рукахъ, потомъ его приблизила, опять отдалила. опустила глаза, улыбнулась и, откинувшись въ кресло, весело сказала:

— Надо отдать тебѣ справедливость, что это великолѣпно...Какъ, ты сказалъ, называютъ это твои... пріятельницы?

— Гримировкой, дорогая тетушка.

— Жалко, что, при употребленіи свѣтскими женщинами, это не иначе называется; говоря откровенно, я бы прибѣгала... по вечерамъ... время отъ времени. Несомнѣнно, что это дѣлаетъ женщину много интереснѣе. Нѣтъ-ли у тебя чего нибудь для губъ?

— И для губъ есть.

— Ахъ! это въ склянкѣ, это жидкость?

— Это родъ уксуса, какъ вы видите... Не шевелитесь, тетушка. Протяните губы, какъ будто бы вы хотѣли меня поцѣловать. Можетъ, вы въ самомъ дѣлѣ не прочь меня поцѣловать?

— Поцѣлую, если ты будешь стоить. Не правда-ли, ты выучишь меня твоему искусству.

— Съ большимъ удовольствіемъ, дорогая тетушка.

— Ахъ, твой уксусъ, право, дѣлаетъ чудеса, онъ дѣлаетъ губы такими яркими и потому зубы кажутся чрезвычайно бѣлыми! Правда, что у меня зубы были всегда довольно...

— Еще одна ваша маленькая роскошь?

— Ну, вотъ и все, благодарю тебя. И она

улыбнулась мнѣ, дѣлая гримаску, потому что уксусъ нѣсколько щипалъ губы.

Помочивъ палецъ, она взяла мушку и приклеила съ большимъ кокетствомъ подъ глазомъ, потомъ еще другую мушку у угла рта, довольная и сіяющая. „Спрячь поскорѣе свои баночки,“ сказала она мнѣ, „я слышу, что твой дядюшка идетъ за мной. Застегни мнѣ браслеты.—Двѣнадцать часовъ! а мои бѣдныя лошади... да еще гриппъ ходитъ въ городѣ!“

III

Въ эту минуту вошелъ мой дядюшка въ панталонахъ и въ домино.

— Надѣюсь, что я не помѣшалъ, сказалъ онъ весело, увидя меня.

— Я полагаю, вы шутите, сказала тетушка, обернувшись къ нему: Эрнестъ ѣдетъ, какъ и мы, въ посольство и я предложила ему мѣсто въ каретѣ.

Взглянувъ на мою тетушку, дядя былъ ослѣпленъ, и протянувъ ей руку въ перчаткѣ, ска-

залъ: „Вы восхитительны сегодня, моя милая!“ — Потомъ прибавилъ съ тонкой улыбкой: „У васъ прелестный цвѣтъ лица и удивительный блескъ глазъ!“

— О! это отъ слишкомъ яркаго освѣщенія; здѣсь задыхаешься. Но вы сами, мой другъ, великолѣпны; никогда ваша борода не казалась мнѣ такъ темна, какъ сегодня.

— Потому такъ кажется, что я очень блѣденъ,—я совсѣмъ замерзъ. — Жанъ позабылъ подложить огня въ каминъ;—ну, что же, отправляемся?

И тетушка, взявъ свой вѣеръ, тонко улыбнулась въ свою очередь.

Сердечныя печали.

Г-жа **де-Ренси**, 30 лѣтъ.
Г-жа **де-Ланзоль**, 22 лѣтъ.
Графъ **Гантранъ**, 16 или 17 лѣтъ.
Жюли горничная.

(Терраса посреди парка, невдалекѣ отъ замка сквозь деревья виднѣется подъѣздъ. Направо, изящная бесѣдка съ просторнымъ диваномъ и столикомъ; около бесѣдки, налѣво, садовыя кресла и деревенскій столикъ).

Г-жа де-Р. и г-жа де-Л. сидятъ около стола съ вышиваньемъ.

Гжа де-Ренси. (*Съ иголкой въ рукѣ, помолчавъ, смѣется*)—Красивый мужчина!.. это легко ска-

зать, моя душечка, но прежде нужно условиться относительно этого.

Г-жа де-Ланзоль.— Хорошо, условимся.

Г-жа де-Ренси.— По мнѣ—клянусь честью—это выраженіе лишено всякаго смысла! Красивый мужчина!.. Ну, что это значитъ? Это тоже, что увлекательный вальсъ, или очаровательный пейзажъ; пока я ихъ неслыхала или не видала, они для меня ничего не представляютъ. Ну, назовите-ка мнѣ вашихъ красивыхъ мужчинъ, моя милая! а потомъ я вамъ скажу про нихъ свое мнѣніе.

Г-жа де-Ланзоль.— Мои красивые мужчины!.. Вотъ оригинальное выраженіе! Точно будто у меня карманы ими набиты! ха, ха, ха!

Г-жа де-Ренси. — Ну, назовите мнѣ хотя одного! Знаете вы хотя одного?

Г-жа де-Ланзоль.— Конечно. Напримѣръ, хоть г-нъ де-Сенъ-Венсенъ, имя его я вспомнила совершенно случайно, но онъ считается...

Г-жа де-Ренси.—Считается! Скажите лучше, считался. Вотъ, что значитъ репутація! Вашъ примѣръ недуренъ! Безъ волосъ, глаза на лбу, ноги какъ у глупца, плечи какъ у сумасшедша-

го! Что же остается у него, спрашиваю я васъ? Борода да носъ. Удивительно хорошъ! Лучше мнѣ и не говорите о г-нѣ де-Сенъ-Венсенѣ; это старая развалина, церковный швейцаръ, это... да и глупъ же онъ какъ! просто хоть святыхъ вонъ выноси (*Принимаясь за работу*). Мнѣ гораздо больше нравится вашъ мужъ.

Г-жа де-Ланзоль. — Онъ въ другомъ родѣ. (*Снова шьетъ*). Да вѣдь я никогда и не говорила, что Рауль дуренъ.

Г-жа де-Ренси.— Я этому охотно вѣрю, моя милая. Г-нъ де-Ланзоль при свѣчахъ просто ослѣпителенъ. Я еще вчера вечеромъ обратила вниманіе на его спину...

Г-жа де-Ланзоль.— Въ словахъ вашихъ слышится какъ будто жалоба, что спина г-на де-Ренси нѣсколько...

Г-жа де-Ренси. — Не стѣсняйтесь, говорите лучше прямо, что Робертъ горбатъ.

Г-жа де-Ланзоль. — Я говорю только, что вашъ мужъ такъ высокъ, такъ широкоплечъ; у него такія внушающія манеры, походка такая...

Г-жа де-Ренси.— Все это только необходи-

мые аксесуары для человѣка, предназначеннаго носить латы, каску и ботфорты! Вы понимаете, конечно, что нельзя же посадить на рослую кавалерійскую лошадь какую нибудь малиновку! Кавалеристъ долженъ быть такимъ неизбѣжно! Но все это одна только декорація, не соотвѣтствующая внутреннему содержанію... Жизнь научитъ когда нибудь и васъ понимать это. (*Смѣясь*). Я готова отдать полдюжину Аполлоновъ вмѣстѣ съ ихъ бельведеромъ за самаго худенькаго человѣчка, ростомъ съ мизинецъ, еслибъ только замѣтила въ немъ взглядъ, порывъ, чувство, однимъ словомъ, душу. Не знаю только, понимаете-ли вы меня?

Г-жа де-Ланзоль. Да, почти... вы говорили?

Г-жа де-Ренси. — Я говорила... но вы закричите. Мнѣ хотѣлось привести примѣръ для поясненія моей мысли. Вы находите г. де-Сенъ-Венсена красивымъ кавалеромъ, неправда-ли? А если я вамъ скажу, что мнѣ несравненно больше нравится племянникъ маркизы, ну...

Г-жа де-Ланзоль. — Этотъ мальчикъ? Да вы шутите, моя красавица; это еще дитя, онъ только что вышелъ отъ отцевъ іезуитовъ.

Г-жа де-Ренси. — Разумѣется. Онъ еще очень молодъ. я этого не оспариваю, онъ даже немного худъ, блѣденъ; но у него есть физіономія, привлекательное выраженіе лица, интересная томность, какое-то безпокойство... ну, я не съумѣю выразить этого. Чувствуешь, что въ этомъ мальчикѣ есть огонекъ.

Г-жа де-Ланзоль. — Увы! вотъ это самое и огорчаетъ его добрую тетку.

Г-жа де-Ренси. — Не говорите мнѣ про тетку: она выписала его сюда для того, чтобы развлечь немного. Но какое утѣшеніе дадите вы бѣдному сердцу, которое подточено страстью!

Г-жа де-Ланзоль. Неужели? вотъ какъ!

Г-жа де-Ренси. Ну да, бѣдное дитя. Въ его годы развѣ это странно? Это несомнѣнно указываетъ на раннее развитіе чувствъ.

Г-жа де-Ланзоль. — И на нѣжность души, совершенно...

Г-жа де-Ренси. — Совершенно изъ ряду вонъ выходящую, нечего и говорить; но какъ это грустно!

Г-жа-де-Ланзоль.—Грустно!.. это ужасно; вы

хотите сказать. Очевидно, что у этого юноши черезъ чуръ большая живость души истощаетъ тѣло.

Г-жа де-Ренси.—Его добрая тетка въ такомъ безпокойствѣ! Вы можете сами вообразить въ какомъ она безпокойствѣ...

Г-жа де-Ланзоль. — Господи! (*По секрету*). Но скажите мнѣ, моя красавица, кто же предметъ этой страсти?

Г-жа де-Ренси.—То-то и ужасно, что этого никто не знаетъ. Онъ таитъ все въ себѣ, моя милая, точно кассовой сундукъ! О, когда примѣшается страсть... передайте, пожалуйста, мнѣ ваши ножницы!

Г-жа де-Ланзоль.—Ахъ, Боже, гдѣ же они?—Они только что были тутъ. (*Ищетъ*). Во всякомъ случаѣ, страсть эта безумна... онъ любитъ кого нибудь... (*Найдя ножницы*). А, вотъ они! Онъ любитъ кого нибудь, недостойнаго себя.

Г-жа де-Ренси.—Просто теряеться въ догадкахъ. Вчера, вечеромъ, маркиза показывала мнѣ письмо, которое ей написали святые отцы, по поводу племянника; письмо это, натурально, очень трогательно, хотя и весьма лаконично.

Г-жа де-Ланзоль. Неужели вы думаете, что святые отцы будутъ распространяться о подобныхъ вещахъ?

Г-жа де-Ренси. Кармелиты? О, моя милая, они хорошо знаютъ человѣческое сердце! Но какъ это письмо было написано, забыла! (*Ищетъ*) Да! „Мы препоручаемъ вашей набожной заботливости... заботливости... нравственное состояніе молодаго графа Гонтрана, вашего племянника....“ (*продолжаетъ искать*).

Г-жа де-Ланзоль. — Съ какимъ тактомъ все это сказано! У васъ больше нѣтъ красной шерсти?

Г-жа де-Ренси. —Къ несчастью, нѣтъ!“ вашъ племянникъ... племянникъ... „Да, вспомнила!“ Мірскія заботы, причину которыхъ мы не въ состояніи объяснить, съ нѣкоторыхъ поръ овладѣли его душою и могутъ преждевременно омрачить чистоту ея... и такъ далѣе... благоволите маркиза наблюдать... и такъ далѣе...“ Письмо это просто верхъ совершенства. Тѣмъ не менѣе ясно, что дитя влюблено до безумія и въ 16 лѣтъ, моя милая! Какое несчастье для всего семейства!

Г-жа де-Ланзоль. — Онъ, вѣроятно, прочелъ

Paul et Virginie или что нибудь въ томъ же родѣ... Для невинности ничего нѣтъ губительнѣе этого.

Г-жа де-Ренси. Да, вы правду говорите. (*Тихо*). И меня когда то волновала эта книга до глубины души, сверху до низу; хотя я читала изданіе, тщательно пересмотрѣнное, но и это не помогло.

Г-жа де-Ланзоль. — Грустно болѣе всего то, что онъ теряетъ свою невинность, потому что... наконецъ... когда персикъ теряетъ свой пушокъ...

Г-жа де-Ренси. — Да, это такъ! (*Легкій вздохъ*).

Г-жа де-Ланзоль. — Неправда-ли? Ничто не замѣнитъ этого. Помните монастырь? (*Легкій вздохъ*).

Г-жа де-Ренси. — Я знаю, что рано или поздно нужно....

Г-жа де-Ланзоль. — Но чѣмъ позднѣе, тѣмъ лучше. Господи! лучше позднѣе!

Г-жа де-Ренси. — Кажется, что на этотъ счетъ мнѣнія раздѣляются, потому что, когда маркиза сообщила своему мужу опасенія, которыя ей

внушаетъ племянникъ. маркизъ покатился со смѣху.

Г-жа де-Ланзоль.—Это просто чудовище!

Г-жа де-Ренси. — Однакожъ, это истинная правда (*обертываясь*), но тише, моя милая, тише!

Г-жа де-Ланзоль. — Что такое? Вы укололись?

Г-жа де-Ренси. — Тише, говорю я вамъ! Вотъ онъ. Развѣ вы его не видите? Онъ идетъ къ намъ.

Г-жа де-Ланзоль. — Кто такой?

Г-жа де-Ренси. — Молодой графъ. Бѣдный, какъ онъ жалокъ!

Г-жа де-Ланзоль. — Еслибъ намъ удалось открыть его... его... горшочекъ съ розами...

Г-жа де-Ренси. — И вы смѣете смѣяться, жестокая? Если мы не разойдемся, мы его испугаемъ; онъ къ намъ никогда не подойдетъ. Уходите скорѣе; я попытаюсь заставить говорить его, уходите же скорѣе!

Г-жа де-Ланзоль. — Вы правы; я бѣгу, но вы мнѣ все разскажете? Обѣщаете? (*Она собираетъ шерсти, сышиванье и бѣжитъ, унося корзинку съ работой*). Такъ обѣщаете?

Г-жа де-Ренси — Да, да! тише!

Г-жа де-Ренси. — (*Одна*). Это прелестно! Я взволнована... Если онъ меня увидитъ, онъ убѣжитъ, — я въ этомъ увѣрена. (*Она оглядывается и, замѣтивъ бесѣдку, вбѣгаетъ въ нее, садится на диванъ, поправляетъ волосы и расправляетъ складки платья*).

Графъ показывается въ глубинѣ сцены; онъ чрезвычайно томенъ, — настоящій херувимъ. Проборъ на серединѣ головы. Бѣлая одежда, розовый галстухъ, легкіе башмаки; въ правой рукѣ толстая книга съ золотыми обрѣзами, въ лѣвой тросточка съ золотымъ набалдашникомъ. Онъ идетъ тихо, ощипывая маргаритку.

Г-жа де-Ренси. — (*Напѣваетъ*).

Гонтранъ.—Немного...много.. стра...страсти... (*бросаетъ съ грустью цвѣтокъ*). Не могу произнести это слово. Нѣтъ, немогу! Страстно... Это невозможно. (*Онъ останавливается, услыхавъ пѣніе, кладетъ руку на сердце и осторожно приближается къ бесѣдкѣ. Замѣтивъ г-жу де-Ренси*). — Ахъ!

Г-жа де-Ренси. — Ахъ, Боже мой, какъ вы меня испугали!

Гонтранъ. — (*Очень скромно*). Извините... Я ухожу, сударыня (*онъ топчется на мѣстѣ и не уходитъ*)

Г-жа де-Ренси. — (*Въ сторону*) Бѣдняжка! (*Громко и вкрадчиво*). Будьте добры, принесите ту корзинку, которая вонъ тамъ, на столѣ... Извините меня, я ушибла ногу и немогу ходить.

Гонтранъ. — (*Съ большимъ участіемъ*) О!

Г-жа де-Ренси. — Это ничего, я не ранена.

Гонтранъ. — А!

Г-жа де-Ренси. — Корзинка тамъ. Это вышиваніе, которое я... (*Въ сторону*). Въ его годы. Боже мой! Это ужасно! (*Громко*). Вы со вчерашняго вечера здоровы? (*Гонтранъ беретъ неловко, корзинку и, закрывъ глаза, нюхаетъ ее; потомъ немного стѣсняемый книгою и тростью, ставитъ корзинку на столъ и поспѣшно отходитъ на нѣсколько шаговъ; его толстая книга падаетъ.*) Вы со вчерашняго вечера здоровы? (*Гонтранъ утвердительно, киваетъ головою*). Однако, вы носите съ собою на прогулку боль-

шія книги! Ужъ не старинный-ли фоліантъ? Ха, ха, ха! (*Кокетливо*). Божусь, это физика или химія (*Она улыбается*). Вѣдь такъ?

Гонтранъ. — (*Подымая книгу*) Это? это книга размышленій, которую мнѣ дали святые отцы передъ моимъ отъѣздомъ. Тутъ нѣтъ химіи.

Г-жа де-Ренси. — Вы много размышляете?

Гонтранъ. — О, да!

Г-жа де-Ренси. — Въ эту книгу?

Гонтранъ. — О, нѣтъ! (*Онъ пугается того, что сказалъ, и хочетъ уйдти*).

Г-жа де-Ренси. — Еще одну маленькую услугу! У меня нѣтъ болѣе шерсти. Не согласитесь-ли вы... только одну минутку... двѣ ниточки только... (*Она протягиваетъ ему мотокъ съ самой очаровательной улыбкой*).

Гонтранъ, не зная, какъ отказать, беретъ трость подъ руку, подходитъ, протягиваетъ руки, беретъ мотокъ и ждетъ, стоя).

Г-жа де-Ренси.—Такъ немного высоко; сядьте, будьте такъ добры. (*Она отодвигается и даетъ ему мѣсто*). Здѣсь! Вотъ такъ. (*Гонтранъ садится и дрожитъ всѣмъ тѣломъ. Въ сторону.*)

Теперь только хладнокровіе и я все узнаю! (*Громко*). Неправда ли, что имѣніе вашей тетушки прекрасно! Этотъ таинственный паркъ... (*Она поэтически произноситъ эти слова, взглядывая по временамъ на молодаго человѣка*). Громадныя деревья, которыя купаютъ свои вѣтви въ кристальныхъ водахъ озера; безмолвіе, мракъ, тишина... О! очаровательное мѣсто!

Гонтранъ. — Но кромѣ этого, тамъ нѣтъ ничего (*опуская глаза*) обворожительнаго.

Г-жа де-Ренси. — (*Мотая шерсть*). Не скоро-ли я мотаю? Чувствуете, какъ пахнетъ шерсть? Этотъ запахъ вамъ непріятенъ? Это мои духи, амбра и вервена, я ихъ употребляю постоянно; они не сильны, а напротивъ того, нѣжны и деликатны. (*Она скоро мотаетъ. Гонтранъ пододвигается къ ней*). Знаете, что я сейчасъ замѣтила?

Гонтранъ. — (*Смотритъ на г-жу Р. съ большимъ участіемъ*). Нѣтъ, сударыня.

Г-жа де-Ренси. — Ну, я замѣтила, что вы грустны.. озабочены чѣмъ-то... Вѣроятно, есть

какая нибудь непріятность? (*Она мотаетъ очень быстро, Гонтранъ слѣдуетъ руками за движеніями клубка*). Ахъ, какъ я глупа и не скромна!

Гонтранъ. — Въ вашемъ вопросѣ нѣтъ ни малѣйшей нескромности, сударыня (*Послѣ нѣкотораго колебанія, съ большою рѣшимостью и въ полголоса*). Я очень несчастенъ!

Г-жа де-Ренси. — (*Въ сторону*). Наконецъ-то! Бѣдный ангелъ, теперь онъ мнѣ все разскажетъ. (*Громко*). Боже! что вы говорите? что случилось съ вами? Бѣдный молодой человѣкъ!

Гонтранъ. — (*Совсѣмъ придвигаясь, говоритъ съ увлеченьемъ*) Я люблю!... люблю!... вотъ, что со мною, сударыня.

Г-жа де-Ренси. — Бѣдный юноша, какъ я сочувствую вашимъ... вашимъ... любитъ она васъ?

Гонтранъ. — Кто, сударыня?

Г-жа де-Ренси. — Какъ кто! но... (*Въ сторону*). Какая прелестная наивность (*Громко*). Боже мой!... Она, она, однимъ словомъ особа, которую вы любите... видите-ли, вы себѣ не

можете представить, какъ меня трогаетъ ваше довѣріе. Мнѣ кажется, точно будто мы съ вами старые друзья... Но особа эта, любитъ-ли она васъ?

Гонтранъ. — (*Беретъ руку m-me Р. и цѣлуетъ ее*). О, какъ вы добры. Я вамъ очень благодаренъ, сударыня (*Все время играетъ рукою г-жи де-Ренси и снова цѣлуетъ ее*). Вы очень, очень добры. (*Длинное молчаніе*).

Г-жа де-Ренси. — (*Рукою, которая незанята, утираетъ глаза. Въ сторону*). Онъ прелестенъ, несчастное дитя! (*Громко*). Любитъ онъ васъ?

Гонтранъ. — (*Не оставляя руки и опуская глаза*). Немогу этого сказать; все, что я знаю это то, что я ее люблю.

Г-жа де-Ренси. — О, это прелестно, прелестно!

Гонтранъ. — Я люблю ее всѣми силами души моей и для меня она все! Вы только что говорили о таинственныхъ аллеяхъ, о деревьяхъ, склоняющихся надъ водою, о далекомъ небосклонѣ, о душистыхъ лугахъ, о журчащемъ ручьѣ, который бѣжитъ по травкѣ... Ну, для меня вся эта поэзія въ ней одной! Въ цвѣтахъ,

млѣющихъ при приближеніи вечера, въ росѣ, блещущей въ травѣ, въ пѣніи птицъ, оглашающихъ на зарѣ рощи, въ звѣздахъ, сіяющихъ ночью, вездѣ я вижу одну ее! Она наполняетъ мое сердце, наполняетъ всю природу, и міръ, лишенный ея улыбки, померкъ бы...

Г-жа де Ренси. — Но наконецъ, кто-же эта особа, другъ мой?

Гонтранъ.—Ахъ, если-бы я зналъ это! *(Онъ еще придвигается, голова его почти находится на плечѣ г-жи де-Ренси).*

Г-жа де-Ренси.—Какъ онъ краснорѣчивъ и, въ то-же время, какъ онъ скрытенъ!

Гонтранъ. — (*Вынимаетъ изъ жилета пустой медальонъ на цѣпочкѣ*). Смотрите! въ этомъ золотомъ кругѣ, между двумя прозрачными кристаллами, видите?

Г-жа де-Ренси. — Да, вижу, но тутъ нѣтъ ничего.

Гонтранъ.—Здѣсь будутъ ея волосы, я возьму только одно колечко, вотъ отсюда, позади уха.

Г-жа де-Ренси. — Я совершенно растрогана при видѣ такой нѣжности!

Гонтранъ. — Я возьму драгоцѣнные волосы, сверну ихъ въ колечко и запру въ эту маленькую раку, съ которой уже никогда не разстанусь, она вѣчно останется подъ этимъ бѣлымъ саваномъ, и я унесу ее съ собою въ могилу... мнѣ хотѣлось-бы умереть. Ахъ, если-бы вы знали, какъ я люблю ее! *(Онъ начинаетъ рыдать, обнимаетъ г-жу де-Ренси и нѣсколько разъ цѣлуетъ ее).*

Г-жа де-Ренси. — *(Очень испуганная).* Боже мой! Что вы дѣлаете! Милое дитя! Онъ теряетъ разсудокъ... Что, если-бы мужъ прошелъ теперь мимо, это просто сумасшествіе!

Гонтранъ.—*(Съ отчаяніемъ).* Я внушаю вамъ отвращеніе? Скажите это! Я считалъ васъ доброй! Зачѣмъ отталкиваете вы меня? Я такъ несчастенъ!

Г-жа де-Ренси.—Я васъ не отталкиваю, но наконецъ...

Гонтранъ.—Да, вы меня отталкиваете, потому что мои слезы тревожатъ ваше счастье. Я думалъ, что вылью всю душу свою въ вашу душу, повѣдаю вамъ все... что... *(Онъ садится*

садится на колѣни г-жи де-Ренси и хочетъ обнять ея).

Г-жа де-Ренси.—(*Кричитъ и отталкиваетъ его*). Боже! Онъ съ ума сошелъ! Это ужасно! Г-жа де-Ланзоль, милая моя, сюда, на помощь! Сударь, встаньте; идите-же скорѣе, Боже милосердный! (*Она выходитъ изъ бесѣдки. Г-жа де-Ланзоль вбѣгаетъ*).

Г-жа де-Ланзоль. — Что случилось, моя милая? Я была здѣсь, близко.

Г-жа де-Ренси.—Я въ этомъ не сомнѣвалась. (*Очень волнуясь*). Ничего... почти ничего неслучилось; вотъ съ молодымъ человѣкомъ только что случился какой-то припадокъ... отчаяніе, что-то ужасное, раздирающее! Оставайтесь подлѣ него, я бѣгу за лекарствомъ... за уксусомъ или мелиссовой водой. Будьте съ нимъ добры, мой ангелъ, я сейчасъ-же вернусь (*она удаляется маленькими, поспѣшными шагами*).

Гонтранъ.—(*Сидитъ въ бесѣдкѣ, подперши руками голову*). Ахъ, какъ я несчастенъ (*Онъ раскрываетъ, гдѣ попало, толстую книгу съ красными обрѣзами, остававшуюся на столѣ, и*

снова закрываетъ ее). Книга эта хорошо написана но лишена всякаго смысла. (*Онъ замѣчаетъ г-жу де-Ланзоль*). Ахъ!

Г-жа де-Ланзоль.—(*Находясь носъ къ носу съ молодымъ человѣкомъ*). О!

Гонтранъ.—(*Со слезами въ голосѣ*). Не бойтесь, сударыня. Я плачу, но я не золъ. Вы видите, я бѣдное дитя, и всякій можетъ оттолкнуть меня. Дама, которая сейчасъ вышла отсюда, сказала вамъ это, вѣдь такъ? Я отлично видѣлъ, какъ она говорила съ вами.

Г-жа де-Ланзоль (*растроганная*). Вы ошибаетесь, милостивый государь; госпожа де-Ренси сказала мнѣ только, что вы несчастны, очень несчастны!

Гонтранъ. — Ахъ, это больше, чѣмъ вѣрно!

Г-жа де-Ланзоль. — Видите. я растрогана, я совсѣмъ растрогана.

Гонтранъ. — Послушайте, если вы заплачете, я буду еще несчастнѣе.

Г-жа де-Ланзоль.—(*Въ сторону*) Бѣдное дитя! (*Громко*). Можетъ быть, васъ не поняли; есть нѣкоторые деликатные оттѣнки чувства, кото-

рые ускользаютъ отъ толпы; умоляю васъ, не смѣшивайте меня съ другими... госпожею де-Ренси...

Гонтранъ. — А, такъ это госпожа де-Ренси уѣхала только что? Мужъ ея ки... *(тяжелый вздохъ)* кирасиръ?

Г-жа де-Ланзоль.—Дѣйствительно, кирасиръ, но...

Гонтранъ. — Она недурна, жена его, очень недурна.

Г-жа де-Ланзоль.—Да, это прелестная особа, быть можетъ, немного вѣтренная и свѣтская, такъ что инаго ропота сердца, иныхъ тонкихъ страданій души она совсѣмъ не въ состояніи оцѣнить.

Гонтранъ.— Ахъ, какъ это хорошо сказано! Я ей все разсказалъ, женѣ кирасира; я открылъ ей душу свою, но она ничего не поняла и съ презрѣньемъ оттолкнула меня. Пошелъ, пошелъ, малютка, сказала она; ты любишь, ну такъ чтожь? тѣмъ хуже для тебя!

Г-жа де-Ланзоль.—Какъ гадко!

Гонтранъ. — Неправда-ли, сударыня? (*Онъ*

долго смотритъ на нее). Но я вижу, что вы лучше ея (*онъ беретъ ее за руку*). Какъ вы добры, въ самомъ дѣлѣ добры! (*онъ цѣлуетъ руку*).

Г-жа де-Ланзоль.—Ахъ, Боже мой! У меня вовсе не злое сердце. (*Въ сторону*) Онъ въ самомъ дѣлѣ, трогателенъ!

Гонтранъ.—Виноватъ-ли я, неправда-ли, что я люблю всей душою, что любовь сожигаетъ меня, что я не сплю по ночамъ, что запахъ ея волосъ опьяняетъ меня и сводитъ съ ума?

Г-жа де-Ланзоль.—Успокойтесь, умоляю васъ!

Гонтранъ.—Нѣтъ, это невозможно! чтобы вы мнѣ ни говорили, это ни къ чему не послужитъ. Не моя вина, если отъ малѣйшаго ея взгляда кровь моя кипитъ, если бархатъ кожи ея ослѣпляетъ меня, если... если... если каждое утро моя несчастная любовь утопаетъ въ океанѣ моихъ слезъ!

Г-жа де-Ланзоль.—Боже милосердный!

Гонтранъ.—Смотрите (*онъ вытаскиваетъ изъ жилета медальонъ, потомъ снова прячетъ его*). Нѣтъ, я уже показывалъ его той дамѣ, женѣ

ки... (*глубокій вздохъ*) расира (*онъ роется въ карманахъ и вытаскиваетъ перчатку въ нѣсколько пуговокъ*). Смотрите, вы видите?

Г-жа де-Ланзоль.—(*Скромно*). Это перчатка той особы, которую вы любите?

Гонтранъ.—Я не могу вамъ этого сказать... у меня есть и другое (*онъ снова роется въ карманѣ*).

Г-жа де-Ланзоль.—(*Со слезами на глазахъ*) Будьте тверды, другъ мой; простите меня за то, что я васъ такъ называю, но ваши горести меня трогаютъ, вы это видите. Довѣрьтесь мнѣ, откройте мнѣ ваше бѣдное сердце: кто знаетъ, быть можетъ, я могу что нибудь сдѣлать для васъ! По крайней мѣрѣ, я сдѣлаю все на свѣтѣ, чтобы осушить ваши слезы... Да, все! Вѣрьте въ мою искренность.

Гонтранъ.—Это правда? Вы говорите правду?

Г-жа де-Ланзоль. — Безъ сомнѣнія. (*Графъ съ внезапнымъ порывомъ бросается въ объятія г-жи де-Ланзоль*). Что это? Боже! Онъ съ ума сходитъ!... Милостивый государь! Эй, кто тамъ! Жюли! Г-жа де-Ренси! Жюли!

Гонтранъ.—(*Съ отчаяніемъ*). И вы тоже ненавидите меня! (*Онъ будто въ обморокъ падаетъ на диванъ*).

Жюли.—(*Вбѣгая*) Сударыня! Что тутъ такое? Господи! вы блѣдны, какъ мраморъ!

Г-жа де-Ланзоль. — Я... я... ничего! Все уже прошло... я оправилась... Позаботься объ этомъ молодомъ человѣкѣ; ему, кажется, очень дурно... Припадокъ, что ли! Ему нужно одеколона, или чего нибудь такого... Госпожа де-Ренси все еще не возвращается! Я бѣгу, позаботься о немъ хорошенько, Жюли! (*она убѣгаетъ*).

Жюли.—(*Подходитъ тихо*). Ахъ, Господи, еще кризисъ! Да вѣдь это ужасно! (*поправляетъ ему волосы*) онъ прелестенъ, какъ амуръ! (*Она развязываетъ ему галстухъ и слегка хлопаетъ его по рукамъ*). Сударь, очнитесь! Къ счастью, сердце его еще бьется! (*Она садится и кладетъ голову молодого человѣка къ себѣ на колѣни*). А! вотъ онъ открываетъ глаза!

Гонтранъ.—(*Слабо*). Я думалъ, что я умеръ! О!

Жюли.—Нѣтъ, сударь, нѣтъ! Вотъ уже все и прошло!

Гонтранъ.—(*Очень удивленный, потомъ восхищенный, услыхавъ этотъ голосъ*). Это вы, Жюли? Вы не ненавидите меня? У васъ есть жалость къ несчастнымъ страдальцамъ? Вчера вечеромъ, вы меня разъ уже утѣшили. Память у меня хорошая, а сердце полно признательности. Ахъ, моя миленькая Жюли, какая у васъ чудесная душа! (*Одной рукой беретъ голову, привлекаетъ ее къ себѣ и долго цѣлуетъ*). Да, чудесная душа! (*Онъ снова обнимаетъ ее*).

Жюли. — (*Въ сторону*). Клянусь, это раздираетъ сердце. (*Г-жа де-Ренси и Г-жа де-Ланзоль, появившіяся изъ глубины сцены, одна держитъ стаканъ сахарной воды, другая бутылку мелиссовой, обѣ сразу замѣчаютъ Гонтрана обнимающаго Жюли. Продолжительное молчаніе. Три женщины смотрятъ другъ на друга съ недовѣріемъ. „Кого обманываютъ здѣсь?“ Какъ будто говорятъ онѣ другъ другу*).

Гонтранъ.—(*Окинувъ всѣхъ томнымъ и грустнымъ взглядомъ, вполнѣ невиннымъ, поднимаетъ глаза къ небу*). О, Боже! которую изъ трехъ долженъ я любить?

Г-жа де-Ланзоль. — Пойдемъ! Опирайтесь на наши руки...

Г-жа де-Ренси. — И возвратимся вмѣстѣ...

Жюли. — Въ замокъ...

Гонтранъ. — Ахъ, я очень несчастенъ!...

Оскаръ

I

Почему она вышла за него замужъ? вотъ, что трудно рѣшить. Одни говорятъ, что она нашла его изящнымъ и что больше всего увлеклась шириной его плечъ; — это возможно, но нельзя отрицать, что ширинѣ плечъ много помогъ жилетъ. Другіе, даже самые ея искренніе друзья, разсказываютъ, что она сама говоритъ: когда я глажу его густые, рыжіе волосы, мнѣ кажется, что я ласкаю льва.

Остановитесь, на чемъ хотите. Дѣло въ томъ, что они женаты и что, видя ихъ вмѣстѣ, гово-

рятъ: конечно, нашлась цѣль, которая связала эти два существа!

Она тонка, стройна, граціозна; ея голосъ сладокъ, какъ медъ, и характеръ похожъ на голосъ. Ея щеки покрываются румянцемъ даже при полетѣ мухи; ея глаза скромно опускаются передъ статуями; но подъ ея дѣвственными вѣками, испещренными голубыми жилками, можно прочесть душу, всегда готовую на все прекрасное и на все возвышенное. Это не только прелестная куколка, свѣжая, какъ розовый бутонъ, но это и женщина съ душой, прекраснымъ сердцемъ и прочими хорошими качествами. Повѣрьте мнѣ, она не вышла замужъ за перваго встрѣчнаго. Цѣлые два года она отказывала женихамъ, желая осмотрительно выбрать себѣ мужа; наконецъ, нѣжно любимая ею матушка, вышедшая замужъ между двумя кадрилями, сказала ей: „Но, душа моя, такъ разбирая, мы никогда не кончимъ!"

Но дочь хотѣла выбирать. Если бы вамъ попалась въ руки ея записная книжечка слоновой кости, гдѣ она записывала своихъ танцоровъ, то

вы увидѣли бы съ волненіемъ записанныя много разъ слѣдующія слова: „Третья кадриль — онъ. Пятая полька—онъ. Осьмая redowa — онъ и проч. проч.“ Этотъ *онъ*, такъ часто повторяемый, и былъ ея настоящій супругъ: Оскаръ***.

Оскаръ очень малъ ростомъ, широкоплечъ и начинаетъ толстѣть; онъ высоко держитъ голову и носитъ очень высокіе каблуки. Его носъ вздернутъ и нѣсколько тривіаленъ; губы толстые. добродушны и обжорливы, хотя онъ съ настойчивостью и оттягиваетъ углы рта, чтобы придать себѣ презрительное выраженіе.

Съ разу можно замѣтить, что онъ не прочь провѣрить бѣлье, принесенное прачкой, и въ случаѣ надобности вколотить гвоздь, хотя онъ и ведетъ себя дома героемъ и старается выказать полное презрѣніе ко всѣмъ хозяйственнымъ мелочамъ.

Его голосъ грубъ, громокъ и глубокъ. Когда онъ говоритъ, то инстинктивно ищешь глазами атлета. Онъ знаетъ силу своего голоса и безцеремонно прерываетъ своихъ собесѣдниковъ, подобно Юпитеру, шаловливо играющему громами.

Оскаръ носитъ панталоны съ яркими разводами и бакенбарды, отчаянно всклокоченные. Изъ подъ полей сильно наклоненной шляпы его лѣвый глазъ мечетъ молніи. Благодаря приданому своей прелестной жены, онъ можетъ ничего не дѣлать, чѣмъ онъ очень доволенъ. Онъ часто ѣздитъ верхомъ, встаетъ поздно, шатается изъ угла въ уголъ, никогда не читаетъ ни строчки, чѣмъ при случаѣ и хвастается, и аккуратно возвращается домой къ обѣденному часу. Только онъ способенъ такъ звонить, — раздаются два нетерпѣливыхъ, громкихъ и повелительныхъ звонка. Весь домъ вскакиваетъ на ноги, съ крикомъ: вотъ баринъ! — Наконецъ-то! шепчетъ его жена, невольно заглядывая въ зеркало: какъ онъ найдетъ мою прическу? Господи! вдругъ этотъ бантикъ ему не понравится!

Лакей летитъ къ дверямъ и не безъ волненія отворяетъ ихъ. Едва отворена дверь, какъ Оскаръ быстро распахиваетъ ее, какъ бы желая застать кого нибудь врасплохъ. Онъ подозрительно оглядываетъ кругомъ, снимаетъ пальто и бросаетъ хлыстъ на стулъ; все это онъ дѣ-

лаетъ торопливо, раздавая въ тоже время, отрывистымъ повелительнымъ тономъ, различныя приказанія, которыя онъ, кажется, нарочно для этой минуты, придумывалъ дорогой. Потомъ онъ кашляетъ, такъ громко, что въ столовой гремитъ посуда, и затѣмъ направляется въ комнату жены, куда входитъ, даже не постучавъ. Она встрѣчаетъ его улыбкой; она давно уже ждетъ его; внимательно всматривается въ него и едва удерживается, чтобы не броситься ему на шею; но Оскаръ не любитъ, чтобы она бросалась ему на шею, потому что онъ уже замѣтилъ, что, цѣлуя его въ лобъ, жена должна нагибаться.

Онъ садится, утомленный и угрюмый, протягиваетъ ноги и прячетъ руки въ карманы.

— А! замѣчаетъ онъ, зѣвая, вы перемѣнили прическу?... Къ чему это?... Съ кѣмъ вы сегодня видѣлись? — И онъ поправляетъ подсвѣчникъ, который стоитъ не на мѣстѣ.

— Я никого не видѣла, другъ мой, ровно никого, говоритъ она, краснѣя до ушей, потому что онъ страшно вспыльчивъ и ревнивъ, какъ тигръ; она боится, что онъ не вѣритъ ея сло-

вамъ.—Никого не видѣла. О! Боже мой! ни одной кошки!

— Отчего же вы краснѣете?

— Вѣдь ты знаешь, мой... милый... во первыхъ... меня страшатъ твои круглые, львиные глаза.

— Разъ, навсегда прошу васъ бросить эти ребячества, къ которымъ вы такъ расположены. Сдѣлайте мнѣ это удовольствіе! *(Онъ наклоняется къ полу, подымаетъ иголку и кладетъ ее на каминъ).* Во всякомъ случаѣ, вы не отличаетесь аккуратностью. Чортъ возьми, этотъ домъ совершенно преданъ грабежу!

— Но... право, я не думала, что ты въ такомъ дурномъ расположеніи духа. *(Заискивающимъ и серьезнымъ голосомъ).* Не случилось-ли чего съ тобой?... Ты знаешь, что я постоянно болтлива; я болтаю, болтаю и иногда у меня вырвется какая нибудь глупость; да, ты совершенно правъ. Видишь-ли, милый, я весь день сидѣла у камина; отъ этого несноснаго огня у меня и разгорѣлись щеки... Это правда, какая я красная! Тебѣ не нравится моя прическа? Мнѣ самой она совсѣмъ не нравится... Можетъ быть,

слегка приподнять эти локончики будетъ красивѣе; взгляни, вотъ такъ?

— Чешитесь, какъ вамъ угодно; но ради Бога, безъ этихъ встрепанныхъ шиньоновъ и безъ этихъ дѣтскихъ локончиковъ. Я нахожу, милая моя... (*Онъ встаетъ, съ нѣкоторымъ усиліемъ облокачивается на каминъ, который немного высокъ для его роста; онъ расположенъ говорить очень долго, если ему не помѣшаютъ обстоятельства*). Я нахожу, моя милая, что я серьезно понялъ свою роль мужа, неправда-ли? Ну! прошу и васъ понять вашу роль. Недостаточно быть честной женщиной,— я думаю, что вы честная женщина,—нужно еще имѣть видъ честной женщины и отказаться отъ этихъ безумныхъ нарядовъ, къ которымъ женщины всѣхъ классовъ стремятся съ какимъ-то опьяненіемъ; я выразился слабо, сказавъ съ опьяненіемъ; съ какимъ-то безуміемъ, бѣшенствомъ. (*Онъ пожимаетъ плечами и подходитъ къ криво-повѣшенной рамкѣ, тщательно поправляя ее*). Нелѣпо!.. Нелѣпо! шепчетъ онъ.

— Ты правъ; нѣкоторыя свѣтскія женщины,

дѣйствительно, держатъ себя и одѣваются, какъ Богъ знаетъ что. Я согласна съ твоимъ мнѣніемъ. Госпожа П... напримѣръ... Я нахожу, что она изъ тѣхъ, которыя... Ты совершенно вѣрно выразился: это безуміе, бѣшенство. Представь себѣ, у ней была шляпа! Это даже не была шляпа, точно у ней ничего не было на головѣ; ни лентъ, ни завязокъ, ни... ничего ровно. Она спросила, идетъ-ли къ ней эта шляпа? я ей прямо отвѣтила: есть моды, моя милая, которыя свѣтская женщина должна бы предоставить другимъ. Неправда-ли, это такъ, мой другъ?

(Вдругъ выпрямляясь, какъ часовой, увидѣвшій внезапно штыкъ за кустомъ):

— Вы видѣли госпожу П...? Какже вы мнѣ только что сказали, что никого не видѣли? Богу извѣстно, что я, какъ каждый порядочный человѣкъ, не надоѣдливъ и не деспотъ и предоставляю, сколько можно, свободы своей женѣ; но я объявляю вамъ, что мнѣ противна ложь. Что вы видѣлись съ госпожею П.,— это вздоръ; и разъ, что глупость сдѣлана, я не

понимаю, къ чему ее скрывать? Я думаю, что я вамъ не служу примѣромъ лицемѣрія. Я прямъ и откровененъ; я могу это сказать, это всѣмъ хорошо извѣстно. Я не желаю болѣе этой лжи, этихъ женскихъ хитростей, которыя не дѣлаютъ чести ни вамъ, ни мнѣ.

— Но... я....

— Вы сказали...? а! ну, вотъ и слезы! отлично; очень хорошо; это неизбѣжно. За одно сказанное слово, за одно родительское замѣчаніе вы разливаетесь рѣкой, а я могъ бы говорить съ вами совсѣмъ иначе. Вы любите прикидываться жертвой? (*Онъ проводитъ пальцемъ по рабочему столику, чтобы узнать, сметены ли пыль*) Вы любите разсказывать вашимъ жеманницамъ: Луизѣ, Эммѣ и цѣлой толпѣ другихъ, какъ притѣсняетъ васъ вашъ тираннъ?

— О! не думай этого, Оскаръ, другъ мой... Еслибъ ты зналъ, какъ я тебя люблю! Я сдѣлаю все, что тебѣ угодно, только не сердись на меня такъ. (*Она хочетъ обнять его и поцѣловать*).

— Я васъ умоляю, пожалуйста, безъ комедій... я наглядѣлся ихъ по горло.

Въ это время входитъ слуга и докладываетъ, что обѣдъ поданъ.

— Хорошо, отвѣчаетъ Оскаръ ледянымъ голосомъ. Пойдемте, моя милая. И прибавляетъ вполголоса, какъ бы говоря съ собой:

— Чортъ возьми! это настоящій адъ!

Во время обѣда, Оскаръ не говоритъ ни слова; онъ приказываетъ жестами, распоряжается знаками. Жена его сидитъ съ опущенными глазами и по временамъ крупная слеза падаетъ въ ея тарелку.

Она хотѣла бы завязать разговоръ, но не смѣетъ. Она видитъ по нахмуреннымъ бровямъ своего мужа, что это вещь невозможная.

— Какъ я глупа, говоритъ она тихонько, мнѣ бы слѣдовало догадаться, но онъ сегодня не въ духѣ. Мнѣ его обманывать! онъ думаетъ, что я ему солгала; онъ также честенъ, какъ силенъ. Онъ и физически, и морально твердъ, какъ сталь. Мнѣ бы слѣдовало догадаться, что онъ не вдухѣ.

Оскаръ все еще взбѣшенъ. Онъ половину кушанья оставляетъ на своей тарелкѣ. Передъ

дессертомъ онъ обращается къ лакею и произноситъ два слова, похожія на ревъ.

— Свѣчи, сигары! — Всѣ вздрагиваютъ. Онъ встаетъ, беретъ свою трость, шляпу, надѣваетъ пальто и опять уѣзжаетъ изъ дому.

II

Если хотите, послѣдуемъ за нимъ. Онъ все еще бѣсится. Можетъ быть, во время прогулки у него вырвутся какія нибудь слова, при помощи которыхъ мы лучше познакомимся съ нимъ. Какъ только онъ очутился на улицѣ, сейчасъ посмотрѣлъ на часы и пошелъ торопливѣе. Онъ повернулъ на лѣво, перешелъ улицу, вошелъ въ подъѣздъ одного дома и быстро сталъ подниматься по лѣстницѣ, покрытой роскошнымъ ковромъ. Во второмъ этажѣ онъ остановился, снялъ шляпу, пригладилъ волоса, расправилъ бакенбарды и скромно прокашлялся. Онъ видимо взволнованъ. Можетъ быть, онъ пришелъ къ своему дантисту. Но онъ улыбается; выраженіе его лица совершенно измѣнилось, какъ у каучуковыхъ куколъ, когда ихъ сожмешь рукой.

Наконецъ, онъ рѣшается позвонить. Дверь отворяетъ хорошенькая горничная, съ вздернутымъ носикомъ, расчесанная и надушенная.

— Кажется, барыня сейчасъ уѣзжаетъ, говоритъ прелестная дѣвушка; но я всетаки узнаю, можетъ-ли она васъ принять?

Впродолженіи двухъ минутъ на лицѣ Оскара изображается жестокая тревога. Наконецъ, ему разрѣшено войдти. Онъ входитъ самымъ скромнымъ образомъ, идетъ на цыпочкахъ, чуть касаясь ковра. Остановясь у маленькой двери, онъ дрожащей рукой стукнулъ три раза; потомъ ждетъ, вытянувъ шею, навостривъ ухо, съ идіотскимъ выраженіемъ обжоры, который смотритъ, какъ разрѣзаютъ фазана. Онъ уже хотѣлъ постучать еще разъ, когда изъ комнаты раздался женскій голосъ, уже нѣсколько утратившій свою свѣжесть.

— Но входи же, дуракъ, когда тебѣ говорятъ, что можно войдти.

Лучъ счастья освѣщаетъ его лицо; онъ повертываетъ ручку дверей и входитъ очень осторожно.

Въ очень низенькомъ креслѣ сидитъ женщина. Она держитъ въ лѣвой рукѣ зеркало, а правой, вооруженной кисточкой, на концѣ которой виднѣется черноватая жидкость, она водитъ надъ глазомъ. Она кажется очень занятой и потому не поварачиваетъ головы; по временамъ она кладетъ кисточку и концемъ своего толстенькаго пальчика смягчаетъ проведеныя ею черты.

— Здравствуй Нинишъ, говоритъ наконецъ Оскаръ.

Странное дѣло: его голосъ мягокъ и глаза нѣжны.

— Здравствуй, мой другъ, здравствуй; что новаго, мое милѣйшее животное? а ты сильно некрасивъ сегодня, мой милый, прибавила она, обернувшись. За то у тебя есть скромность и изящество!... Вотъ эти два достоинства и заставляютъ все таки любить тебя.

Она громко смѣется, Оскаръ смѣется тоже; онъ даже осмѣливается раскрыть немного ея кисейный пеньюаръ и наклоняется съ очевидной цѣлью поцѣловать ея шею; но онъ дѣлаетъ это

такъ неловко и медлено, что прежде, чѣмъ онъ достигъ цѣли, его останавливаютъ двѣ звучныя пощечины.

— Вотъ тебѣ, мой дорогой, вскрикиваетъ молодая женщина, меня не цѣлуютъ въ это время въ шею. Ты видишь, что я уже набѣлилась? Ты наивенъ, милый мой, и застѣнчивъ, вотъ за что я и люблю тебя.

— Какъ ты ѣдка сегодня, моя милая Нинишъ.

— Какъ ты глупъ! Ты знаешь, что про тебя говоритъ Адель? Она сказала, что ты женатъ. Что ты думаешь объ этомъ, мой Люлю?

— Это ложь, это нелѣпость! Еслибы я былъ женатъ, развѣ я былъ бы здѣсь?

— Охъ! это еще ничего не значитъ. Я просто отвѣтила ей: гдѣ ты хочешь, чортъ возьми, чтобы Люлю нашелъ себѣ жену? Онъ очень, очень некрасивъ; волосы у него рыжіе и сильно рыжіе, мой другъ; бакенбарды тоже яркаго, рыжаго цвѣта; прибавь ко всему этому, что ты совсѣмъ не интересенъ...

— Ты ѣдка, Нинишъ. Позволишь-ли ты мнѣ,

покрайней мѣрѣ, поцѣловать тебя за всѣ эти колкости?

— Ну, нѣтъ, мой другъ, я совсѣмъ не зла. Прочь руки, не тронь меня! Ты самъ согласенъ со мной, что ты не интересенъ... Что же дѣлать съ этимъ? Ты такимъ родился. Ты изященъ — это несомнѣнно; у тебя жилетъ, какъ у Bressant. Если бы только по временамъ у тебя былъ его носъ!

— Право, это дурно, Нинишъ, всегда смѣеться надо мной.

— Ну, слушай, теперь я скажу серьезно, что я люблю въ тебѣ? То, что ты настоящій джентльменъ. Это у тебя врожденное... Я тебѣ говорю, не цѣлуй въ шею, поцѣлуи оставляютъ слѣды. Ну, сюда цѣлуй... Теперь довольно, мой милый.

Она беретъ его за подбородокъ, цѣлуетъ его и говоритъ ласковымъ голосомъ:

— Право, я тебя люблю; какъ я себѣ ни говорю: надо вырвать эту дурную траву... Ну, и никакъ не могу на это рѣшиться. Когда уважаешь своего любовника, но легко и влюбиться въ него.

Оскаръ готовъ проползиться; онъ на колѣняхъ у ногъ свой богини, смотритъ на нее нѣжными и томными глазами и позволяетъ ей безцеремонно трепать бороду и похлопывать по щекѣ.

— Послушай, я совсѣмъ забыла, сказала она вдругъ; принесъ-ли ты, что я тебя просила? Представь себѣ, что судебный приставъ долженъ все описать? твою бѣдную Нинишъ потянутъ къ суду. Я не сомкнула глазъ во всю ночь. Ты мнѣ принесъ эту сумму, моя толстая болонка? Еслибы я не считала тебя джентльменомъ, я бы никогда не обратилась къ тебѣ за этой услугой; но какъ я знаю тебя за настоящаго джентльмена...

Толстая болонка улыбнулась съ выраженіемъ гордости и счастья; опустивъ руку въ карманъ жилета, онъ выпулъ маленькій свертокъ золота и положилъ на столъ. Нинишъ протянула руку, открыла ящикъ, въ который столкнула золото, и повернула ключъ.

Въ эту минуту раздался стукъ въ дверь и горничная, вбѣжавъ въ комнату, доложила сдержаннымъ голосомъ: Можете вы принять графа?

— Скажите графу, что я съ... съ моимъ мозольнымъ операторомъ.

Оскаръ нетерпѣливо встаетъ и ищетъ свою шляпу.

— Убирайся, мой милый, шепчетъ нетерпѣливо Нинишъ.

Къ несчастью, графъ тотчасъ же входитъ. Онъ граціозно цѣлуетъ руку молодой женщины и садится, не обращая никакого вниманія на Оскара.

— Я вамъ помѣшалъ, моя дорогая? спросилъ вновь пришедшій.

— Мнѣ, нисколько. Знаете, со мной случилась самая непріятная вещь въ мірѣ; держу пари, на что угодно, что вы не угадаете, что у меня на ногѣ... Я сама скажу, потому что вамъ никогда не угадать: у меня мозоль.

— Это удивительно, замѣчаетъ графъ съ глубокимъ недовѣріемъ.

— Я согласна съ вами, но вотъ мозольный докторъ, онъ знаетъ это хорошо, это его спеціальность...—убирайся, Люлю... прибавила она совсѣмъ тихо, — докторъ увѣряетъ, что это небольшой мозоль.

— Да, да, безъ сомнѣнія, это мозоль, прибавилъ Оскаръ недовольнымъ тономъ.

— Ну, до свиданія. Завтра утромъ, послѣ ванны, я васъ жду... Уберешься-ли ты!...

Люлю неловко раскланивается; щеки его пылаютъ и онъ уходитъ.

Проходя черезъ залу, онъ смотрится въ зеркало и, вдругъ принимая важный видъ, отгибаетъ воротникъ своего сюртука, расправляетъ бороду и шепчетъ:

— Чортъ знаетъ, что за женщина!

Яичница

Дождь, лившій съ самаго утра, казалось, усталъ и сдѣлался такъ мелокъ, какъ легкіе туманы, которые по вечерамъ подымаются надъ лугами. Мы только что отобѣдали. Г-на Бебе, который уснулъ за дессертомъ, унесли въ люльку, а мы вдвоемъ съ Луизой стояли у открытаго окна и напѣвали про себя, глядя на небо.

— Чтобъ намъ выйдти изъ ковчега, отецъ Ной? сказала мнѣ моя жена.

— Но я не замѣчаю радуги, моя милая.

— Тѣмъ лучше, пойдемъ къ ней на встрѣчу.

Она ушла и скоро вернулась совсѣмъ одѣтою, въ сапогахъ, капюшонѣ и перчаткахъ.

Жена взяла меня подъ руку, крѣпко опираясь на меня и прижимаясь ко мнѣ, какъ въ тѣ счастливые дни, когда люди вновь встрѣчаются послѣ долгой разлуки.

— Ахъ, какъ я рада, что иду гулять! Чувствуешь-ли ты, какой чудесный воздухъ? Мнѣ хотѣлось бы идти, идти... Пойдемъ сегодня подальше, вѣдь еще совсѣмъ свѣтло!

Говоря это, она смѣялась, толкала меня, дѣлала громадные шаги, чтобы идти рядомъ со мною. Мы шли вдоль изгороди и, взявъ направо, вошли въ лѣсъ. Нашъ милый лѣсъ, мы очень его любили! Въ эту пору все въ немъ было безмолвно, влажно, вода струилась и капала отовсюду. Мохъ, раздутый водою, съеживался подъ ногами, какъ губка, которую выжимаешь, и на листьяхъ слишкомъ тяжелыхъ вѣтокъ висѣли прозрачныя капли воды, готовыя упасть каждую минуту.

— Ты будешь вся мокрая, дорогая моя, сказалъ я Луизѣ, останавливаясь.

— Не бѣда! я надѣла большіе сапоги; идемъ, идемъ.

Мы отправились дальше по лѣсу; съ деревьевъ тихо падали капли воды, какъ съ бороды какого-то водянаго бога.

Я былъ благодаренъ женѣ за ея неустрашимость въ этотъ вечеръ. Ничто не можетъ сравниться съ прелестью влажнаго лѣса, особенно въ эту пору дня, когда все смолкаетъ и успокоивается, вѣтеръ смолкаетъ, утомленный дождь вновь скрывается въ облака и даже птицы начинаютъ засыпать и подумывать о томъ, какъ бы обсушиться.

Я люблю все это. Есть какая-то необъяснимая прелесть находиться въ лѣсу, вдвоемъ, держать другъ друга подъ руку; чувствовать себя вполнѣ уединенными подъ этими громадными зелеными сводами; вдыхать въ себя запахъ влажнаго лѣса; постукивать палкой по толстымъ дубовымъ пнямъ, которые отвѣчаютъ какимъ-то звонкимъ, долгимъ звукомъ, повторяемымъ по очереди всѣми остальными пнями; остановиться вдругъ при шумѣ ломающейся вѣтки или при шорохѣ падающихъ капель, которыя, точно перешептываясь, скатываются съ

листьевъ; вдыхать всѣми легкими чистый воздухъ, омытый дождемъ; прислушиваться всѣми ушами, если можно такъ выразиться къ нѣжной гармоніи всѣхъ этихъ скромныхъ и тонкихъ звуковъ. Не изъ желанія говорить фразы, я употребилъ эту метофору, ставшую пошлостью, только благодаря своей правдѣ.

Въ теплый день, когда солнце уже начинаетъ склоняться къ горизонту, все принимаетъ багряный оттѣнокъ и зарумянивается, какъ лицо хорошенькой дѣвушки, которая прядетъ подлѣ огня. Тоны оживляются, становятся горячѣе, вся природа точно будто дрожитъ отъ смущенія; чувствуешь, что въ теченіи дня она сильно любила, много наслаждалась и много работала.

Лѣсъ горячъ; листва деревъ блещетъ алмазами, рубинами, изумрудами, а на пнѣ, поросшемъ мхомъ, иногда вдругъ разстилается золотое пятно, одинъ видъ котораго заставитъ вздрогнуть. Это цѣлый оркестръ со всѣми его эффектами; это гармонія, богатая, ослѣпительная, подобно нежданно открытой царской сокровищницѣ; это Соборъ, гдѣ звучатъ всѣ трубы, въ то время, какъ весь народъ поетъ *аллилуіа!*

Въ сѣренькій день — дѣло совсѣмъ другое: нѣтъ веселья, нѣтъ громкаго шума; природа укладывается спать безъ трубъ и барабановъ, съ влажными глазами и позѣвавъ немного. Скрипачи, которымъ поручено усыпить ее, играютъ подъ сурдинку, чуть слышно; смычки, точно будто опечаленные, едва касаются струнъ; нужно прислушиваться, чтобъ уловить ихъ музыку, которая походитъ на сонъ; но голоса ихъ такъ нѣжны, гармонія такъ изящна, что любители затруднились бы, не зная, что предпочесть: трубы или скрипки, рощу-ли, скрытую подъ какимъ-то сѣроватымъ покрываломъ, или блистающую всѣми отблесками золота.

Мы тихо шли подъ березами. Какъ вдругъ маленькій вѣтерокъ, лаская вершины деревъ, пробѣжалъ у насъ надъ головами, деревья зашептались и встряхнулись, какъ птица послѣ дождя, и осыпали насъ цѣлымъ потокомъ прелестныхъ брилліантовъ.

— Боже мой! воскликнула Луиза, останавливаясь, противный вѣтеръ! Я вся мокрая!

Юбку ея немного приподняло вѣтромъ и мнѣ

были видны ея маленькіе, мягкіе сапожки, прижатые одинъ къ другому и до половины закрытые травой.

— Промокла вся насквозь, капюшонъ поднялся и теперь у меня на шеѣ цѣлая рѣка, потопъ!

— Да гдѣ же, бѣдняжка моя?

— Гдѣ? говорю я тебѣ, на шеѣ, посрединѣ, въ маленькомъ мѣстечкѣ.

Она взглянула на меня и мы принялись смѣяться,—маленькое мѣстечко было то, куда я всегда цѣловалъ ее. Въ молодости дѣлаются привычки!

Я вытеръ ей шейку, поправилъ капюшонъ и когда все обсохло, она сказала мнѣ, улыбаясь.

— Ты милый!

Мнѣ кажется, что даже я поцѣловалъ ее; а это еще болѣе усилило ея хорошее расположеніе духа.

Мы перепрыгивали черезъ кустарники; Луиза, не опираясь на мою руку, не отставала отъ меня и потомъ, когда мы снова вошли въ лѣсъ, она запѣла на голосъ Марсельезы:

Marchons vilain petit mari
Qui n'aime pas sa petite femme,
Pas du tout, tout, tout
Tout, tout, tout.

Все это она пѣла такъ мило, дѣлала такіе большіе шаги, показывала мнѣ свои бѣлые зубки и такъ нѣжно сжимала мнѣ руку, что я принялся пѣть вмѣстѣ съ нею.

Мы были дѣтьми, сознавали и пользовались этимъ, зная, какъ это хорошо.

Мы остановились вдругъ передъ рытвиной; была-ли то высохшая лужа или забытая каменоломня,—не знаю, но въ этомъ мѣстѣ почва была изрыта, деревья выворочены и громадные корни, извиваясь, торчали въ кустарникахъ.

— Мы не заблудимся здѣсь? спросила, глядя на меня, Луиза.

— Нѣтъ, милая крошка.

— А если заблудимся, что скажетъ завтра нашъ маленькій Бебе? Теперь онъ спитъ въ своей бѣленькой колыбелькѣ! Хочешь идти домой, хочешь?

— Да мы всего въ 20-ти минутахъ ходьбы отъ дома, не больше.

— Да, да, говори! Всѣ путешественники, которые въ лѣсу сбивались съ дороги, воображали, что они всего въ 20-ти минутахъ ходьбы отъ дома! Не люблю я эти старыя сучковатыя деревья: въ корняхъ у нихъ должна быть бездна гадинъ.

Она вздрогнула и наклонилась впередъ, какъ человѣкъ, который прислушивается.

— Слышишь? слышишь глухіе удары? тише... вотъ, вотъ... совсѣмъ глухо, глухо! Въ лѣсу, въ это время дня, что это можетъ быть?... Солнце уже садится, вернемся домой.

Я сталъ прислушиваться и, дѣйствительно, услыхалъ какой-то глухой шумъ, причину котораго я скоро угадалъ. Я могъ бы сказать ей эту причину, но мнѣ доставляло такое удовольствіе видѣть ея подлѣ меня сосредоточенную, прислушивающуюся, съ полуоткрымъ ротикомъ, съ глазами, ищущими отвѣта въ моихъ глазахъ; я былъ такъ счастливъ, чувствуя, какъ она дрожала у меня на груди и, если можно такъ выразиться, искала у меня спасенья, что я, какъ истинный эгоистъ, отвѣчалъ ей не моргнувъ:

— Да, въ самомъ дѣлѣ, это странно! я слышу какіе-то глухіе удары... пойдемъ, посмотримъ, это не должно быть далеко.

— Идти туда! Да ты съума сошелъ, Жоржъ, дорогой мой!

Она обвила меня своими руками и, приподнявшись, сказала мнѣ на ухо шопотомъ:

— Мнѣ очень страшно, вернемся, пожалуйста, вернемся!

— Какъ же ты труслива! Развѣ ты не узнала дровосѣковъ, они лѣсъ рубятъ.

— И ты душаешь успокоить меня своими дровосѣками? Что́ они рубятъ, это дровосѣки?

— Они рубятъ толстыя дубовыя бревна, чтобы дѣлать изъ нихъ бочарныя доски, вотъ и вся тайна!

— Ты увѣренъ?

— Да, милая моя.

— Они добрые люди, эти дровосѣки?

— Да, особенно эти, я ихъ хорошо знаю; пойдемъ къ нимъ; это близко.

Она рѣшилась слѣдовать за мною, но мнѣ все же приходилось немножко тащить ее. Черезъ нѣсколько минутъ мы очутились въ са-

момъ живописномъ мѣстѣ; передъ нами стояли три хижины, похожія на тѣ шалаши дикарей, которые встрѣчаются въ разсказахъ Купера на берегахъ Онтаріо.—Представьте себѣ груду досокъ и деревьевъ, все это почернѣло, поросло мхомъ, темно и сѣро отъ густоты лѣса; надъ шалашомъ подымалась бѣлая труба, изъ нея клубами вырывался синеватый дымъ, терявшійся въ зеленомъ сводѣ. Вокругъ хижинъ были набросаны пни, цѣлыя горы щепокъ, доски желтовато-краснаго цвѣта, собранныя пирамидами, и на веревкѣ, протянутой съ одного дерева на другое, сохло развѣшанное бѣлье. Подлѣ шалашей земля была выбита, и дюжина куръ передъ низенькой дверью клевала зерна, которыя имъ бросала старуха.

— Добрый вечеръ, господа, сказала добрая женщина, когда мы подошли. Не хотите-ли зайдти немножко погрѣться? Сегодня вечеромъ довольно свѣжо.

Луиза смотрѣла на все это, какъ смотрятъ въ театрѣ на удавшуюся декорацію. Мы вошли. Содержимое было достойно содержащаго.

Посреди хижины весьма неправильной формы, съ множествомъ уголковъ и закоулковъ, горѣлъ большой огонь, обложенный четырьмя желѣзными брусьями, которые удерживали уголья и указывали мѣсто очага. Пламя подымалось высоко, потому что въ крышѣ было продѣлано отверстіе, какъ въ impluvium римскаго дома; а по ту сторону этого отверстія, чрезъ широкую зіяющую трубу, въ которую проникалъ и дневной свѣтъ, и уходилъ дымъ, — виднѣлись вѣтви деревьевъ, да сѣрое небо. На угольяхъ что-то кипѣло въ горшкѣ, а въ углу шалаша, забросанномъ всякаго рода запасами, остатками и инструментами, три человѣка, одинъ изъ которыхъ былъ старикъ съ красными, какъ кирпичь, и провалившимися щеками, что-то поочередно вколачивали.

То были отецъ, сынъ и зять. Жили они всѣ вмѣстѣ, отъ начала до конца года, и лѣто и зиму, въ этой хижинѣ, которая имъ служила мастерской, и круглый годъ рубили и тесали дубы.— Разъ въ недѣлю, сынъ отправлялся въ деревню за провизіей. По воскресеньямъ вся семья играла въ мячъ, подъ тѣнью большихъ деревъ.

Когда мы вошли въ хижину, работающіе остановились и, поклонившись намъ, положили свои громадные, блестящіе топоры, страшное орудіе, родъ ножа отъ гильотины, снабженное маленькой рукояткой съ толстымъ заостреннымъ лезвеемъ, хотя и зловѣщаго вида, но вполнѣ пригоднаго для обдѣлки дубовъ.—Луиза ближе придвинулась ко мнѣ на маленькой скамейкѣ, гдѣ мы сидѣли.

— Не помѣшаемъ-ли мы работать? обратился я къ старику.

— Нѣтъ, сударь, теперь мы станемъ ужинать.

Оба молодыхъ человѣка спустили рукава у платья, придвинули толстый, первобытный столъ, состоявшій изъ одной доски и четырехъ, едва отесанныхъ, ножекъ.

Въ то время, какъ они разставляли толстенькія, маленькія тарелки изъ синяго фаянса, старуха принесла большую сковороду и подбросила въ въ огонь щепокъ.

Посреди этой странной и грубой обстановки Луиза показалась мнѣ такой тоненькой, деликатной, такой изящной въ своихъ длинныхъ

шведскихъ перчаткахъ, въ мягкихъ маленькихъ сапожкахъ и съ приподнятой юбочкой!

Она сидѣла и обѣими руками загораживалась отъ огня и по временамъ, покуда я бесѣдовалъ съ дровосѣками, наблюдала за масломъ, которое начинало уже шипѣть на сковородѣ.

Вдругъ она встала и, взявъ сковороду изъ рукъ старухи, сказала:

— Позвольте мнѣ помогать вамъ дѣлать яичницу; можно?

Старуха, улыбаясь, выпустила сковороду, и Луиза очутилась одна, въ положеніи удильщика въ ту минуту, когда онъ держитъ удочку и рыба начинаетъ клевать. — Огонь освѣщалъ ее совершенно; глаза ея были устремлены на жидкое масло, руки вытянуты и она закусывала себѣ губы, вѣроятно, для того, чтобы придать себѣ силы.

— Это немного тяжеловато для маленькихъ ручекъ барыни, сказалъ старикъ; бьюсь объ закладъ, что вамъ приходится въ первый разъ въ жизни дѣлать яичницу въ шалашѣ у дровосѣковъ, неправда-ли, маленькая барыня?

Луиза, не поворачиваясь, отвѣчала жестомъ: да.

— Яицъ! яицъ! вдругъ закричала она съ такимъ выраженіемъ безпокойства, что мы всѣ расхохотались.

— Скорѣе яицъ! масло уйдетъ!... Скорѣе, или не отвѣчаю ни за что!

Старуха съ воодушевленьемъ сбивала яйца.

— А приправу! закричалъ старикъ.

— А соль, а сало! прибавили молодые люди.

Тогда всѣ принялись за дѣло; кто рѣзалъ, кто рубилъ, а Луиза, топая ножкой, съ раскраснѣвшимся лицемъ, кричала:

— Скорѣе, да скорѣе же!

Наконецъ, на сковородѣ поднялся сильный шумъ, и великое дѣло началось. Мы всѣ стояли вокругъ огня, глядя съ безпокойствомъ на сковороду, потому что результатъ интересовалъ всѣхъ, такъ какъ каждый принималъ участіе въ дѣлѣ. Старуха, стоя на колѣняхъ подлѣ сковороды, приподнимала ножомъ края яичницы, которая начинала зарумяниваться.

— Теперь, сударыня, вамъ нужно только перевернуть ее, сказала старуха.

— Сразу, прибавилъ старикъ.

— Особенно сильно не нужно, замѣтилъ молодой человѣкъ.

— Однимъ ударомъ, милое дитя, прибавилъ я въ свою очередь.

— Если вы будете всѣ говорить заразъ...

— Скорѣе, сударыня.

— Если вы всѣ будете говорить, я никогда не рѣшусь.... Да и тяжело же это, какъ чортъ!

— Сразу.

— Да не могу, я все выворочу! Ахъ, Боже мой!

Въ суетѣ, капюшонъ у нея свалился. Она была розовая, какъ персикъ; глаза ея блестѣли и, проклиная свою судьбу, она покатывалась со смѣху. Наконецъ, послѣ сверхъ-естественныхъ усилій, сковорода зашевелилась и яичница, хотя и тяжело, но все же перекатилась на блюдо, которое держала старуха.

Никогда не бывало лучше яичницы.

— У барыни вѣрно руки очень болятъ, сказалъ старый дровосѣкъ, отрѣзывая толстые ломти хлѣба.

— Нѣтъ, не очень, отвѣчала моя жена, смѣясь отъ души, только мнѣ очень хочется попробовать мою... нашу яичницу.

Мы всѣ усѣлись вокругъ стола, на которомъ были разставлены очень чистыя тарелки. На днѣ моей тарелки былъ нарисованъ трехцвѣтный пѣтухъ. Отвѣдавъ вино и яичницу этихъ добрыхъ людей, мы отправились домой. Солнце уже сѣло, вся семья дровосѣка вышла насъ провожать, пожелала намъ доброй ночи и долго смотрѣла въ слѣдъ намъ.

— Хотите, васъ проводитъ мой сынъ? издали закричала намъ старуха.

Въ лѣсу становилось темно и сыро, и скоро мы пошли быстрымъ шагомъ.

— Вотъ эти люди счастливы, сказала мнѣ Луиза черезъ нѣсколько минутъ; хочешь, мы когда нибудь придемъ къ нимъ завтракать? Возьмемъ осла, въ одну корзину посадимъ Бебе, въ другую положимъ пирогъ и хорошаго вина... Мы не заблудимся, Жоржъ?

— Да нѣтъ, милая, не бойся.

— Пирогъ и хорошаго вина... что я тамъ вижу?

— Да, ничего, это пень.

— Пень..... пень! прошептала она, а сзади насъ ничего ты не слышишь?

— Это вѣтеръ шумитъ въ листьяхъ, или какая нибудь сухая вѣтка падаетъ и ломается.

Счастливы тѣ, которые вечеромъ, посреди лѣса, также спокойны, какъ сидя дома, возлѣ огня. Не боишься, но тишина эта раздражаетъ. Невольно, въ темнотѣ ищешь чего-то глазами; хотѣлось бы опредѣлить тѣ смутныя очертанія, которыя появляются и въ ту же минуту исчезаютъ. Цѣлый міръ движется, разбивается и, когда остановится, съ фермъ доносится жалобный вой собакъ, крикъ перекликающихся совъ и еще много другихъ звуковъ, то близкихъ, то далекихъ, которые нельзя себѣ объяснить. Что-то странное окружаетъ и тяготѣетъ надъ вами. Если бываешь одинъ, то ускоряешь шагъ; если же идешь вдвоемъ, то придвигаешься ближе другъ къ другу и охотно берешься за руки. Жена повисла у меня на рукѣ.

— Хочешь, мы сдѣлаемся дровосѣками? Построимъ себѣ хорошенькую избушку, совсѣмъ

простую, но хорошенькую; у насъ будутъ занавѣски на окнахъ, коверъ на полу и фортепіано въ углу.

Она говорила все это шопотомъ, и я слышалъ, какъ, по временамъ, ея рука дрожала на моей рукѣ.

— Тебѣ скоро надоѣстъ твоя избушка, дорогая моя.

— Ахъ, противный.

Черезъ минуту она прибавила:

— Ты думаешь, что я не люблю васъ, тебя и твоего сына? О, друзья мои, я люблю васъ, люблю.... да, да! Счастье каждаго дня нельзя выразить; имъ живешь, не замѣчая его..... Это, какъ хлѣбъ насущный; кто же думаетъ цѣнить его? а между тѣмъ, это жизнь.... вѣдь правда? Но, по временамъ, когда посмотришь въ себя, когда задумаешься, положа голову на руку, тогда скажешь себѣ: — Я неблагодарна, потому что я счастлива, и никого не благодарю. Или когда мы одни гуляемъ съ тобой подъ руку... вотъ хоть теперь.... нѣтъ же ничего особеннаго, ну... я люблю тебя, счастье мое, люблю тебя!

Она склонилась на мою руку и сжала меня крѣпко.

— Боже, если я потеряю тебя! Она говорила шопотомъ. какъ человѣкъ, который боится чего-то. Пугалась-ли она лѣса, ночной тишины или того, что сама говорила?

— Мнѣ часто казалось, продолжала она, что я съ вами прощаюсь. Вы оба плакали и я крѣпко прижимала васъ къ себѣ, такъ что мы составляли точно одно существо. То были кошемары—ты знаешь—но я не сержусь на это, потому что они мнѣ доказали, что я живу вами, мои милые.... Что это трещитъ? Видѣлъ ты, что-то прошло передъ нами?

Вмѣсто отвѣта, я взялъ ее на руки и обнялъ отъ всего сердца.

Мы продолжали идти; но возобновить разговора не могли. Время отъ времени она сжимала мнѣ руку и, останавливаясь, говорила:

— Тсъ...! слушай. Нѣтъ, это ничего.

Наконецъ, сквозь деревья, мы увидѣли огонекъ, который то исчезалъ за стволами деревъ, то вновь появлялся. То была лампа, горѣвшая,

въ ожиданіи ночи, въ гостиной. Мы прошли черезъ ограду и были дома: да и пора было, потому что мы продрогли.

Я самъ принесъ дрова въ каминъ и, когда пламя ярко разгорѣлось, мы сѣли у камина. Она вся дрожала, бѣдная женщина! Я разулъ ее и пододвинулъ ея ноги къ огню, прикрывая ихъ своими руками.

— Благодарствуй, другъ мой, благодарствуй, говорила она, опираясь на мое плечо и глядя на меня съ такой нѣжностью, что я готовъ былъ расплакаться.

— Что ты мнѣ такое разсказывала въ этомъ противномъ лѣсу, дорогая моя? спросилъ, когда ей стало лучше.

— Ты все еще объ этомъ думаешь? Я боялась, вотъ и все, а когда боишься, то видишь привидѣнія.

— Мы сдѣлаемся дровосѣками, не правда ли?

Она обняла меня и, расхохотавшись, сказала:

— Пойдемъ спать, лѣсной человѣкъ, пойдемъ!

Это была послѣдняя наша прогулка и вотъ почему я ее такъ хорошо помню. Часто потомъ

ходилъ я по этой дорогѣ въ сумрачную погоду, при закатѣ солнца. Часто случалось мнѣ бродить по тѣмъ кустарникамъ, гдѣ когда-то ходила она и, несчастный безумецъ,—я раздвигалъ руками траву, что бы отыскать стертые слѣды ея шаговъ. Часто останавливался я на лужайкѣ, подъ тѣми березами, которыя обрызгали насъ дождемъ, и мнѣ казалось, что въ темнотѣ я вижу, какъ волнуется ея платье, слышу ея слабые крики ужаса и вечеромъ. возвращаясь домой по той же дорогѣ, мнѣ приходило въ голову все, что она мнѣ оставила въ воспоминаніяхъ: мнѣ снова слышался дальній лай собакъ. шумъ ломающихся вѣтокъ, я почти чувствовалъ, какъ дрожала ея рука на моей рукѣ, и тотъ поцѣлуй, который я ей далъ тогда.

Разъ какъ-то зашелъ я къ дровосѣку. Снова пришлось мнѣ увидать этихъ добрыхъ людей, закопченую отъ дыма избушку, маленькую скамеечку, гдѣ мы съ нею сидѣли; я попросилъ пить воды, только для того, чтобы увидать стаканъ, къ которому прикасались ея губы.

— А маленькая барыня, которая такъ хо-

рошо дѣлала яичницу? Она не больна? спросила у меня старуха.

Старуха, вѣроятно, увидѣла слезы, которыя катились у меня изъ глазъ, потому что она замолчала, а я ушелъ.

Теперь все, что было ею, стирается, удаляется и затуманивается и только въ моей душѣ она жива вполнѣ. Когда я обращаюсь къ сыну съ вопросомъ: помнитъ ли онъ свою маму и онъ мнѣ отвѣчаетъ: „помню!“ я по тону вижу, что онъ ее совсѣмъ забылъ.

Семейство-де-Сенъ-Паонъ.

О происхожденіи семейства де-Сенъ Паонъ ничего положительнаго неизвѣстно. Нѣкоторые свѣдущія люди утверждаютъ, что оно теряется во мракѣ древности, и я не буду оспаривать этого мнѣнія, потому что, сколько мнѣ извѣстно, оно никогда никѣмъ не было найдено.

Какъ бы то ни было, Станиславъ де-Сенъ Паонъ бываетъ всегда видимо тронутъ, показывая старинные портреты двухъ личностей, одѣтыхъ въ латы, которые висятъ у него въ гостиной, и я слышалъ самъ, своими ушами, какъ онъ, дотронувшись до старыхъ часовъ временъ Людовика XVI, прошепталъ:

— Моя бѣдная матушка!

Этимъ ограничиваются всѣ мои свѣдѣнія. Если не доказано участіе его предковъ въ крестовыхъ походахъ, то въ этомъ виноваты обстоятельства: онъ со своей стороны сдѣлалъ все, что могъ. Какъ бы то ни было, онъ пользуется общимъ уваженіемъ, и сосѣднее дворянство, предки котораго почти всѣ состояли въ близкомъ родствѣ съ предками де-Сенъ Паонъ, зовутъ его просто „Станиславомъ",—значитъ, считаютъ его своимъ. Онъ холоденъ и напыщенъ. Походка его осторожна, при этомъ онъ нѣсколько неловокъ. — Видно, что онъ наблюдаетъ за каждымъ своимъ шагомъ и постоянно думаетъ о латникахъ, которые висятъ въ его гостиной. Къ сожалѣнію, лобъ у него узкій и маленькій, но это уравновѣшивается смѣло выдающимся носомъ. Говоритъ онъ мало, но въ молчаніи есть что-то глубокомысленное.

Если бы у меня достало смѣлости упрекать его въ чемъ бы то ни было, то мой единственный упрекъ состоялъ бы въ томъ, что онъ вездѣ суетъ двухъ дроздовъ, украшающихъ его

гербъ. И то это упрекъ не важный, — небольшая бѣда любить птицъ.

На салфеткахъ, на почтовой бумагѣ, носовыхъ платкахъ и даже на флюгерѣ, поставленномъ на кровлѣ, вездѣ красуется изображеніе этихъ маленькихъ животныхъ, и хотя я повторяю еще разъ, что не вижу въ этомъ ничего дурнаго, мнѣ все таки кажется, что де-Сенъ-Паонъ этимъ нѣсколько тщеславится. Состояніе Станислава, какъ его обыкновенно называютъ родные, очень скромно, онъ довольствуется имъ и переноситъ свою недостаточность съ достоинствомъ, благородно и даже отчасти гордится ею. Правда, что онъ живетъ особнякомъ, но уединеніе его есть нѣчто въ родѣ добровольной эмиграціи, которая нравится и даже льститъ самолюбію.— Развѣ его скромное положеніе не соотвѣтствуетъ вполнѣ положенію вѣрнаго слуги, господа котораго находятся въ несчастіи? Онъ могъ бы, какъ другіе, броситься въ вихрь жизни и употребить въ дѣло свои умственныя способности; но борьба съ буржуазіей, которая сдѣлалась, послѣ своихъ незначительныхъ успѣховъ въ 89

году, черезъ чуръ грубой и непочтительной, чрезвычайно пугала его. Къ тому же, въ тиши своего кабинета, онъ сознавался себѣ, что лобъ его недостаточно развитъ. По временамъ, мои мыслительныя способности, говорилъ онъ себѣ, дѣйствуютъ чрезвычайно медленно, а это повредило бы мнѣ, еслибы я принялъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ. Итакъ, онъ отказался отъ дѣлъ.

Многіе говорили: почему онъ ничего не дѣлаетъ? Съ его именемъ и состояніемъ его жены чего бы онъ не могъ достичь! У него носъ Франциска I, много достоинства въ манерахъ и два дрозда на голубомъ полѣ. Какимъ образомъ случилось, что онъ не сдѣлался префектомъ, консуломъ или министромъ? Не безпокойтесь, онъ выжидаетъ.

Онъ не хочетъ быть префектомъ, консуломъ или министромъ, потому что, по его мнѣнію Франція ведетъ себя совсѣмъ не такъ, какъ бы слѣдовало, и бесѣдуя съ друзьями, онъ нисколько не скрываетъ образа своихъ мыслей, относясь съ нѣкоторымъ презрѣніемъ къ префекту и жан-

дармамъ. Онъ отвѣчаетъ мэру на его поклонъ, но только для поддержанія наружнаго мира. Въ сущности же, считаетъ его хуже всякаго лакея, и въ тѣ дни, когда господинъ де-Сенъ-Паонъ бываетъ принужденъ писать къ мэру и просить о разрѣшеніи охотиться, у него всегда дѣлается мигрень. Госпожа де-Сенъ-Паонъ вполнѣ раздѣляетъ убѣжденія своего супруга. Она также, какъ и онъ, свято чтитъ прошедшее и искренно убѣждена, что въ химическомъ составѣ ея крови есть частица чего то, неимѣющагося въ крови другихъ. Вслѣдствіе этого убѣжденія, манера ея держать себя нѣсколько высокомѣрна, но къ счастію она смягчается утонченной вѣжливостью. Вообще, чтобы быть совершенно правдивымъ, нужно сознаться, что такъ и кажется, будто вся ея особа слегка пропитана уксусомъ. Она видимо колка и ѣдка. Отрывистый смѣхъ ея напоминаетъ звукъ подсвѣчника, которымъ проводятъ по камню. Она говоритъ мало, но любитъ разсказывать и умѣетъ, въ теченіи пяти минутъ разговора, упомянуть чуть не всѣ французскія дворянскія фамиліи. Вообще, она любезна,

но самая ея любезность какъ будто ставитъ васъ на приличное разстояніе, не допуская никакой короткости. Въ каждую данную минуту она строго слѣдитъ за собой и постоянно думаетъ о своихъ дроздахъ. Кромѣ всего этого, она хорошая хозяйка. Никакая работа не минуетъ ея рукъ, въ чемъ она и признается, скромно улыбаясь. Свойственная женщинамъ трусливость и вообще всѣ маленькія женскія слабости ей чужды, благодаря особенности, имѣющейся въ ея крови. На всѣ буржуазные предразсудки она не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія; платья ея сшиты безъ всякаго старанія подражать модѣ и если дорога дурна, она надѣваетъ сабо́. Прошлой зимой, въ нестерпимо холодный день, видѣли, что она сама пасла коровъ, читая въ тоже время утреннія молитвы, а такъ какъ это былъ рыночный день, то происшествіе это скоро стало извѣстно вездѣ. Она дѣлаетъ много добра: посѣщаетъ больныхъ, утѣшаетъ несчастныхъ и, если попадаетъ на людей, соблюдающихъ религіозныя обязанности, то для такихъ является истинной матерью. Ей извѣстенъ секретъ для со-

ставленія различныхъ цѣлебныхъ мазей и пластырей, которые она прикладываетъ къ ранамъ, набожно крестясь при томъ. Однимъ словомъ, это славная женщина. Жаль только, что ее подарки отзываются милостыней и что, осыпая кого нибудь своими благодѣяніями, она какъ будто старается указать на разстояніе, которое отдѣляетъ дающаго отъ принимающаго.

Особенно замѣчательно въ семействѣ де-Сенъ-Паонъ презрѣніе, то презрѣніе, которое они выказываютъ ко всему, что говорится, пишется и дѣлается во Франціи; ни одна газета, ни одна книга не переступаетъ черезъ порогъ ихъ дома. де-Сенъ-Паонъ живутъ всецѣло воспоминаніями прошлаго и блескомъ, который имъ сулитъ будущее. Настоящее для нихъ не существуетъ.

Никакіе успѣхи современной науки, являющіеся плодомъ усилій человѣческаго ума, ни замѣчательнѣйшія открытія въ мірѣ не удостоиваются ни малѣйшаго ихъ вниманія.

Г. де-Сенъ-Паонъ, впрочемъ, и не вѣритъ современной наукѣ, такъ что, когда по дорогѣ, идущей вдоль его сада, поставили телеграфные

столбы, то онъ положительно счелъ это за коварство со стороны префекта, или, какъ онъ говорилъ иногда, за правительственную прижимку. Онъ былъ искренно убѣжденъ въ томъ, что префектъ—его заклятый врагъ, и эта мысль не была ему непріятна.

Утѣшительно воображать себя помѣхой ходу общественныхъ дѣлъ и чувствовать, что его холодная, гордая и упорная оппозиція непріятна правительству.

Г. де-Сенъ-Паонъ наслаждается полнѣйшимъ спокойствіемъ относительно будущаго и лѣнивый умъ его усыпляется аристократическими мечтами, потому главнымъ образомъ, что, по его мнѣнію, Богъ за него.

Вотъ, почему г. де-Сенъ-Паонъ ждетъ терпѣливо и почему, не обращая вниманія на префектовъ, жандармовъ и вообще на всю Францію, которые не въ такихъ хорошихъ отношеніяхъ съ небомъ, какъ онъ,—лежитъ растянувшись на солнцѣ, напѣвая съ утра до вечера: Да здравствуетъ Генрихъ четвертый! и въ тоже время чиститъ свои ногти.

Понятно, что при тѣхъ добродѣтеляхъ, которыми отличались супруги де-Сенъ-Паонъ, союзъ ихъ долженъ былъ быть благословенъ — такъ это и было. У нихъ было два сына, воспитанныхъ въ духѣ родителей. Съ дѣтства ихъ тщательно оберегали отъ вреднаго вліянія настоящей эпохи. Ихъ немедленно укрыли отъ опасности подъ крыломъ религіи и отдали въ благочестивое мѣсто, гдѣ дѣти воспитывались въ тѣни и прохладѣ. Ихъ молодые умы питались отборной пищей, и къ восемнадцати годамъ молодой Жанъ-Поль де-Сенъ-Паонъ и братъ его, Пьеръ-Робертъ, окончивъ воспитаніе, оказались вполнѣ благомыслящими людьми. Правда, что ихъ историческія познанія оказались нѣсколько неполными, такъ какъ только тогда, когда имъ исполнилось двадцать лѣтъ, и то совершенно случайно, они въ первый разъ услышали про 89-й годъ.

Естественно имъ предстояла блестящая карьера на поприщѣ военной службы; но, къ сожалѣнію, передъ поступленіемъ въ Сенъ-Сиръ нужно было держать экзаменъ, сопряженный съ та-

кими затрудненіями, что они сейчасъ же оставили этотъ планъ. И такъ, они возвратились къ родителямъ и раздѣляютъ ихъ благочестивый образъ жизни. Они носятъ на пальцѣ золотой перстень, на которомъ вырѣзаны неизбѣжные дрозды, охотятся, ѣдятъ по четыре раза въ день и каплей по каплѣ пропитываются родительской гордостью, моля Бога простить префекту его грѣхи въ воздаяніе за ихъ собственныя добродѣтели.

Гостиная у де-Сенъ-Паонъ, украшена деревянной рѣзьбой бѣлаго и сѣраго цвѣта, на которую время и мухи наложили коричневый оттѣнокъ. Въ ней чувствуется непріятный запахъ, свойственный шкапамъ, въ которыхъ сохраняются плоды. Двери запираются плохо, и на тѣхъ мѣстахъ, къ которымъ прикасаются руками, видны грязныя жирныя пятна. Занавѣсы, когда-то ярко желтыя, сохранили свой первобытный цвѣтъ только на верхней части, около карнизовъ, т. е. тамъ, гдѣ на нихъ не хватало солнца.

Мебель, неудобная, рѣдко разставлена и покрыта чехлами. Вамъ сейчасъ же являлась

въ голову мысль, что, должно быть, тутъ въ подушкахъ скрыты булавки. На нихъ надо садиться бокомъ и осторожно, боясь сюрпризовъ.

Въ глубинѣ гостиной, противъ камина, покоится рояль съ хвостомъ; хвостъ громадный. Дерево на инструментѣ потрескалось и лакъ сошелъ, — лира поддерживала педали: на внѣшнихъ стѣнкахъ рояля вы видите вычеканенные мѣдные вѣнки съ пеликаномъ въ серединѣ, вамъ приходитъ въ голову саркофагъ Тальма. На стѣнѣ висятъ два изображенія двухъ латниковъ, о которыхъ я уже говорилъ, и больше ничего; прибавьте къ этому паутину, висящую тамъ и сямъ, и вы составите себѣ смутное понятіе о гостиной де-Сенъ Паонъ. Эта комната служитъ ризницей, столовой, буфетной и гостиной. На столѣ, стоящемъ посреди комнаты, лежитъ фотографическій альбомъ. Слово—фотографія, выражающее новѣйшее изобрѣтеніе, непріятно звучало въ ушахъ де-Сенъ Паонъ и онъ съ сожалѣніемъ допустилъ къ себѣ это произведеніе новѣйшаго открытія. Какою бы стран-

ною ни показалась коллекція портретовъ, заключающихся въ этомъ альбомѣ, я по совѣсти долженъ сдѣлать имъ вѣрный списокъ. Это нѣсколько познакомитъ съ понятіями семейства.

Во главѣ его находится образъ Спасителя Нашего Іисуса Христа, съ надписью: „Подлинный ликъ". Потомъ слѣдуетъ портретъ Папы, съ ширмами позади, — изъ за ширмъ виднѣется купокъ Святаго Петра, — голубь, окруженный сіяніемъ, съ распущенными крыльями, въ лѣвомъ углу, нѣсколько выше головы святаго отца, довольно хорошо изображаетъ Святаго Духа.

Затѣмъ, слѣдуетъ изображеніе Людовика XVI, потомъ монсиньора де-Мерада; портретъ Маріи-Антуанеты въ сопровожденіи Дофина слѣдуетъ дальше, и, повернувъ страницу, не мало удивляешься, очутившись носомъ къ носу съ монсиньоромъ Антонелли, котораго сопровождаетъ Г. Вельо. Портретъ во весь ростъ графа Шамбора, выдѣляющагося на одномъ изъ видовъ Тюльерійскаго дворца, поставленъ отдѣльно, съ высохшею фіалкою. Послѣ пяти или шести портретовъ, которыхъ описывать было бы

слишкомъ долго, слѣдуетъ семейство де-Сенъ-Паонъ. Но, ихъ осанка такъ благородна, что переходъ между всѣми этими изображеніями кажется не чувствительнымъ и нисколько не оскорбительнымъ.

Чрезвычайно трудно войдти вечеромъ въ ихъ гостиную такъ, чтобы не прервать набожнаго чтенія, которое обыкновенно исполняетъ громкимъ голосомъ г-жа де-Сенъ-Паонъ. Читаются, обыкновенно, лѣтописи о прапогандѣ святой вѣры или проповѣди минувшаго поста въ отчетѣ благочестивой недѣли. Оба сына де-Сенъ-Паонъ дремлютъ иногда въ своихъ углахъ, проохотившись цѣлый день. Самъ г. де-Сенъ-Паонъ, отецъ, вздремнетъ иногда въ счетъ ночи; когда же въ этомъ благочестивомъ чтеніи слова *Нашъ Спаситель* вылетаютъ изъ устъ набожной владѣтельницы, храпѣніе останавливается и всѣ головы преклоняются. При вашемъ приходѣ, г-жа де-Сенъ-Паонъ закрываетъ книгу и идетъ къ вамъ на встрѣчу со своей улыбочкой, которая пахнетъ перцомъ и раздражаетъ васъ до чиханія; она усаживаетъ васъ

въ маленькое кресло, ручки котораго сжимаютъ вамъ бока, пододвигаетъ вамъ подъ ноги маленькій восточный коврикъ и разговоръ начинается. Берегитесь больше всего намекнуть на какое-нибудь событіе, совершившееся позднѣе, напримѣръ, 1830 года; а не то поднимется буря.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, г. де-Сенъ-Паонъ узналъ стороной объ осадѣ Севастополя французскими войсками и, конечно, утверждалъ, что Севастополь никогда не будетъ взятъ. Къ несчастію, событія приготовляли опроверженіе этому, и однажды La gazette de France объявила о его ошибкѣ. Онъ держалъ это въ секретѣ, и только недѣлю спустя, госпожа де-Сенъ-Паонъ, узнавъ о великой побѣдѣ, сказала ему:

— Вы, конечно, знаете, мой другъ, что Севастополь взятъ?

— Носится слухъ объ этомъ. И онъ сейчасъ же перемѣнилъ разговоръ.

Причиной всего этого было то, что де-Сенъ-Паонъ въ натянутыхъ отношеніяхъ къ Франціи, и нѣтъ темы для разговора, въ которой бы они не нашли орудія противъ этой несчастной страны.

Де-Сенъ-Паонъ рѣшительно во всемъ возстаютъ противъ настоящаго порядка вещей, даже покроемъ своего платья и часами обѣда за завтрака. Никогда не рѣшились они, не смотря на выгоду, замѣнить деревянный винтъ своихъ виноградныхъ тисковъ, желѣзнымъ и это только изъ сопротивленія правительству.

— Но нельзя-же отрицать, что много прекрасныхъ открытій сдѣлано на этомъ вѣкѣ во Франціи.

— Ага! Прогрессъ!.. знаю, знаю, Франція имѣетъ претензію на прогрессъ, (*сдержанная улыбочка всего семейства*). — Кажется, общая подача голосовъ-то удается?... — (*Вторая сдержанная улыбка*). — Неправда-ли, батюшка, общая подача голосовъ удается?

— Есть такія минуты въ жизни народовъ, шепчетъ, откашлявшись, священникъ, въ которыхъ Господь отвращаетъ отъ нихъ взоры.

— Но наконецъ желѣзныя дороги, паръ, развѣ все это не прекрасныя открытія, чудесныя изобрѣтенія?

— О, позвольте васъ остановить: слово от-

крытіе есть новое слово, оно льститъ человѣческому уху; но я его не допускаю. Къ чему ваши желѣзныя дороги, въ которыхъ отцы наши и не нуждались, потому что имъ не зачѣмъ торопиться такъ, какъ вамъ? (*Ироническая улыбка*). Что такое вашъ паръ: Боже мой, вода и огонь, не больше: въ сущности это тоже самое; ну; скажите, современный человѣкъ въ своей гордости полагаетъ, что онъ выдумалъ гонь и воду?—Честное слово, это просто жалко; тоже самое и ваши электрическіе телеграфы, ваши броненосныя суда. Во время нашихъ отцовъ только дворяне носили латы. Господь не допустилъ бы сдѣлать иначе, чортъ побери! Вы извините, что я немножко вспылилъ, но вѣдь, по истинѣ, это чистый срамъ, этотъ переворотъ правилъ самыхъ...

— Батюшка, съиграйте-ка партію въ трикъ-тракъ, говоритъ госпожа де-Сенъ-Паонъ, чтобъ перемѣнить разговоръ.

— Надо только посмотрѣть, прибавляетъ хозяинъ дома, нуждался-ли Людовикъ XIV въ общей подачѣ голосовъ! Ему достаточно было

права, даннаго свыше... и Франція была счастлива, милостивый государь, слишкомъ счастлива, такъ что это не могло и длиться.

— Ну, чтоже, трикъ-тракъ-то? Скажите, батюшка, правда-ли, что я слышала отъ госпожи де-Вье-Тронъ? Будто бы префектъ лично просилъ васъ отслужить молебенъ послѣ службы 15 мая?

— Это буквально. Правительство, вѣроятно, подозрѣвало, что мы не симпатизируемъ...

— Конечно, но все таки я нахожу рѣдкою дерзостью приказывать молиться.

— За то, какъ мало народа осталось на молебенъ. А! а! Вы замѣтили, что Легри де-Сенъ-Бернаръ не вышли изъ церкви вмѣстѣ съ нами, а остались на молебенъ на своихъ скамейкахъ?

— Конечно; вы развѣ не знаете, что его дочь выходитъ за су-префекта; такъ вы понимаете, что невозможно...

— О, да вѣдь Легри всегда были самозванцами между нами. Значитъ, онъ богатъ, этотъ су-префектъ?

— Очень богатъ. Кажется, подарки, которые онъ дѣлаетъ своей невѣстѣ, хороши до...

— До глупости, я вамъ подскажу... Эта маленькая Легри, дура и деньги будутъ ей полезны, чтобъ замѣнить все то, чего ей недостаетъ... Су-префектъ! Намъ очень ясно дали понять еще недавно, что были бы очень счастливы предложить префектуру одному изъ де-Сенъ-Паонъ.

— И вы не приняли?

— Между нами, есть извѣстное уваженіе, которое, происходя свыше, соотвѣтствуетъ приказанію... Мнѣ нечего объяснять вамъ этого. Мы не можемъ и не хотимъ принять какой бы то ни было общественной должности въ настоящую минуту... Вы, конечно, выкушаете чашку чаю?

Все это сказано сдержаннымъ голосомъ: тысяча упущеній скрывается подъ каждымъ словомъ. Взглядъ говоритъ больше словъ. Эти проклятые де-Сенъ-Паонъ, въ самомъ дѣлѣ, люди съ убѣжденіемъ, и еслибъ французское знамя измѣнило цвѣтъ, то право не знаешь, до какой чудесной высоты достигло бы ихъ счастье. Вѣр-

но только то, что если г. де-Сенъ-Паонъ когда-нибудь сдѣлается министромъ, что не кажется ему невозможнымъ, когда онъ находится въ своей семьѣ,—ему понадобится секретарь, знающій правописаніе за двоихъ и еще много кое чего; но если тутъ вмѣшалось небо, не надо ни въ чемъ отчаяваться. Это вѣдь у де-Сенъ-Паонъ было повторено съ искреннимъ умиленіемъ, знаменитое слово, приписываемое не знаю какому извѣстному лицу. Этотъ джентльменъ, вступая однажды въ день охоты во владѣніе Шамбора, будто бы сказалъ, снимая шляпу: *Господа, преклонитесь: мы здѣсь—во Франціи.*

— Великое и прекрасное слово, вскричалъ де-Сенъ-Паонъ, строгое, но справедливое. Парижъ находится въ распоряженіи. Таковъ мой образъ мыслей,—и онъ прибавилъ съ изящной дикціей,—которой въ немъ еще не замѣчали: Батюшка, если въ книгѣ есть запачканные листы, такъ вѣдь ихъ вырываютъ вонъ, не правда-ли?

— Это совершенно справедливо, и когда народъ отвергаетъ своего законнаго правителя, Господь вычеркиваетъ его изъ книги народовъ на

все время его ослѣпленія; вотъ почему слова, которыя вы сейчасъ сказали, не только прекрасны, но святы, и можно сказать по истинѣ, что Франція не существуетъ;—гдѣ правила въ настоящее время?

— Да, гдѣ правила? Чортъ побери! — Не говорите объ этомъ.—Желѣзныя дороги, общая подача голосовъ и воздушные шары... однимъ словомъ, вотъ Франція, батюшка. Французское дворянство удаляется со стыдомъ. — Духовенство дѣлается однимъ изъ колесъ администраціи. Несчастная страна! Минута переворота, которая продолжается уже слишкомъ, слишкомъ долго ... человѣческое терпѣніе имѣетъ границы, а мы все таки люди, положимъ, верхній слой, но все таки люди и больше ничего.

Странная вещь! Еслибъ де-Сенъ-Паонъ жили простыми буржуа, по примѣру предковъ, мирясь съ желѣзными дорогами, общей подачей голосовъ и осушеніемъ почвы подземными трубами, довольствуясь своимъ скромнымъ состояніемъ и не проклиная Франціи, которая кор-

митъ ихъ своимъ хлѣбомъ и охраняетъ своими жандармами, они жили бы въ полнѣйшемъ мракѣ. Сосѣди говорили бы: отецъ пороха не выдумалъ, а сыновья на него похожи, этотъ немножко поглупѣе—больше ничего. Но де-Сенъ-Паонъ изгнанники, мнимо ссыльные, держась въ сторонѣ и давая это замѣтить, каждую недѣлю отказываясь отъ префектуры, которой имъ никогда не предлагали, молясь Богу съ воплями за свою несчастную страну, придавая политическій смыслъ своему невѣдѣнію, посыпая главу пепломъ по праздникамъ и крестясь, когда проходитъ мэръ, де-Сенъ-Паонъ, воздерживаясь изъ гордости, достигли того, что составили себѣ положеніе въ странѣ и окружили себя нѣкоторымъ обаяніемъ. Плохо пришлось бы пожелавшему сказать громко: Вотъ, какой долженъ бы быть ихъ девизъ:

Тщеславіе, глупость и лѣность!

Встрѣтительная бесѣда.

Отца Z.

Замужество въ томъ видѣ, какъ вы его понимаете, не благопріятно для любви. Я не думаю, чтобы я сказалъ этимъ что либо чудовищное. Для любви въ бракѣ слишкомъ покойно, она располагается тутъ съ слишкомъ большою безпечностью, черезъ чуръ удобно и принимаетъ привычки ужъ очень домашнія; даже сладости, которыя она вкушаетъ вначалѣ съ жадностью, вскорѣ дѣлаютъ желудокъ ея чрезвычайно прихотливымъ. Пищевареніе становится плохо, аппетитъ уменьшается и, съ наступленіемъ вечера, въ тепломъ гнѣздышкѣ, нарочно

созданномъ для нея, любовь зѣваетъ, глядя въ журналъ; засыпаетъ, храпитъ и угасаетъ. Вы скажете, сестры:

— Да нѣтъ... да какъ же это возможно, отецъ И! Въ этомъ дѣлѣ вы ничего не понимаете, преподобный отецъ.

Я же заявляю, что все происходитъ именно такъ, какъ я говорю вамъ. Да, ваше бѣдное сердце нерѣдко страдало; бывали ночи, проведенныя вами въ слезахъ, бѣдные ангелы! Вы тщетно ожидали повторенія пережитыхъ сновъ.

— Увы, думали вы, неужели все кончено, одинъ лѣтній день и 30 лѣтъ осени! а я такъ люблю солнце! Вотъ, что вы думали!

Но вы ничего не говорили, не зная даже, что сказать. Сомнѣваясь въ себѣ, не зная себя, вы признали за добродѣтель молчаніе и только и думали о томъ, какъ бы не разбудить мужа. Вы привыкли ходить на цыпочкахъ, чтобы не нарушить тишину дома, а супругъ вашъ, среди этого возстановляющаго полусна, принимается слако зѣвать. Потомъ онъ снова возвращается къ своему прежнему кругу знакомыхъ, который при-

нимаетъ его, какъ блуднаго сына, а вы, бѣдный поэтъ безъ пера и чернилъ, вы утѣшаетесь, глядя на своихъ сестеръ, которыя идутъ тѣмъ же путемъ.

Ваши карманы, сударыни, полны манускриптовъ: у васъ есть прелестныя поэмы, удивительные романы, вамъ не достаетъ только читателя; а вашъ супругъ при одномъ видѣ вашихъ каракулекъ хватается за шапку и палку; онъ искренно вѣритъ, что романы есть только напечатанные, а такъ какъ онъ на своемъ вѣку прочелъ ихъ довольно, то и считаетъ, что сочинять новые совершенно излишне.

Вотъ такое именно положеніе вещей я считаю вполнѣ отвратительнымъ.

Я смотрю на васъ, милыя сестры, какъ на бѣдныхъ жертвъ и, если позволите, изложу вамъ на этотъ счетъ мой образъ мыслей.

Уваженіе и дружба, когда онѣ встрѣчаются въ бракѣ, суть вещи почтенныя и пріятныя, какъ насущный хлѣбъ; но признайтесь, немного варенья на хлѣбъ вѣдь не испортило бы дѣла? И если кто нибудь изъ вашихъ друзей найдетъ, что въ моей книжкѣ царствуетъ слиш-

комъ большая свобода мысли, не возражайте и будьте увѣрены, что, по всей вѣроятности, этотъ добрый другъ ѣстъ свой хлѣбъ черствымъ. До сихъ поръ мы описывали бракъ такъ, какъ мы его понимаемъ, рисовали супруговъ улыбающихся, счастливыхъ возможностью быть вмѣстѣ.

Не оттого-ли, что любовь такъ рѣдко встрѣчается въ супружествѣ, считается неприличнымъ говорить объ ея радостяхъ?

Или, быть можетъ, сожалѣніе и зависть дѣлаютъ васъ щекотливыми, сестры мои?

Продолжайте краснѣть при изображеніи міра тѣхъ барышень, гдѣ любовь составляетъ предметъ торга, гдѣ поцѣлуи оплачиваются уже заранѣе; находите грязными и возмутительными разсказы объ нашихъ грубыхъ удовольствіяхъ; возмущайтесь, браните вашихъ братьевъ,—я напередъ оправдываю васъ, но ради самаго Бога, не пугайтесь, когда мы начинаемъ защищать васъ, когда пытаемся представить супружескую жизнь милой и привлекательной; когда мы совѣтуемъ мужьямъ любить своихъ женъ, а женамъ любить своихъ мужей.

Неужели вы не понимаете, что тутъ есть своя, дѣйствительно нравственная, сторона? Доказать, что вы обворожительны, что и помимо міра тѣхъ дѣвицъ есть радости, веселье и нѣжность, вотъ наша цѣль,— должны же мы ее сказать,—а теперь я смѣю надѣяться, что, подумавъ минуту, вы найдете начѣрнія наши похвальными и позволите намъ остаться при нихъ.

Я не знаю, къ чему постарались окружить бракъ разными западнями и другими ужасами; къ чему вокругъ его развѣшали надписи, на которыхъ читаешь: *Берегитесь священныхъ узъ Гименея! Не шутите съ священными обязанностями мужа! Подумайте о значеніи отца семейства! Не забывайте, что теперь наступаетъ серьезная жизнь! Прочь слабость, вы встрѣтитесь теперь лицомъ къ лицу съ грубою дѣйствительностью!* и т. д., и т. д.

Не спорю, что говорить всѣ эти высокія фразы заставляетъ извѣстное благоразуміе, но говорить-то слѣдовало бы съ меньшею аффектаціею. Предупреждать людей, что есть шины, — дѣло хорошее; но есть — чортъ возьми —

нѣчто другое въ супружеской жизни и это нѣчто дѣлаетъ наслажденіемъ всѣ ея обязанности, священнодѣйствія и тѣ узы, которыя, если только повѣрить вамъ, вскорѣ становятся невыносимымъ бременемъ. Скоро — чего добраго — скажутъ, что жениться на хорошенькой женщинѣ съ свѣтскимъ умомъ и сердцемъ, — все равно, что осудить себя пилить дрова въ теченіи всей жизни!

Ну, а знаете-ли вы, сестры, тѣхъ, которые омрачили всю картину и превратили въ наказаніе то, что должно было бы быть нагардой? Это мужья, имѣющіе нѣчто въ своемъ прошломъ, и разватины. Утомленные и... какъ бы сказать? — испытанные, они хотятъ сдѣлать изъ брака мѣсто успокоенія, въ которомъ вы будете ангеломъ-хранителемъ. Быть ангеломъ весьма недурно, но, повѣрьте мнѣ, это — или слишкомъ много, или слишкомъ мало. Не желайте такъ скоро повышаться въ чинахъ, попросите-ка лучше маленькаго сверхштатнаго мѣстечка. У васъ всегда будетъ время украсить свои головы ареоломъ, особенно же тогда, когда не хватитъ

собственныхъ волосъ для другаго какого-нибудь головнаго убора.

О! мужья, имѣющіе кое-что въ своемъ прошломъ, неужели вы думаете, что ваше ангельское спокойствіе и благоразумную строгость вашихъ принциповъ хоть кто-нибудь приметъ за другое, а не за то, что есть на самомъ дѣлѣ, не за усталость?

Вы любите отдыхать, я охотно этому вѣрю; но я нахожу только страннымъ ваше желаніе, чтобъ и всѣ кругомъ васъ отдыхали, чтобы въ маѣ сохли деревья, а трава желтѣла; желаніе, чтобы уменьшали огонь въ лампахъ и чтобы всюду ставили темные абажуры, что-бы бульонъ разбавляли водою и что-бы другіе отказывали себѣ въ маленькомъ количествѣ бордо; желаніе, что-бы ваши добродѣтельныя жены были существа безконечно-почтенныя и немного скучныя, умѣющія хорошо одѣваться въ кашемиръ, но, что-бы у нихъ не было ни поэзіи, ни молодости, ни безумной веселости, ни неопредѣленныхъ желаній; ничего не знающихъ, да и не желающихъ ничего знать, и вѣчно остающихся

въ тѣни, безсильныхъ, благодаря тѣмъ извѣстнымъ добродѣтелямъ, которыми вы снабдили ихъ, и въ довершеніе всего желать, чтобы эти несчастныя созданія благословляли вашу мудрость, ласкали бы ваши лысины и краснѣли бы при звукѣ поцѣлуя. Ну-ужъ бракъ, чортъ возьми, красиво обставленъ, нечего сказать!

Прекрасное учрежденіе! недаромъ же ваши сыновья, которымъ теперь по 25-ти лѣтъ, такъ боятся его! И какъ они правы, когда говорятъ вамъ, покручивая усы:

— Любезный батюшка, подождемъ-те лучше, я еще не созрѣлъ.

— Но это превосходная партія и молодая дѣвица очаровательна.

— О, конечно; но я сознаю, что не составлю ея счастья; я еще не созрѣлъ, нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, я еще не созрѣлъ.

Но когда, наконецъ, молодой человѣкъ созрѣетъ, какъ она, эта милая малютка, будетъ счастлива! Зрѣлый мужъ, даже черезъ чуръ зрѣлый, годный только для овощнаго торговца... Какая радость! Хорошій мужъ, который на дру-

гой же день свадьбы, набожно посадитъ жену свою въ божницу, зажжетъ передъ ней свѣчку, а потомъ возьметъ шляпу и пойдетъ куда нибудь расходовать на сторонѣ крохи молодости, случайно оставшіяся у него въ запасѣ.

О, мои милыя сестрицы, такъ ужасающіяся и кричащія о скандалѣ, вникните хоть немного въ глубину нашей мысли! Пускай себѣ считаютъ васъ святыми, но пусть же не забываютъ, что вы такъ же и женщины; и послушайте меня, не забывайте этого сами.

Величественный и немного лысый мужъ, это хорошо; но молодой мужъ, который васъ любитъ и безъ церемоніи пьетъ изъ вашего стакана... это еще лучше. Не сердитесь на него, если онъ немного помнетъ ваше платье и поцѣлуетъ мимоходомъ вашу шейку: не сердитесь на него, когда вернувшись съ бала, онъ вырываетъ булавки, путаетъ шнуровку и, какъ сумасшедшій, смѣется, если вы боитесь щекотки; не кричите, если усы его колятся, подумайте только, что это показываетъ, что онъ очень любитъ васъ. Онъ обожаетъ ваши добродѣтели, и не

удивительно, что онъ такъ же любитъ и внѣшнюю ихъ оболочку. У васъ прекрасная душа, это правда, но и ваша фигурка тоже не дурна, и когда любишь крѣпко, то любишь и то, и другое. Не пугайтесь, если вечеромъ, сидя у камелька, и болтая, онъ разуетъ вашу ножку, положитъ ее къ себѣ на колѣни и, забывшись, будетъ настолько непочтителенъ, что поцѣлуетъ ее; если онъ любитъ разчесывать ваши волосы черепаховой гребенкой, если онъ самъ станетъ выбирать для васъ духи, поправлять банты, или вдругъ скажетъ, ударивъ себя по лбу: — Садись тутъ, дорогая моя, мнѣ пришла въ голову новая прическа.—Что за бѣда въ самомъ дѣлѣ, если, заворачивая свои рукава, онъ нечаянно спутаетъ вамъ локоны?.. Благословляйте это святое ребячество, и помните, что за этими шалостями кроется счастье. Благодарите небо, если въ бракѣ, который вамъ представляли только въ видѣ карьеры, вы находите веселыя, радостныя стороны; если въ вашемъ мужѣ вы встрѣтите любимаго читателя того прекраснаго романа, который былъ у васъ въ кар-

манѣ; если, одѣваясь въ кашемиры и нося въ ушахъ дорогія бездѣлушки, что только пріятно, вы находите радости настоящей близости, что восхитительно; однимъ словомъ, считайте себя счастливыми, если въ своемъ мужѣ вы находите... но вотъ опять слово, которое заставитъ васъ кричать о скандалѣ; я вамъ только намекаю на него, но не скажу его.

Но, милостивыя государыни, прежде, чѣмъ принять мои теоріи, хотя въ душѣ и въ сознаніи вы ихъ находите совершенными, вамъ, вѣроятно, придется побѣдить кое-какіе предразсудки; особенно придется вамъ бороться съ вашимъ воспитаніемъ, которое очень плачевно, объ этомъ я уже разъ говорилъ и повторяю снова. Вспомните только, что, подъ предлогомъ воспитанья, изъ васъ дѣлаютъ чучелъ, мои милыя сестры. Васъ лакируютъ слишкомъ рано, какъ тѣ картины, которыя готовятъ въ продажу и которыя, шесть мѣсяцевъ спустя послѣ покупки, трескаются и ломаются. — Вашу природу не направляютъ и не обробатываютъ; васъ душатъ, выкраиваютъ, обдѣлываютъ, какъ тѣ

тисовыя деревья въ Версали, которыя представляютъ то птицъ, то кубки. Въ глубинѣ вы еще женщины, но вы не похожи болѣе на нихъ. — Васъ отдаютъ намъ забинтованными, изуродованными, набитыми предразсудками и соціальными принципами, тяжеловѣсными, какъ мостовые камни, которые тѣмъ болѣе трудно сдвинуть, что вы считаете ихъ святыней. Васъ отправляютъ въ замужество съ такимъ количествомъ багажа, считающагося необходимымъ, что вашъ мужъ, вовсе не похожій на ангела, раздражается всякаго рода неудобствами и на первой же станціи, пользуясь первымъ предлогомъ, все покидаетъ и, предоставляя вамъ продолжать дорогу безъ него, самъ садится въ другой вагонъ. — Я вовсе не требую, замѣтьте это, что бы васъ бросали на произволъ случая, чтобъ хорошіе и худые инстинкты росли въ васъ, какъ придется; но я желалъ бы, чтобы съ вашимъ бѣднымъ умомъ поступали не такъ, какъ съ ногами знатныхъ китаянокъ, чтобы не заключали его въ фарфоровый башмакъ.

Я никогда не повѣрю, что женскія добродѣ-

тели держатся, только благодаря этому изуродованію.

Дѣвица, готовая вступить въ бракъ, представляетъ собою продуктъ материнскаго искусства, для окончательной обработки котораго нужно было десять лѣтъ и который требуетъ потомъ еще пять или шесть лѣтъ супружескихъ уроковъ для того, чтобы очистить его, снять съ него все негодное и возвратить ему его настоящую форму.

Нужно десять лѣтъ, чтобъ создать жену и, по крайней мѣрѣ, еще лѣтъ шесть, чтобъ пересоздать такую жену въ женщину.

Согласитесь, что для счастья это — потерянное время; постарайтесь же, по крайней мѣрѣ, вознаградить его, если только того-же пожелаетъ и вашъ мужъ.

Единственная гарантія вѣрности между двумя супругами заключается въ любви. Ты остаешься съ товарищемъ только тогда, когда испытываешь подлѣ него удовольствіе и счастье. — Законы, уставы, клятвы могутъ помѣшать невѣрности, или, по крайней мѣрѣ, наказать ее, какъ совершившійся фактъ; но они не въ си-

лахъ ни помѣшать, ни наказать ее, какъ намѣреніе, а въ любви намѣреніе—это самъ фактъ.

Неправда-ли, мои милыя сестрицы, вы согласны со мною? Вѣдь вы хорошо понимаете, что любовь, которую исключаютъ изъ брака, должна, напротивъ того, быть его настоящимъ фундаментомъ. Заставить полюбить себя — вотъ въ чемъ дѣло! Повѣрьте моимъ сѣдинамъ и позвольте мнѣ дать вамъ еще нѣсколько совѣтовъ.

Да, я рекомендую бракъ и вовсе не скрываю этого, но бракъ радостный, гдѣ все за одно: и мысли, и горе, и нѣжность, и веселье.

Отбросьте въ этой жизни—вдвоемъ чрезмѣрную серьезность и аффектацію и дайте въ замѣнъ ихъ немного любезности и товарищества.—Сохраняйте, даже въ интимности, то кокетство, съ которымъ вы такъ охотно являетесь въ свѣтъ; старайтесь нравиться мужу; сдѣлайтесь любезны. Смотрите на мужа, какъ на публику, которую вы должны расположить къ себѣ. — Интересуясь самими собою, наблюдайте въ вашей любви тѣ оттѣнки, ту женскую деликатность, которая удвоиваетъ цѣну вещей. Не

будьте скупы, но помните, что манера, съ какою дается что нибудь, увеличиваетъ цѣну даваемаго, или лучше ничего не давайте сами, заставьте просить себя и дѣлайте видъ, что вы уступаете только просьбамъ. Вспомните, съ какимъ искусствомъ прячутъ драгоцѣнныя вещи въ шелковыя шкатулочки, и никогда не забывайте шкатулочки. — Сдѣлайте такъ, что бы въ вашемъ гнѣздышкѣ было мягко и чтобы присутствіе ваше чувствовалось въ тысячѣ бездѣлицъ. Удѣлите частицу самихъ себя на всякую вещь; будьте артистами, изящными и тонкими, — вамъ это легко, — и пусть во всемъ, окружающемъ вашего мужа, начиная съ кружевъ занавѣсокъ до запаха вашихъ рукавчиковъ, онъ угадывалъ бы желаніе нравиться ему; не говорите ему: „я люблю тебя“; это слово наведетъ его, пожалуй, на нѣкоторыя воспоминанія, но заставьте его сказать вамъ: „любишь ты меня“? и отвѣчайте ему *нѣтъ* съ такимъ поцѣлуемъ, который говорилъ бы *да*.

Пусть онъ находитъ возлѣ васъ настоящее такимъ пріятнымъ, чтобъ прошедшее изгладилось изъ его памяти, и для этого сдѣлайте такъ,

чтобы ничего въ васъ самихъ не напоминало бы ему того прошедшаго: онъ невольно не простилъ бы вамъ того. — Ни прической, ни костюмомъ не подражайте тѣмъ женщинамъ, которыхъ онъ могъ знать, иначе это его можетъ заставить думать, что онъ не измѣнилъ образа жизни. Вы сами обладаете иной граціей, инымъ умомъ и кокетствомъ, и сверхъ всего этого, вы имѣете весну ума и сердца, а этого тѣ женщины никогда не имѣли. У васъ есть интересъ къ жизни, потребность разцвѣта, свѣжесть впечатлѣній, а все это,—вы, можетъ быть, сами того не подозрѣваете,—неотразимыя прелести.—Оставайтесь вѣрными самимъ себѣ и для любимаго мужа вы станете предметомъ въ тысячу разъ милѣе, чѣмъ все прошлое. Не скрывайте отъ него ни своей наивности, ни неопытности, ни дѣтскихъ радостей, ни страховъ, кокетничайте этимъ такъ же, какъ вы кокетничаете чертами вашего лица, прекрасными чорными глазами или роскошными бѣлокурыми волосами.

Только немного ловкости: не бросайтесь къ нему на шею и имѣйте побольше вѣры въ себя.

Человѣкъ женится тогда, когда считаетъ себя разорившимся; онъ ощупываетъ свои карманы, они пусты, въ нихъ нѣтъ ничего,—значитъ, онъ созрѣлъ и отправляется къ меру.

А я вамъ говорю, сестры, что онъ еще богатъ. У него есть другой карманъ, котораго онъ, сумасшедшій, не хотѣлъ знать, но который полонъ золота. Тутъ ужъ ваше дѣло устроить такъ, чтобы онъ замѣтилъ и поблагодарилъ бы васъ за счастье, что онъ снова нашелъ свое богатство.

Уже поздно и, не желая замедлить часъ вашего обѣда, я резюмирую все, мною сказанное. Ради Бога, сударыни, отнимите у публичныхъ женщинъ, нарядамъ которыхъ вы напрасно подражаете, сердца вашихъ мужей, неужели вы не изящнѣе, не нѣжнѣе ихъ? Дѣлайте и вы для того, кого любите, все то, что онѣ дѣлаютъ для каждаго: не довольствуйтесь только тѣмъ, что вы добродѣтельны, будьте плѣнительны: душите ваши волосы, поддерживайте иллюзіи такъ же, какъ поддерживаютъ рѣдкій цвѣтокъ въ золотой вазѣ.

Вамъ не мѣшало бы немножко игривости; спрячьте свой брачный контрактъ и смотрите на него разъ въ десять лѣтъ. Любите другъ друга, молодые супруги, какъ будто вы не клялись это дѣлать; забудьте про узы, контрактъ, обязательства; изгоните изъ вашей памяти г-на мера съ его шарфомъ. Лишь бы по временамъ, когда вы вмѣстѣ, вы бы вѣрили въ хорошую судьбу; неправда-ли, сестрицы, въ глубинѣ души вы только этого и желаете?

О, Великій Боже! Да здравствуетъ искренность и молодость! Будемъ любить другъ друга и смѣяться отъ души, пока цвѣтетъ весна; будемъ любить нашихъ дѣтокъ, нашихъ купидоновъ и цѣловать нашихъ женъ. Да, это нравственно и здорово, миръ не сырой и мрачный монастырь, а бракъ не могила. Стыдъ тѣмъ, которые находятъ въ немъ только тоску, скуку да сонъ.

И неужели-же вы не видите, что это мы защищаемъ дѣло семьи, что мы проповѣдуемъ счастье жизни, радость быть вмѣстѣ, ту радость, отъ которой люди становятся лучше? Не

говорите мнѣ объ этихъ обрюзглыхъ молодыхъ людяхъ, которые созрѣли тѣмъ, что высохли. Они хвастаютъ всегда своимъ мнимымъ уваженіемъ къ честнымъ женщинамъ, переставъ обожать тѣхъ, которыя не пользуются этой репутаціей. Уваженіе это походитъ на то, съ которымъ относятся къ извѣстнымъ фоліантамъ библіотеки: при людяхъ ихъ хвалятъ, но читать никогда не читаютъ.

Сестры мои, сестры! старайтесь, чтобы васъ читали; это благодать, которой я желаю вамъ!

Въ мерiи.—Въ церкви.

ВПЕЧАТЛѢНIЯ НЕВѢСТЫ.

Бракъ въ мерiи, безъ сомнѣнiя, имѣетъ довольно большое значенiе, но возможно-ли человѣку порядочному смотрѣть на эту формальность серьезно? Мнѣ, какъ и всѣмъ, пришлось испытать эту тяжелую формальность и я не могу вспомнить объ ней безъ униженiя. Какъ только я вышла изъ экипажа, мнѣ бросилась въ глаза грязная лѣстница; стѣны были усѣяны разноцвѣтными афишами и передъ одной изъ нихъ стоялъ мужчина, въ коричневомъ пальто, безъ шляпы, съ сверткомъ бумагъ подъ рукой, пе-

ромъ за ухомъ, и пальцами, запачканными въ чернило, свертывалъ себѣ папиросу.

На лѣво, въ открытую дверь, я увидѣла низкую и темную комнату, въ которой сидѣли человѣкъ двѣнадцать національныхъ гвардейцевъ и покуривали свои черныя трубки. При входѣ въ эту казарму, первою моею мыслью было—что я отлично сдѣлала, не одѣвъ своего сѣраго платья. Мы поднялись по лѣстницѣ и вошли въ грязный и слабо освѣщенный корридоръ, гдѣ былъ цѣлый рядъ дверей, на которыхъ я прочла: *Похоронныя процессіи, поверните ручку.—Лишеніе имущества.—Кончина, стучите сильнѣй.—Объявленія—Рожденія* и проч. и проч. и наконецъ: *Браки.*—Въ эту дверь мы и вошли въ сопровожденіи мальчика, который несъ бутылку чернилъ; въ комнатѣ воздухъ былъ до того тяжелъ и непріятенъ, что сразу дѣлалось дурно. Къ счастію, появился мальчикъ въ голубомъ мундирѣ, похожій по виду на гвардейцевъ, которыхъ я видѣла внизу, и извинился, что онъ насъ не провелъ въ залу г. мера (*это пріемная перваго класса*). Я бросилась въ нее, какъ

бросаются въ наемный экипажъ, когда начинаетъ накрапывать дождь. Въ пріемной г. мера было что-то провинціальное и буржуазно-оффиціальное; при входѣ въ нее мною овладѣла веселость; стѣнные часы были изъ тѣхъ, которые разыгрываются въ лоттереи Обществомъ Сенъ-Винсенъ-де Поль; шкапъ съ книгами, которымъ, мнѣ показалось, была загорожена дверь, и на шкапу гипсовый бюстъ императора.

Среди этой комнаты стоялъ большой письменный столъ, покрытый зеленымъ сукномъ и во многихъ мѣстахъ залитый чернилами. Представьте себѣ пріемную дантиста, бывшаго нотаріусомъ. Почти въ слѣдъ за нами вошли два господина, одинъ изъ нихъ былъ какъ двѣ капли воды похожъ на кассира въ Сенъ-Тома; они принесли двѣ толстыхъ книги и, развернувъ ихъ, принялись писать; по временамъ останавливаясь, чтобы спросить имя, лѣта, фамилію каждаго изъ насъ, они писали и подсказывали себѣ тихонько: „точка съ запятой... между сочетающимися... на другой строкѣ....“ и проч. и проч. Когда они кончили писать, то касеиръ изъ Сенъ-Тома про-

челъ вслухъ, что они написали; изъ всего читаннаго я только и разобрала мое имя, очень часто повторяемое, и имя моего *супруга*. Намъ подали перья и мы подписали. Вотъ и все. На часахъ г. мера пробило два и это было время, назначенное мною портнихѣ для передѣлки корсажа.

— Кончено уже? спросила я Жоржа, который, къ моему сильному удивленію, былъ очень блѣденъ.

— Не совсѣмъ еще, милый другъ, отвѣтилъ онъ мнѣ; теперь мы должны идти въ залу браковъ.

Корсажъ, требующій передѣлки, преслѣдовалъ меня. Мы вошли въ большую пустую залу, съ голыми стѣнками; надъ дубовой эстрадой стоялъ бюстъ императора; нѣсколько креселъ и за ними скамейки и на всемъ этомъ густой слой пыли. Я была въ дурномъ расположеніи духа; мнѣ казалось, что я пришла на дебаркадеръ, и не могла удержаться, чтобы не оглянуться на мамашу и на тетушекъ, которыя очень весело осматривали пустыя скамьи. Мужчины, напро-

тивъ, были совершенно иначе настроены; они были серьезны. и я отлично видѣла, что Жоржъ просто дрожалъ. Наконецъ въ маленькую дверь вошелъ меръ, въ черномъ широкомъ платьѣ, сверхъ котораго былъ повязанъ шарфъ; онъ былъ малъ ростомъ и казался очень неловкимъ. Но все таки это былъ очень почтенный человѣкъ, составившій себѣ приличное состояніе продажей желѣзныхъ кроватей; мнѣ очень трудно представить себѣ, что этотъ неловкій, дурно одѣтый. застѣнчивый господинъ однимъ своимъ словомъ могъ наложить на насъ неразрывные узы!... И въ дополненіе всего, этотъ меръ ужасно былъ похожъ на моего настройщика. Это только сомной и случается... вѣдь я только что нашла сходство съ кассиромъ Сенъ-Тома!... Я закусила губу, чтобы не расхохотаться. Г. меръ раскланялся съ нами, какъ кланяются люди въ бѣломъ галстухѣ и не имѣющіе шляпы, т. е. глупо и неловко; началъ сморкаться очень кстати, потому что не зналъ, куда сунуть свои обѣ руки, и вслѣдъ за всѣмъ этимъ принялся за обрядъ. онъ торопливо прочелъ нѣсколько статей закона,

упоминая номера параграфовъ, и я смутно поняла, что мнѣ угрожали жандармами въ случаѣ, если я не буду слѣпо повиноваться всѣмъ приказаніямъ и фантазіямъ моего мужа, если я всюду не послѣдую за нимъ, если даже ему вздумается повести меня въ шестой этажъ, въ улицѣ Сенъ-Викторъ; болѣе двадцати разъ я порывалась перебить г. мера:

— Позвольте, милостивый государь, вотъ эти слова очень невѣжливы относительно меня, и вы должны сознаться, что въ нихъ нѣтъ здраваго смысла...

Но я удерживалась, боясь сконфузить чиновника, который торопился кончить обрядъ. Онъ, впрочемъ, прибавилъ нѣсколько словъ о супружескихъ обязанностяхъ... объ общественныхъ обязанностяхъ, объ обязанностяхъ отца, и проч., и проч.; но всѣ эти прекрасныя вещи во всякомъ другомъ мѣстѣ вызвали бы у меня слезы, здѣсь же казались мнѣ грубыми и я не могла забыть двѣнадцать человѣкъ солдатъ, которыхъ я видѣла внизу, и цѣлую анфиладу дверей, на которыхъ я прочла: *Похоронныя Процессіи.—Кон-*

чины.—Лишеніе имуществъ и проч. Я сильно бы страдала, что этотъ торгашъ желѣзными кроватями касался моихъ самыхъ дорогихъ мечтаній, если-бы комическая сторона моего положенія не поглощала моего полнаго вниманія и не вызывала самаго безумнаго смѣха.

— Господинъ Жоржъ***, вы клянетесь взять въ жены M-lle*** и проч., сказалъ меръ, поклонясь.

Мой мужъ поклонился и произнесъ очень тихо: *да*. Позже онъ признался мнѣ, что никогда не испытывалъ такого сильнаго волненія, какъ произнося это *да*.

— M-elle Берта***, прибавилъ чиновникъ, обращаясь ко мнѣ, клянетесь-ли вы взять себѣ мужемъ... и проч.

Я поклонилась, улыбаясь, и прибавила въ сторону про себя:

— Да, конечно! это вы сами видите, я пришла для этого нарочно сюда!

Это было все. Какъ кажется, я была уже замужемъ. Мой отецъ и мужъ со слезами на глазахъ пожимали другъ другу руки съ видомъ

людей, не видавшихся цѣлыхъ двадцать лѣтъ. Мнѣ было совершенно невозможно раздѣлять ихъ волненіе. Я была очень голодна и мы съ мамашей должны были, дорогой къ портнихѣ, остановиться у кандитера, чтобы скушать по пирожку. Это былъ послѣдній пирожокъ, который я ѣла въ *дѣвушкахъ*.

Слѣдующій день былъ — великій день, и я поднялась чуть свѣтъ. Отворивъ дверь въ залу, я увидѣла свое бѣлое платье, разложенное на диванѣ; сложенный вуаль лежалъ рядомъ; мои бѣлые сапожки, мои цвѣты въ бѣлой муаръ кордонкѣ... все было приготовлено. Я выпила залпомъ стаканъ воды. Я была взволнована, встревожена и счастлива. — Я не думала ни о своемъ прошедшемъ, ни о будущемъ; я вся была поглощена мыслью объ этой церемоніи, объ этомъ самомъ торжественномъ изъ таинствъ, объ клятвѣ, которую я буду давать передъ Богомъ, а также меня занимала нарядная толпа, которая соберется именно для того, чтобы посмотрѣть на меня.

Мы завтракали очень рано. Папаша былъ уже въ бѣломъ галстухѣ, новыхъ сапогахъ и

панталонахъ и въ халатѣ. Мамаша тоже на половину одѣта. Мнѣ казалось, что люди служили мнѣ съ большимъ вниманіемъ и старались выразить мнѣ болѣе уваженія; я помню даже, что Мари сказала мнѣ „madame“, докладывая, что куаферъ пришелъ. „Madame“ милая дѣвушка! Я никогда этого не забуду.

Я была не въ силахъ что нибудь ѣсть...

У меня сохло въ горлѣ, по всему тѣлу пробѣгала какая-то дрожь и я испытывала чувство, похожее на чувство сильной жажды, когда ждешь, чтобы сахаръ растаялъ. Звукъ органа преслѣдовалъ меня и свадьба Эммы и Луи вспоминалась мнѣ. Я одѣлась; куаферъ тоже называлъ меня madame и такъ удачно причесалъ меня, что я помню, какъ сказала себѣ: „Вотъ хорошее начало; эта прическа служитъ хорошимъ предзнаменованіемъ.“ Я удержала Мари, которая хотѣла стянуть мнѣ корсетъ болѣе обыкновеннаго... Я знаю, что въ бѣломъ всегда кажешься полнѣе и что Мари была права, но я боялась стянуть талію, чтобы кровь не прилила къ головѣ: мнѣ всегда было противно смотрѣть на невѣстъ съ

раскраснѣвшимися щеками, будто-бы онѣ сейчасъ только вышли изъ за стола. Религіозныя волненія должны быть глубоки и выражаться блѣдностью. Глупо имѣть красный цвѣтъ лица въ извѣстныхъ обстоятельствахъ.

Когда я была совершенно одѣта, то вышла въ залу, чтобы на просторѣ расправить свое платье. Мой отецъ и Жоржъ были тамъ и съ жаромъ разговаривали между собой.

— Поданы-ли экипажи? — Да, давно уже... А за Salutaris? Ну, хорошо... вы все это берете на себя. — А мое свидѣтельство объ исповѣди?...

— Ахъ! я его забылъ въ каретѣ и проч.

Они говорили очень торопливо, жестикулируя, какъ самые дѣловые люди въ мірѣ. Когда Жоржъ увидѣлъ меня, то поцѣловалъ мнѣ руку и между тѣмъ, какъ горничныя расправляли мнѣ юбку, а куаферъ прикалывалъ мнѣ вуаль, онъ сказалъ мнѣ хриплымъ голосомъ:

— Вы прелестны, милый другъ.—Онъ совсѣмъ не думалъ о томъ, что говорилъ, и я ему машинально отвѣчала:

— Вы находите?... Не слишкомъ коротко

прикалывайте вуаль, monsieur Сильвани... Не забудьте бантъ къ корсажу, Мари.

Когда нужно слѣдить за всѣмъ, то трудно соображать. Однако, хриплый голосъ Жоржа припомнился мнѣ и я сказала про себя: Я увѣрена, что онъ простудился, у него насморкъ; онъ слишкомъ коротко остригъ себѣ волосы. Вскорѣ я убѣдилась въ своемъ предположеніи.

— У васъ насморкъ, милый другъ? спросилъ мой отецъ.

— Не говорите объ этомъ, отвѣтилъ онъ тихо. И еще тише прибавилъ съ смущенной улыбкой:

— Будьте добры, прикажите дать мнѣ еще носовой платокъ, мой платокъ...

— Съ удовольствіемъ, милый другъ.

— Благодарю васъ.

Это была, конечно, мелочь, но мнѣ все-таки было непріятно и я помню, что, сходя съ лѣстницы, когда мнѣ поддерживали шлейфъ, я думала: Только-бы онъ не вздумалъ чихнуть въ церкви.

Потомъ я больше объ этомъ не думала. Мы сѣли въ карету, я чувствовала, что всѣ смотрѣ-

ли на меня и у подъѣзда собралась цѣлая толпа любопытныхъ. Трудно выразить мои чувства, хотя ощущеніе было очень пріятное.

Стукъ булавы швейцара на всегда останется въ моемъ сердцѣ. Мы на минуту остановились на красномъ сукнѣ. Раздались громкіе звуки торжественнаго марша, тысяча улыбающихся лицъ были обращены въ мою сторону и въ глубинѣ, на бархатномъ коврѣ, стояли два золоченыхъ кресла, освѣщенныя лучами солнца и окруженныя облаками ладона; на этихъ креслахъ мы должны были предстать предъ алтаремъ. Не знаю, почему мнѣ пришла на мысль старинная картина, которая висѣла въ кабинетѣ моего отца. На картинѣ изображенъ въѣздъ Александра въ Вавилонъ; Александръ сидитъ на слонѣ, все его платье залито драгоцѣнными каменьями. Но Александръ былъ язычникъ, у котораго было много грѣховъ на совѣсти, между тѣмъ, какъ я была чиста. О, я сознавала это очень хорошо, иначе я бы не могла такъ хорошо себя чувствовать; я исповѣдывалась только вчера, слѣдовательно, я была чиста! Самъ Богъ благославлялъ меня

и мнѣ казалось, что я слышу какіе-то небесные звуки и чрезъ блестящія стекла оконъ вижу улыбающихся архангеловъ.

По мѣрѣ того, какъ я приближалась, всѣ головы склонялись, какъ колосья въ полѣ, колеблемые вѣтромъ. Мои друзья, родные, враги, знакомые, всѣ намъ кланялись, и я замѣтила, —потому что въ такіе торжественные дни невольно какъ-то все замѣчаешь,—что произвела хорошее впечатлѣніе. Дойдя до золоченаго кресла, я со сдержанной поспѣшностью преклонилась у налоя; мой шиньонъ былъ высоко положенъ, открывая шею, а она у меня не дурна; я поблагодарила Бога. Органъ кончилъ свою торжественную пѣсню и я услышала около себя рыданіе моей бѣдной матери. О! какъ я понимаю, что должно чувствовать сердце матери въ подобную минуту. Глядя съ благоговѣніемъ на торжественно приближавшееся духовенство, я увидѣла Жоржа; онъ казался раздраженнымъ; онъ держалъ себя какъ-то особенно прямо, натянуто, его ноздри раздувались, а губы были сжаты. Я была недовольна, что въ такую для

меня торжественную минуту онъ не выказалъ болѣе чувства, но мужчинамъ чужда эта поэзія.

Рѣчь святаго отца, вѣнчавшаго насъ, была настоящій chef d'oeuvre, тѣмъ болѣе, она что была произнесена съ достоинствомъ, благочестіемъ и той убѣдительностью, которая такъ хорошо знакома его слушателямъ. Онъ говорилъ о нашихъ обѣихъ семьяхъ, гдѣ твердыя *религіозныя убѣжденія наслѣдственны какъ честь.* Слышенъ былъ полетъ мухи, такъ внимательны были присутствующіе къ словамъ проповѣдника. Обратясь ко мнѣ, онъ очень деликатно далъ мнѣ понять, что я выходила за мужъ за одного изъ самыхъ благородныхъ офицеровъ арміи. „Небо благословляетъ, сказалъ онъ, воина, который предлагаетъ свою шпагу къ услугамъ своей родины и который, положа руку на сердце, можетъ своему врагу сказать: „Я вѣрю!“ Вникните, какъ это сказано! Сколько величія въ этомъ священномъ краснорѣчіи! Легкая дрожь охватила присутствующихъ. Но это было не все: святой отецъ обратился къ Жоржу и въ голосѣ его было столько мягкости, сколько сейчасъ было энергіи:

„Милостивый государь, вы берете себѣ въ подруги жизни молодую дѣвушку...“ Я едва осмѣливаюсь повторять тѣ прекрасныя слова, которыя святой отецъ произнесъ на мой счетъ. „Воспитанная христіанкой матерью, которая съумѣла раздѣлить съ ней всѣ сокровища своего сердца и все богатство своего ума...“ Maman рыдала.—“Она будетъ любить мужа, какъ любила отца, полнаго любви и нѣжности, который съ самой колыбели внушалъ ей чувства благородства и безкорыстія, который...“

— Рара невольно улыбался.—„Отца, котораго имя извѣстно нуждающимся бѣднякамъ и который въ храмѣ Божьемъ имѣетъ свое почетное мѣсто.“

— Рара, выйдя въ отставку, постоянно былъ церковнымъ старостой.—“И вы милостивый государь, съумѣете оцѣнить эту ангельскую чистоту...“ — Я чувствовала, что глаза мои сдѣлались влажны.—И не забывая преходящей физической красоты ангела, посланнаго вамъ Богомъ, вы возблагодарите его за болѣе цѣнныя и высокія качества ея ума и сердца...“

Я залилась слезами, никогда наша святая

религія не казалась мнѣ такъ высока и убѣдительна. Когда святой отецъ произносилъ эти слова, солнечный лучъ озарилъ его достойное чело; я глядѣла на него сквозь слезы: мнѣ казалось, что передо мной ангелъ, а не человѣкъ и самъ Богъ говоритъ его устами.

Какъ безумны тѣ люди, которые удаляются отъ церкви и не понимаютъ тѣхъ небесныхъ восторговъ, которыми наполняется сердце прибѣгающаго къ Богу.

Намъ велѣли встать и мы стояли рядомъ, какъ божественные супруги на картинѣ Рафаэля. Мы обмѣнялись кольцами и святой отецъ медленнымъ и важнымъ голосомъ, сказалъ нѣсколько словъ по латыни, смыслъ которыхъ я не поняла, нокоторые, тѣмъ не менѣе, меня безконечно растрогали, потому что бѣлая, тонкая, прозрачная рука прелата, казалось, благословляла меня. Изъ кадильницъ, приводимыхъ въ движеніе руками дѣтей, вмѣстѣ съ синимъ дымомъ въ воздухѣ распространялся какой-то неземной ароматъ. Боже мой, какой день! Все, что происходило потомъ, какъ-то смутно сохранилось у

меня въ памяти. Я была ослѣплена, возбуждена. Но все таки я замѣтила некрасивую шляпу, съ бѣлыми розами, на головѣ Луизы... Странно, какъ нѣкоторые люди лишены всякаго вкуса. Я пошла въ ризницу подъ руку съ генераломъ и только тогда увидала въ лицо всѣхъ присутствующихъ. Всѣ казались разтроганы. Затѣмъ всѣ толпой двинулись меня поздравлять. Ризница была полна народа. Всѣ толкались и толпились около меня, а я на всѣ эти поздравленія и улыбки отвѣчала легкимъ поклономъ, въ которомъ невольно проглядывало набожное умиленіе. О! я сознавала, что нѣчто торжественное свершилось предъ лицомъ людей и Бога. Я чувствовала, что я связана вѣчными узами... Я была повѣнчана.

Почему мнѣ припомнился жалкій бракъ, заключенный наканунѣ? я сравнивала (да проститъ мнѣ Богъ!) бывшаго торговца желѣзными кроватями, въ его неуклюжемъ фракѣ, съ святымъ отцомъ, пошлые слова мера съ краснорѣчіемъ уважаемаго прелата... Какая разница! Здѣсь земля—тамъ небо; здѣсь грубая проза дѣловаго

человѣка—тамъ божественная поэзія. Жоржъ, съ которымъ я недавно объ этомъ говорила, сказалъ мнѣ:

— Душа моя, вы, можетъ быть, не знаете, бракъ въ меріи заключается *безплатно*, тогда что какъ...—Я не дала ему кончить, закрывъ ротъ рукой, потому что, какъ мнѣ казалось, онъ хотѣлъ сказать что-то нечестивое.

Безплатно... безплатно! Вотъ это-то я и нахожу неприличнымъ.

Мой первенецъ.

Было 15 февраля, десять часовъ вечера. На дворѣ стоялъ страшный холодъ, вѣтеръ выл неистово и снѣгъ съ силой хлесталъ по стекламъ. Въ углу гостиной, около стола, сидѣли мои двѣ тетки, безпрестанно вздыхая и безпокойно вертясь въ креслахъ; онѣ ежеминутно, со страхомъ посматривали на дверь, ведущую въ спальню. Одна изъ тетокъ вытащила изъ маленькаго кожаннаго, лежавшаго на столѣ, мѣшка свои чотки и усердно перебирала ихъ обѣими руками, въ то время, какъ ея сестра, моя другая тетка, читала, шевеля губами, пе-

реписку Вольтера, держа маленькій томикъ очень далеко отъ глазъ.

Что касается меня, — я ходилъ большими шагами взадъ и впередъ по гостиной, кусая усы — скверная привычка, отъ которой я никогда не могъ отстать, — и останавливался по временамъ съ тоской передъ докторомъ С...., моимъ старымъ товарищемъ, который, пріютившись на самомъ мягкомъ креслѣ, совершенно спокойно читалъ газету. Онъ, повидимому, былъ такъ занятъ, что я не смѣлъ прерывать его чтеніе, хотя и бѣсился въ душѣ, видя его такимъ невозмутимымъ, тогда какъ я былъ до крайности взволнованъ.

Вдругъ онъ бросилъ газету на диванъ и провелъ рукой по лысинѣ.

— О! началъ онъ, будь я на мѣстѣ министра, это не протянулось-бы такъ долго... нѣтъ чортъ возьми, никогда-бы не протянулось! Ты читалъ статью о хлопкѣ въ Алжирѣ? Одно изъ двухъ: или орошенія.... Да ты, кажется, не слушаешь? Напрасно, этотъ вопросъ важнѣе, чѣмъ кажется.

Онъ всталъ и, заложивъ руки въ карманы,

началъ ходить по комнатѣ, напѣвая какую-то госпитальную пѣсенку. Я слѣдовалъ за нимъ по пятамъ.

— Жакъ, сказалъ я въ ту минуту, когда онъ пріостановился на поворотѣ, скажи мнѣ откровенно, доволенъ-ли ты?

— Да, конечно, совершенно доволенъ; посмотри, какой у меня покойный видъ,—и онъ расхохотался своимъ добрымъ, нѣсколько громкимъ смѣхомъ.

— Другъ мой, ты ничего отъ меня не скрываешь?

— Господи, какъ ты глупъ, мой бѣдный капитанъ, вѣдь я же тебѣ говорю, что все идетъ хорошо.

И онъ опять принялся напѣвать свою пѣсенку, побрякивая деньгами въ карманѣ.

— Все идетъ хорошо, но нужно подождать. Вели мнѣ, пожалуйста, дать твой халатъ. Мнѣ такимъ образомъ будетъ удобнѣе провести ночь, а дамы, вѣроятно, меня изгѣнятъ. Не правда-ли?

— Извинятъ-ли онѣ тебя? Тебя, моего доктора, моего лучшаго друга?

Я страстно любилъ его въ эту минуту.

— Ну, хорошо! если онѣ извиняютъ, такъ дай, сдѣлай одолженіе, ужъ и туфли.

Въ эту минуту въ сосѣдней комнатѣ раздался ужасный, болѣзненный крикъ и слова, прерываемыя страданіями: докторъ... о Боже мой... докторъ!

— Ахъ, какъ это ужасно! прошептали обѣ тетки, завертѣвшись на креслахъ.

— Другъ мой, вскричалъ я, схвативъ за руку доктора, правду - ли ты говоришь? Не скрываешь-ли ты чего отъ меня?

— Лучше, которыя пошире, если у тебя есть, у меня ноги не такія, какъ у молоденькихъ дѣвушекъ... Ничего я не скрываю... Ровно ничего..... Да и что - же ты хочешь, чтобы я скрывалъ? Все идетъ очень хорошо, но какъ я уже и говорилъ, нужно подождать.... Кстати, прикажи, пожалуйста, Жоржу принести мнѣ заразъ твой ночной колпакъ; ничего не будетъ страннаго, если я надѣну его, при халатѣ и туфляхъ, а я становлюсь плѣшивъ, милый мой. Однако, здѣсь чертовски холодно! Вѣроятно,

окна выходятъ на сѣверъ? и еще на окнахъ нѣтъ и подушекъ! Mademoiselle V., сказалъ онъ, обращаясь къ теткѣ, вы, навѣрно, схватите насморкъ.

Въ это время въ сосѣдней комнатѣ снова послышались крики.

— Посмотримъ теперь маленькую царицу, продолжалъ докторъ.

Мы вошли въ спальню, гдѣ бѣдная жена, въ страшныхъ мученіяхъ, ожидала появленія на свѣтъ ребенка. Около стояла ея мать, повторяя: потерпи, моя дорогая, счастье не дается даромъ, потерпи. Бѣдная старушка силилась улыбнуться, но въ глазахъ ея блестѣли крупныя капли слезъ, которыя она вытирала, отвернувшись. На комодѣ лежали два или три свертка, перевязанные розовыми и голубыми ленточками; это былъ полный нарядъ, приготовленный для новорожденнаго. Я взялъ одинъ изъ маленькихъ чепчиковъ и надѣлъ себѣ на руку, мой кулакъ едва помѣстился въ немъ.

— Подойди-же ко мнѣ, сказала тихонько больная, увидавъ меня, и дай мнѣ руку.

Потомъ, притянувъ меня поближе къ себѣ, она прошептала мнѣ на ухо:

— Тебѣ пріятно вѣдь будетъ поцѣловать дорогаго малютку?

И голосъ ея, говоря это, былъ такъ слабъ и нѣженъ!

— Не отнимай прочь руку, это ободряетъ меня. Я остался стоять подлѣ, въ то время, какъ докторъ, надѣвъ мой халатъ, тщетно старался застегнуть его на пуговицы.

Отъ времени до времени моя бѣдная, дорогая жена со страшной силой сжимала мнѣ руку, закрывала глаза, какъ человѣкъ, сильно страдающій, но ни разу не вскрикнула. Въ каминѣ тихо тлѣлъ огонекъ. Часовой маятникъ продолжалъ свое безконечное тикъ-такъ, но мнѣ казалось, что все это спокойствіе только наружное и что, все окружавшее меня, должно было внутренно находиться въ такомъ-же тревожномъ состояніи ожиданія и волненія, какъ я. Сквозь полуоткрытую дверь, мнѣ былъ видѣнъ уголъ колыбели въ сосѣдней комнатѣ и отра-

жавшійся на тѣни искривленный профиль дремавшей въ ожиданіи сидѣлки.

Странное ощущеніе овладѣло мной въ это время! Въ сердцѣ моемъ зарождалось какое-то новое чувство; я какъ бы ощущалъ въ груди присутствіе какого-то новаго, совершенно посторонняго тѣла, и это ощущеніе, пугало меня, до того оно было ново и пріятно; я уже чувствовалъ тамъ это маленькое существо, еще не видѣвъ его, чувствовалъ, что оно прилѣплялось ко мнѣ, и мысленно представлялъ себѣ всю его жизнь. Я воображалъ его, въ одно и то же время. ребенкомъ и взрослымъ человѣкомъ; мнѣ казалось, что часть моей жизни отдѣлялась въ него, и невольно рождалось желаніе удѣлить ему частицу самого себя.

Около половины двѣнадцатаго, какъ капитанъ корабля, совѣтующійся съ компасомъ, докторъ вынулъ свои большіе часы и, пробормотавъ что то, подошелъ къ кровати.

— Развѣ ты думаешь, Жакъ, что уже настало время? спросилъ я.

— Я думаю, что не больше, какъ черезъ пол-

часа маленькая любимица явится на свѣтъ. Посмотри, который часъ.

— Какъ, маленькая любимица? Что это за шутки? Ты вѣдь знаешь, другъ мой, что это долженъ быть мальчикъ.

— Развѣ есть какіе-нибудь признаки? прибавила моя теща.

Жакъ громко расхохотался.

— Это мнѣ напоминаетъ, сказалъ онъ, что въ Родильномъ домѣ былъ попугай, постоянно повторявшій....

— Замолчи, ради Бога! Какъ у тебя достаетъ духу разсказывать анекдоты въ то время, какъ бѣдная жена такъ мучается.... Потерпи, моя возлюбленная!

— Ну, вотъ! Этотъ попугай тоже постоянно повторялъ: „потерпите, моя милая". Его велѣли убить, бѣднягу, за то, что онъ склевалъ туфли сестры Урсулы.

Вскорѣ боли сдѣлались нестерпимы; бѣдняжка, готовившаяся сдѣлаться матерью, такъ страшно вскрикивала, что у меня пробѣгалъ морозъ покожѣ; и такъ бѣсила меня невозможность облег-

чить ея страданія, что я готовъ былъ изъ за каждой бездѣлицы дать всякому пощечину.

Жакъ вдругъ сдѣлался серьезенъ. Онъ снялъ халатъ и бросилъ его на стулъ. Я слѣдилъ за каждымъ его движеніемъ, какъ морякъ слѣдитъ за облаками при приближеніи грозы.

— Успокойтесь, потерпите, дорогая моя, говорилъ онъ женѣ, мы всѣ тутъ, около васъ, все идетъ хорошо, и не пройдетъ пяти минутъ, какъ онъ уже закричитъ.

Но бѣдняжка продолжала стонать такъ жалобно, что раздирало душу; она такъ крѣпко сжимала мнѣ руку, что ея ногти впивались мнѣ въ тѣло, и я чувствовалъ, какъ у меня на лбу выступалъ крупными каплями холодный потъ. Теща моя тоже была внѣ себя, кусала губы и на лицѣ ея отражалась каждая мука больной. Чепчикъ ея сбился на сторону, и глядя на ея прическу и головной уборъ во всякое другое время, я не могъ бы удержаться отъ смѣху.

Вдругъ дверь въ гостиную потихоньку пріотворилась и изъ за нее осторожно высунулись головы обѣихъ тетокъ; позади ихъ стоялъ мой

отецъ и съ своей обыкновенной гримасой немилосердно теребилъ себя за сѣдые усы.

— Заприте дверь, закричалъ съ сердцемъ докторъ, убирайтесь прочь!

И затѣмъ, обернувшись къ тещѣ, совершенно спокойно проговорилъ:

— Тысячу разъ прошу извинить меня.

Но кто-же въ это время обращалъ вниманіе на рѣзкость моего стараго друга? Дверь сейчасъ-же заперлась.

— Все-ли готово, чтобы принять? спросилъ докторъ.

— Все, отвѣчала теща.

Наконецъ, послѣ ужаснаго стона, наступила глубокая тишина и почти вслѣдъ за тѣмъ докторъ принялъ маленькое красное существо, которое при этомъ пронзительно вскрикнуло. Я никогда не забуду впечатлѣнія, которое произвело на меня появленіе между нами маленькаго человѣчка. Мы много думали, мечтали о немъ; въ воображеніи я часто видѣлъ, какъ мой дорогой малютка играетъ въ серсо, таскаетъ меня за усы, учится ходить, или какъ онъ, ле-

жа на рукахъ у кормилицы, точно жадный котенокъ, захлебывается молокомъ; но ни разу не представлялъ я его себѣ такъ, какъ увидѣлъ теперь: почти безжизненнымъ, крошечнымъ, сморщеннымъ, краснымъ.... и все таки восхитительнымъ, не смотря ни на что, любимымъ, обожаемымъ, бѣднымъ дурнушкой. Это такое странное и необъяснимое впечатлѣніе, что его нельзя понять, не испытавъ.

— Однако, везетъ-же этому офицеру! проворчалъ докторъ, поворачивая ко мнѣ ребенка, — вѣдь мальчикъ.

— Мальчикъ?

— Да еще какой плечистый, капитанъ.

— Нѣтъ, правда, мальчикъ?

По правдѣ сказать, въ эту минуту, мнѣ было положительно все равно, былъ ли это мальчикъ, или дѣвочка; меня волновало только это живое доказательство того, что я былъ отцомъ, что это маленькое существо мое собственное. Я какъ-то растерялся передъ великой тайной дѣторожденія. Жена моя лежала измученная, почти безчувственная, а маленькое живое существо,

моя кровь и плоть, кричало и барахталось на рукахъ Жака. Я былъ ошеломленъ, какъ работникъ, безсознательно создавшій чудо искусства, чувствовалъ себя безконечно ничтожнымъ передъ великимъ дѣломъ созданія и, говоря откровенно, мнѣ было даже нѣсколько совѣстно, что я такъ отличился безъ всякаго усилія съ моей стороны. Я не берусь объяснять вамъ все это, я только разсказываю свои впечатлѣнія. Мать моей жены подставила передникъ, и докторъ положилъ ребенка на колѣни бабушки, говоря:

— Ну, дикарь, смотри, постарайся не быть хуже твоего мошенника отца... Ну, теперь пять минутъ на изліянія... Въ самомъ дѣлѣ, дай же мнѣ тебя обнять теперь, капитанъ.

И мы обнялись отъ всего сердца. Маленькіе, черные глаза доктора блестѣли больше обыкновеннаго, и я по лицу его видѣлъ, что онъ взволнованъ.

— Ну, капитанъ, не правда-ли, что все это производитъ нѣкоторое впечатлѣніе? Этотъ крикъ-то? О! я все это понимаю, точно иголка воткнется въ сердце... Гдѣ-же сидѣлка? А, она

тутъ... ну, и прекрасно; какой же онъ плечистый, этотъ маленькій уланъ... Отвори же дверь плѣнникамъ, запертымъ въ гостиной.

Я отворилъ. Всѣ стояли около, молча, и слушали: мой отецъ, двѣ тетки, все еще державшія въ рукахъ одна четки, а другая своего Вольтера, и моя кормилица, бѣдная старуха, не пожалѣвшая для такого случая взять фіакръ.

— Ну, что? спрашивали меня всѣ съ безпокойствомъ и страхомъ. Ну, что же?

— Все кончилось, Богъ далъ мальчика; войдите, онъ тутъ.

Вы не можете себѣ представить, какъ я былъ счастливъ, видя на всѣхъ этихъ взволнованныхъ лицахъ отраженіе моего собственнаго волненія. Меня обнимали, жали мнѣ руки, и я отвѣчалъ на всѣ эти нѣжности, самъ не зная, что говорю.

— Чор... Чор... прошепталъ мнѣ на ухо отецъ, держа меня въ объятіяхъ, — въ рукѣ у него такъ и остались трость и шляпа,—Чортъ...

Онъ такъ и не могъ кончить, потому что, какъ ни храбрился, а крупная слеза блестѣла и дрожала на кончикѣ его носа.

Онъ нѣсколько разъ прокашлялся и наконецъ припалъ къ моему плечу и залился слезами, говоря:

— Это сверхъ силъ моихъ.

А я... я сдѣлалъ тоже, что онъ; это было также сверхъ моихъ силъ.

Между тѣмъ, всѣ окружали бабушку, которая, приподнявъ уголъ своего передника, говорила:

— Да какой онъ красавецъ-то, милый нашъ, посмотрите, какой красавецъ!... Сидѣлка, велите нагрѣть пеленки, дайте мнѣ чепчикъ.

— Улыбнись тетѣ, напѣвала тетушка, побрякивая четками надъ головой ребенка. Улыбнись-же.

— Попросите его лучше сказать вамъ басню, прибавилъ докторъ.

Въ это время жена моя пришла въ себя; она полуоткрыла глаза и, казалось, искала чего-то.

— Гдѣ онъ? спросила она слабымъ голосомъ. Ей указали на передникъ матери.

— Мальчикъ, не правда-ли?

И, взявъ меня за руку, она притянула меня къ себѣ и тихо сказала:

— Доволенъ-ли ты мной, другъ мой? я старалась сдѣлать, какъ можно лучше.

— Пожалуйста, безъ волненій, вскричалъ докторъ, завтра поцѣлуетесь; полковникъ, обратился онъ къ моему отцу, который все еще стоялъ со своей тростью и шляпой, не позволяйте имъ цѣловаться. Не надо волноваться и выйдите всѣ вонъ. Я буду одѣвать маленькаго улана. Дайте-ка мнѣ человѣка, бабушка. Иди сюда, дикарь... Вы увидите, знаю-ли я зашпилить булавку.

Онъ взялъ ребенка своими толстыми руками и сѣлъ съ нимъ на табуреткѣ предъ каминомъ.

Я смотрѣлъ на моего мальчика, котораго Жакъ поворачивалъ, какъ куклу, но съ удивительною ловкостью. Онъ осматривалъ его со всѣхъ сторонъ, ощупывая, поколачивая, и съ каждымъ пріемомъ говорилъ, улыбаясь:

— Онъ крѣпкій... очень крѣпкій мальчикъ.

Потомъ онъ завернулъ его въ пеленки, надѣлъ на его голую головку чепчикъ, подвязалъ подъ бородой вдвое сложенную ленточку, чтобъ голова

не опрокидывалась назадъ, и, удовлетворенный своею работою, сказалъ сидѣлкѣ:

— Вы видѣли, какъ я дѣлалъ? Такъ надо одѣвать этого маленькаго улана каждое утро. До завтрашняго дня только сахарную воду... у матери лихорадки нѣтъ... ну, все хорошо... Какой счастливецъ этотъ капитанъ! Я такъ страшно голоденъ! знаешь, вѣдь часъ утра. Нѣтъ-ли у тебя куска холодной куропатки, или куска стараго пирога, ни на что не годнаго? Это было бы мнѣ очень пріятно съ бутылкой чего нибудь.

Мы оба отправились въ столовую и безъ церемоніи сами накрыли себѣ приборъ. Никогда въ жизни я столько не пилъ и не ѣлъ, какъ въ это утро.

— Теперь, иди, ложись, сказалъ мнѣ докторъ, надѣвая пальто. Завтра утромъ у васъ будетъ кормилица. Впрочемъ, нѣтъ; я заѣду за тобой и мы вмѣстѣ поѣдемъ выбирать, это любопытно. Будь готовъ къ половинѣ девятаго.

Новый годъ въ семействѣ.

Только семь часовъ. Блѣдный лучъ свѣта проникаетъ сквозь двойныя занавѣси, а кто-то уже царапается въ дверь. Я слышу въ сосѣдней комнатѣ заглушаемый хохотъ и серебристый голосъ моего мальчика, который дрожитъ отъ нетерпѣнія и просится къ намъ.

— Папочка, это Бебé, это твой мальчикъ, твой дружокъ идетъ съ новымъ годомъ.

— Войди, мой голубчикъ; бѣги скорѣе, поцѣлуй насъ.

Дверь отворяется и мой мальчикъ, съ поднятыми руками, блестящими глазами, бѣжитъ къ кровати. Изъ подъ ночнаго колпака, который

стягиваетъ его бѣлокурую головку, выбиваются ему на лобъ длинные локоны. Его длинная ночная рубашка, путаясь въ ногахъ, увеличиваетъ его нетерпѣніе и заставляетъ спотыкаться на каждомъ шагу.

Наконецъ, онъ дошелъ до кровати и, протягивая мнѣ свои ручонки, говоритъ взволнованнымъ голосомъ: „Бебé поздравляетъ тебя съ новымъ годомъ.“

— Бѣдный амуръ съ голыми ножками! Иди сюда, мой милый, приди, завернись въ теплое одѣяло; приди, погрѣйся въ подушкахъ.

Я нагибаюсь, чтобъ взять его къ себѣ, но при этомъ движеніи, жена моя вдругъ просыпается.

— Кто тамъ, вскрикиваетъ она, хватаясь за сонетку; воры!

— Да, это мы, душа моя.

— Кто вы?.. Ахъ! Боже мой, какъ вы меня испугали. Я вижу во снѣ, что пожаръ, и эти голоса посреди огня... Вы такъ неосторожны со своими криками.

— Съ нашими криками! да ты забываешь, мамочка, что сегодня новый годъ, день поздра-

вленій и поцѣлуевъ;—Бебé ждетъ твоего пробужденія и я тоже.

Между тѣмъ, я закутываю своего человѣчка въ мягкое одѣяло, кладу его между подушками и въ рукахъ своихъ согрѣваю его оледенѣлыя ножки.

— Мамочка, да вѣдь сегодня новый годъ, вскрикиваетъ онъ. Своими ручонками онъ сближаетъ наши головы, пододвигаетъ свою и принимается цѣловать на удачу, своими свѣженькими губками. Я чувствую у себя на шеѣ его пухленькую ручку; его пальчики путаются въ моей бородѣ.

Мои усы колятъ ему кончикъ носа, и онъ, откинувъ головку назадъ, заливается громкимъ смѣхомъ.

Мать его, оправившись отъ страха, беретъ его на руки и звонитъ.

— Годъ начинается хорошо, милые друзья, но намъ нужно немножко свѣта.

— Скажи, мама, сердитымъ дѣтямъ не дарятъ игрушекъ въ новый годъ?

И хитрецъ, говоря это, посматриваетъ на ки-

пу пакетовъ и картоновъ, наваленныхъ въ углу и которые были видны, не смотря на темноту.

Скоро поднимаютъ занавѣси, отворяютъ ставни, свѣтъ врывается въ комнату, огонь весело горитъ въ каминѣ, и на кровать приносятъ два большіе пакета, тщательно завернутые. Одинъ для моей жены, другой для моего милаго толстяка. Что это будетъ? я завязалъ нѣсколькими узлами, завернулъ въ три обертки, и съ наслажденіемъ слѣжу за ихъ нетерпѣливыми пальчиками, ушедшими въ тесемки. Моя жена выходитъ изъ терпѣнія, улыбается, сердится, цѣлуетъ меня и проситъ ножницъ. Бебé, съ своей стороны, тянетъ со всѣхъ силъ, кусаетъ губы и, наконецъ, требуетъ моей помощи. Взглядъ его хотѣлъ бы проникнуть сквозь обертку. Всѣ знаки желаній и ожиданія написаны на его лицѣ. Шелкъ подушекъ визжитъ отъ судорожныхъ движеній его ручонки, а губы шевелятся, какъ отъ приближенія вкуснаго плода.

Наконецъ, послѣдняя бумажка слетѣла. Крышшка снята и радость разражается.

— Мнѣ соболя!

— Мнѣ звѣринецъ!

— Такіе же, какъ муфта,—мой милый!

— И пастухъ на колескахъ,—милый папочка, какъ я тебя люблю!

Мнѣ вскакиваютъ на шею, четыре руки заразъ обнимаютъ и прижимаютъ меня. Я взволнованъ, слеза выступила на глазахъ, у жены показались двѣ, а Бебé, потерявъ голову, зарыдалъ, цѣлуя мнѣ руку.

Это глупо, скажете вы.

Глупо ли—не знаю; но очень пріятно — за это отвѣчаю.

Развѣ горе, заставляя насъ проливать столько слезъ, не проститъ радости единственную слезу, которую оно иногда заставитъ пролить?

Не сладка жизнь, если пускаешься въ нее одинъ, и когда сердце пусто, путь кажется долгимъ.

Такъ пріятно чувствовать себя любимымъ, слышать возлѣ себя шаги своихъ спутниковъ и сказать себѣ: они здѣсь, наши три сердца бьются за одно; и разъ въ году, когда на часахъ пробьетъ 1-е января, сѣсть вмѣстѣ на

краю дороги, обнявшись, устремивъ глаза на пыльный, невѣдомый путь, который теряется за горизонтомъ, и сказать себѣ, поцѣловавшись: „Мы любимъ другъ друга, дорогіе мои дѣти: вы разсчитывайте на меня, а я на васъ Надѣйтесь и пойдемъ прямо“.

Вотъ какимъ образомъ, милостивый государь, я объясняю слезы при видѣ соболей и открываніи звѣринца. Но приближается время завтрака. Я, брѣясь, два раза обрѣзалъ себѣ подбородокъ; наступилъ на звѣринецъ моего сына и имѣю въ виду съ дюжину визитовъ—обязательныхъ—какъ говоритъ моя жена; все таки я въ восхищеніи. Садятся за столъ. Приборъ, накрытый на очень бѣлой скатерти, имѣетъ непривычный праздничный видъ. Въ воздухѣ носится легкій запахъ трюфелей, всѣ мнѣ улыбаются, и я вижу въ окно,—странная вещь—дворникъ собственными руками вытираетъ своимъ носовымъ платкомъ перила на лѣстницѣ; прости Господи! Какой это хорошій день!

Бебé выставилъ въ линію, возлѣ своей тарелки, слоновъ, львовъ и жирафовъ; а мать его,

подъ предлогомъ сквознаго вѣтра, завтракаетъ въ своихъ соболяхъ.

— Ты велѣла заложить карету для визитовъ, моя милая?

— Подушка тетушки Урсулы займетъ столько мѣста! Конечно, ее можно положить къ кучеру!

— О! бѣдная тетушка!

— Папочка, не надо ѣхать къ тетушкѣ Урсулѣ, говоритъ Бебé; когда ее цѣлуешь, такъ всегда уколешься.

— Monsieur Bébé!.. Подумай, сколько намъ надо вбить въ эту карету? Заводскую лошадь Леона, муфту Луизѣ, туфли твоего отца, одѣяло Эрнестинѣ: конфекты, рабочій ящикъ... Увѣряю тебя, что придется положить тетушкину подушку кучеру подъ ноги.

— Папочка, отчего жирафъ не хочетъ котлетки?

— Не знаю, дружокъ.

— Ну, папа, и я не знаю.

Часъ спустя, мы уже поднимались на лѣстницу тетушки Урсулы. Моя жена считаетъ сту-

пеньки, чиркая на перилахъ, а я несу знаменитую подушку, конфекты и сына, который не хотѣлъ ѣхать безъ жирафа,

Тетушка Урсула, производящая на моего сына такое же впечатлѣніе, какъ пукъ розогъ, ждетъ насъ въ своей холодной гостиной. Четыре квадратныя кресла, подъ желтыми чахлами, зябнутъ за своими четырьмя коврикамн. Часы въ видѣ пирамиды съ шаромъ на верху, бьютъ свое всегдашнее тикъ, такъ, подъ колпакомъ, не въ мѣру большимъ.

Портретъ, повѣшенный на стѣнѣ и засиженный мухами, представляетъ нимфу, вооруженную лирою, сидящую у водопада. Эта нимфа — тетушка Урсула. Какъ она измѣнилась!

— Милая тетушка, мы пришли поздравить васъ съ новымъ годомъ.

— Выразить всѣ наши желанія, которыя мы...

— Это очень хорошо, племянникъ и племянница, садитесь; она указываетъ намъ два стула.— Я очень тронута вашимъ визитомъ; это доказываетъ мнѣ, что вы еще не совсѣмъ забыли семейныя обязанности.

— Вы понимаете, милая тетушка, еслибъ не расположеніе наше къ вамъ, котораго достаточно для... Бебé, приди-же поцѣловать тетю.

Бебé (*мнѣ на ухо*).—Да, папочка, увѣряю тебя, что она колется. (*Я кладу на столъ каштаны въ сахарѣ*).

— Вы могли избавить себя отъ этого подарка, любезный племянникъ; вы знаете, что я не люблю сластей, и еслибъ я не знала; какъ вы равнодушно относитесь къ моему здоровью, то просто приняла бы это за насмѣшку. Но оставимъ это. Съ прежнимъ ли терпѣніемъ вашъ батюшка переноситъ свои недуги?

— Вы очень добры, тетушка, освѣдомляясь о батюшкѣ.

— Дорогая тетушка, прошу тебя принять отъ меня эту подушку, которую я вышивала, думая доставить тебѣ удовольствіе.

— Благодарю тебя, дитя мое; но я, благодаря Бога, держусь еще довольно бодро и могу не облокачиваться на подушку. Работа великолѣпна, рисунокъ въ восточномъ вкусѣ. Ты бы могла выбрать что нибудь другое, зная, что я

люблю вещи попроще. Впрочемъ, подушка очень мила, если бы красный цвѣтъ рядомъ съ зеленымъ не рѣзалъ глазъ. Вотъ, взамѣнъ твоего подарка, возьми мою фотографію, которую аббатъ Миронъ заставилъ меня сдѣлать.

— О! какъ ты добра, милая тетушка, и какое поразительное сходство! Узнаешь-ли свою тетю! Бебе?

— Не считай своимъ долгомъ говорить не то, что думаешь. Въ этой фотографіи ничего нѣтъ похожаго на меня, у меня въ глазахъ гораздо больше жизни. Вотъ коробочка пастилокъ твоему мальчику. На мой взглядъ онъ очень подросъ.

— Бебе, приди поцѣловать тетю.

— Потомъ мы сейчасъ-же поѣдемъ отсюда, мамочка?

— Вы маленькій невѣжа, милостивый государь!

— Не дѣлай ему замѣчаній, по крайней мѣрѣ, онъ откровененъ; но я вижу, что твой мужъ торопится... вамъ еще много... визитовъ нужно сдѣлать, я васъ не задерживаю. Я тоже иду въ церковь молиться Богу за тѣхъ, которые никогда не молятся.

Кто изъ двѣнадцати обязательныхъ визитовъ отвязался отъ одного, тому остается одиннадцать... Ну, кучеръ, поѣзжайвъ улицу Сенъ-Луи.

— Не правда-ли, папочка, что подбородокъ тетушки Урсулы очень колется?

Не будемъ перечислять всѣхъ одиннадцати обязательныхъ визитовъ; разсказывать о нихъ также скучно, какъ и дѣлать.

Около одиннадцати часовъ вечера, — слава Богу! — лошади остановились у подъѣзда родительскаго дома, гдѣ насъ ждалъ обѣдъ. Бебé хлопаетъ въ ладоши и уже улыбается старой Жаннѣ, которая, услышавъ шумъ подъѣзжающаго экипажа, бросилась къ дверямъ.—Вотъ и они! вскричала она и унесла на рукахъ мальчика въ кухню, гдѣ моя мать, съ засучеными рукавами, оканчивала стряпать превосходный пирогъ. Отецъ, спускавшійся въ погребъ съ фонаремъ въ рукахъ, въ сопровожденіи Жана, несшаго корзину, вдругъ останавливается.

Ахъ! вотъ идѣти; какъ поздно вы пріѣхали! Обнимемся, друзья мои; сегодня день, въ который

всѣ отъ души цѣлуютъ другъ друга. Жанъ, подержи немного мой фонарь.

И отецъ, прижимая меня къ своей груди, ищетъ мою руку и пожимаетъ ее крѣпко, крѣпко. Бебé вертится въ ногахъ, дергаетъ насъ за платье и протягиваетъ свои крошечныя губки для поцѣлуя.

Насъ ждали, дверь отворяется, и всѣ намъ протягиваютъ руки. Среди пожатій, поцѣлуевъ и поздравленій, раскрываются коробки, сыплются въ изобиліи конфекты, рвутся и развязываются пакеты съ подарками, и всѣми овладѣваетъ самая искреняя и шумная веселость. Бебé въ восторгѣ стоя посреди своихъ подарковъ, кажется человѣкомъ, наслаждающимся своимъ сокровищемъ; время отъ времени, при видѣ новой игрушки, у него невольно вырывается крикъ родости.

— Басню о мальчикѣ! восклицаетъ мой отецъ размахивая фонаремъ, который онъ взялъ обратно изъ рукъ Жака.

Воцарилась полная тишина, и бѣдный ребенокъ, дебютирующій въ декламаціи, вдругъ совер-

шенно растерялся. Онъ опускаетъ глаза, краснѣетъ и прячется въ объятіяхъ матери, которая, наклонясь къ его уху, говоритъ ему: „Ну, мой милый мальчикъ: „Ягненокъ утоляетъ жажду...“ ты помнишь маленькаго ягненочка?

— Да, мамочка, я хорошо помню ягненочка, которому очень хотѣлось пить. И склонивъ головку на грудь, тяжело вздохнувъ, онъ повторяетъ печальнымъ голосомъ:

«Ягненокъ утолялъ жажду въ прозрачномъ ручейкѣ».

Всѣ присутствующіе съ большимъ вниманіемъ и улыбкой слѣдятъ за каждымъ словомъ милаго ребенка.

Дядя Бернаръ немного глуховатъ и потому устраиваетъ изъ правой руки слуховую трубу и придвигаетъ свой стулъ.

А! теперь я разслышалъ, говоритъ онъ, это Лисица и виноградъ.

И какъ ему не даютъ прерывать декламатора онъ успѣваетъ только прибавить:

Да, да, онъ говоритъ басню съ чувствомъ, съ большимъ чувствомъ.

Успѣхъ возвращаетъ увѣренность моему дорогому сыну, онъ оканчиваетъ свою басню съ громкимъ смѣхомъ. Радость заразительна, и мы садимся за столъ среди самаго шумнаго веселья.

— Гдѣ же, чортъ возьми, мой фонарь? говоритъ отецъ. Я и забылъ о погребѣ. Жанъ, мой старый другъ, бери свою корзину и пойдемъ порыться въ погребъ.

Супъ дымится на столѣ; матушка обводитъ всѣхъ насъ своимъ ласковымъ взглядомъ и опускаетъ ложку въ суповую миску.

Да здравствуетъ семейный обѣдъ, гдѣ присутствуютъ всѣ любящіе другъ друга, гдѣ не стѣсняясь можно за дессертомъ облокотиться на столъ и гдѣ, въ тридцать лѣтъ жизни, вы можете выпить стаканъ вина, которое пили въ день вашихъ крестинъ!

Письма молодой матери.

ПИСЬМА МОЛОДОЙ МАТЕРИ КЪ ЕЯ ПОДРУГѢ.

Мнѣ нужна выкройка маленькихъ чепчиковъ, дорогая моя Мари. Будь такъ мила, пришли также выкройку для дѣтскихъ кофточекъ, которую ты сама такъ искусно изобрѣла. Благодарю тебя за одѣяло; оно такъ нѣжно, тепло и мягко, что мой Бебé въ этой бѣлой шерсти похожъ на розовый бутонъ, скрытый въ снѣгу. Не правда-ли, я дѣлаюсь поэтична? Но что же дѣлать, мое бѣдное сердце переполнено радостью. Мой сынъ! понимаешь-ли ты, милый

другъ, мой сынъ! Когда я услышала пронзительный крикъ этого крошечнаго существа, которое мать моя издали показывала въ своемъ передникѣ, мнѣ казалось, что горячая любовь пробѣжала по моимъ жиламъ, Я кричала, я плакала. Мой старый докторъ стоялъ около меня а я обняла его лысую голову и поцѣловала три раза.

— Но успокойтесь-же, моя милая, сказалъ онъ.

— Молчите, докторъ, или я васъ поцѣлую еще разъ. Дайте мнѣ моего Бебé, моего голубчика. Совершенно-ли вы увѣрены, что это мальчикъ

Въ сосѣдней комнатѣ, вся семья ждала событія и среди поцѣлуевъ я разслышала эти прелестные слова: „Мальчикъ, здоровенькій мальчикъ!“

Бѣдный мужъ мой, не отходившій отъ меня въ теченіи полусутокъ, разбитый усталостью и волненіемъ, плакалъ и смѣялся отъ радости.

— Ну, сидѣлка, пеленайте проворнѣй. Не надо булавокъ, возьмите тесемокъ. Чортъ возьми! я говорю, лучше тесемки... Что вы говорите?... Дайте мнѣ сюда ребенка; вы ничего не смыслите.

И докторъ ловко и проворно одѣлъ моего ребенка.

— Онъ имѣетъ видъ полковника, вашъ мальчикъ. Положите его въ колыбель... ну, пожалуйста, не волнуйтесь, моя милая... Поменьше свѣту въ комнатѣ полковника! Теперь, чтобы не было никакого шума; всѣмъ слѣдуетъ удалиться, больной нуженъ покой.

Но тетушка Урсула въ полуотворенную дверь просилась шопотомъ: „Докторъ, позвольте мнѣ войдти только пожать ея руку; пожалуйста, докторъ!...»

— Чортъ возьми! всѣмъ нужно убираться: необходимъ покой и тишина.

И всѣ разъѣхались.

— Октавъ, прибавилъ докторъ, поцѣлуй сейчасъ-же свою жену. Она была очень терпѣлива... Октавъ, торопись же скорѣе поцѣловать ее, если ты не хочешь, чтобы я сдѣлалъ это вмѣсто тебя.—И онъ дѣлалъ видъ, что приведетъ въ исполненіе эту угрозу.

Октавъ, склонившись надъ колыбелью ребенка, ничего не слыхалъ.

— Ну, онъ еще вздумаетъ задушить моего полковника!

Наконецъ, подошелъ мой мужъ. Онъ мнѣ протянулъ дрожащую отъ волненія руку; я ее пожала, какъ могла, сильно. Если мое сердце не разбилось въ эту минуту, то Богъ сберегъ его, зная, что онъ понадобится мнѣ.

Знаешь, дорогая Мари, до рожденія ребенка, супруги любятъ другъ друга ради себя; послѣ же его рожденія, они любятъ другъ друга ради милаго крошки, который своей ручкой на всегда сковываетъ эту цѣпь. Ты была права, говоря мнѣ, что съ этихъ поръ начнется новая жизнь, жизнь глубокой любви и преданности. Все мое прошедшее кажется мнѣ незначущимъ, безцвѣтнымъ, и я вижу, что снова начинаю жизнь. Я горжусь, какъ солдатъ, участвовавшій въ сраженіи. Жена и мать—вотъ мои эполеты, бабушка—это маршальскій жезлъ.

Сколько горячаго желанія во мнѣ—сдѣлать пріятной жизнь этимъ двумъ дорогимъ существамъ! Какъ буду я беречь ихъ!.. Право! я теряю разсудокъ отъ счастья, я плачу, мнѣ бы

хотѣлось обнять тебя. Мнѣ кажется, я слишкомъ счастлива.

Мой мужъ настоящій добрякъ. Онъ носитъ на рукахъ своего ребенка съ такою милою неловкостью; онъ дѣлаетъ столько усилій, чтобы поднять эту легкую ношу! Когда онъ несетъ его мнѣ, закутаннаго въ одѣяло, онъ идетъ такими осторожными и медленными шагами! Можно подумать, что полъ можетъ провалиться подъ нимъ. Потомъ онъ кладетъ это сокровище близко, очень близко около меня, на вышитой подушкѣ. Его наряжаютъ, его стараются помѣстить какъ можно удобнѣе и ловчѣе и, если послѣ многихъ усилій, намъ удается вызвать улыбку на его милое личико, то это доставляетъ намъ безконечную радость. Часто мужъ и я любуемся вмѣстѣ этимъ крошечнымъ существомъ; мы молча слѣдимъ за неопредѣленными и прелестными движеніями этой ручки съ розовыми ноготками. Мы почерпаемъ въ этомъ созерцаніи такое полное и глубокое счастье, что нужно что-нибудь особенное, чтобы помѣшать намъ. У насъ начинаются пресмѣшные споры о формѣ его лба и о

цвѣтѣ его волосъ и кончаются самыми безумными планами объ его будущности.

Октавъ хочетъ сдѣлать его дипломатомъ. Онъ увѣряетъ, что у мальчика есть способности къ этому дѣлу, что его движенія рѣдки, но полны тонкости. Бѣдный маленькій посланникъ, у котораго, какъ у Кадэ Русселя, только всего три волоска! Но что за прелесть эти три волоса, три золотыхъ ниточки, вьющіяся на его розовомъ затылкѣ, гдѣ кожа такъ свѣжа и тонка, что поцѣлуи невольно ложатся сами собой!

Во всемъ его существѣ есть какой-то опьяняющій запахъ, вызывающій трепетъ въ моемъ сердцѣ. Какіе-же невидимые узы соединяютъ насъ съ дѣтьми? Не частица-ли нашей души и нашей жизни одушевляетъ ихъ и заставляетъ жить? Конечно, это такъ, потому что я и теперь вижу насквозь его смутныя мысли, угадываю его желанія, когда ему холодно и хочется кушать.

И что за прелестная минута, когда онъ вечеромъ, наглотавшись молока, какъ жадный ко-

тенокъ, засыпаетъ съ розовыми щечками у меня на рукахъ! Его члены понемногу тяжелѣютъ, голова опускается на грудь, глаза закрываются, а полуоткрытый ротикъ повторяетъ равномѣрныя движенія, которыя онъ только что дѣлалъ, кушая.

Его теплое и влажное дыханіе касается моей руки, которая его поддерживаетъ. Я нѣжно прикрываю его моимъ платьемъ, прячу его ножки въ пеленки и любуюсь моимъ дорогимъ мальчикомъ. Малѣйшее движеніе его не ускользаетъ отъ меня. Въ глубинѣ моего сердца есть зеркало, которое отражаетъ все его существо. Чувство, что я составляю все для него, дополняетъ чувство радости, что я произвела его на свѣтъ. Развѣ не моимъ молокомъ онъ питается, не мой голосъ успокоиваетъ и усыпляетъ его; не моя рука одѣваетъ, ласкаетъ и поддерживаетъ его?

Какъ много женщинъ равнодушно лишаютъ себя этихъ радостей! Безумныя!...

Да, настоящее прекрасно, у меня голова идетъ кругомъ отъ счастья. Вдали виднѣется еще будущее. Я часто думаю о немъ и дрожу, какъ отъ приближенія грозы.

Что за безумный страхъ! Моя любовь не будетъ ему въ тягость; зачѣмъ-же ему удаляться отъ меня? Развѣ я не съумѣю во время стать его другомъ?

Когда со временемъ эта розовая губка покроется чернымъ пушкомъ; когда птичка, почувствовавъ силу своихъ крыльевъ, захочетъ улетѣть изъ гнѣзда, развѣ я не съумѣю невидимыми узами вернуть его въ эти объятія, въ которыхъ онъ теперь спитъ? Можетъ быть, въ эту дурную пору, которую зовутъ юностью, ты забудешь меня не надолго, дорогой малютка! Другія руки будутъ расправлять твои волосы, другія губы будутъ прикасаться къ тебѣ и однимъ жгучимъ поцѣлуемъ сотрутъ ласки цѣлыхъ двадцати лѣтъ! Но, вернувшись съ этого опьяняющаго и тяжелаго пути, разбитый и усталый, ты отдохнешь въ объятіяхъ, въ которыхъ засыпалъ въ дѣтствѣ, ты спрячешь свою голову на моей груди, ты попросишь стереть твои слезы и помочь забыть всѣ перенесенныя волненія, и я плача отъ радости, обниму, успокою и воскрешу въ тебѣ лучшія надежды.

Но я вижу, дорогая Мари, что я написала тебѣ цѣлый томъ. Я не хочу переписывать письмо, потому что не рѣшусь послать его тебѣ. Что-же дѣлать? У меня голова кружится, я еще не привыкла къ такому полному счастью.

Преданная тебѣ.

Четыре года спустя.

.... Да, дорогая моя, это человѣкъ, настоящій человѣкъ. Онъ вернулся изъ деревни, очень пополнѣвъ, и сдѣлался несравненно забавнѣе прежняго. Онъ влѣзаетъ на стулья, останавливаетъ часы и прячетъ руки въ карманы съ видомъ собственника. Когда случайно утромъ я вижу въ передней маленькіе башмаки моего мальчика, рядомъ съ сапогами отца его, я невольно вспоминаю недавнее прошлое. Вчера пеленки, сегодня сапожки, завтра шпоры. Боже мой! Какъ быстро летятъ счастливые дни! Уже четыре года!

Я едва могу его поднять, допуская, что онъ позволитъ это сдѣлать—потому что у него есть сознаніе, что онъ мужчина. Онъ половину дня проводитъ на войнѣ; пистолеты, ружья, кнуты и сабли наводнили квартиру.

Его движенія дышутъ крѣпкимъ здоровьемъ, приводящимъ меня въ восторгъ.

Не подумай, что въ моемъ шалунѣ, кромѣ здоровья, ничего нѣтъ хорошаго; онъ бываетъ иногда настоящимъ ангеломъ и щедро отвѣчаетъ на мои ласки. По вечерамъ, послѣ обѣда, онъ влѣзаетъ на мое кресло, беретъ мою голову въ обѣ руки и треплетъ меня, какъ угодно. Его розовыя губки цѣлуютъ мнѣ лицо и въ мою шею раздаются звучные поцѣлуи, заставляющіе меня вздрагивать. У насъ идутъ безконечные разговоры. *Почему* и *зачѣмъ* сыплются, какъ градъ, и на все требуются настоящіе отвѣты; умъ дѣтей прежде всего логиченъ. Даже сейчасъ могу привести тебѣ доказательство логичности моего мальчика.

Бабушка его немного хвораетъ и каждый вечеръ онъ прибавляетъ къ своей молитвѣ слѣ-

дующія простыя слова: „Боже мой! пошли здоровье моей бабушкѣ, которую я очень люблю“. Но, для большей точности, онъ прибавляетъ отъ себя: „Бабушка живетъ въ улицѣ Сенъ-Луи, въ первомъ этажѣ.“ Онъ произноситъ это съ такимъ наивнымъ довѣріемъ и съ такой серьезной комичностью!

Я кончаю писать тебѣ; я слышу его кашель. Я не знаю, простудился-ли онъ, но съ сегодняшняго утра я нахожу, что у него очень грустный видъ. Не смѣйся надо мной; право, я не очень еще встревожена.

Цѣлую тебя отъ всего сердца.

Вчера была консультація. У нашего стараго доктора, когда онъ уходилъ, глаза были влажны; онъ старался скрыть это отъ меня, но я видѣла его слезы. Слѣдовательно, ребенокъ мой серьезно боленъ? Эта мысль ужасаетъ меня, дорогой мой другъ. Меня хотятъ разувѣрить, но я дрожу за его жизнь.

Ночью ему было не лучше. Лихорадка все продолжалась. Еслибы ты могла видѣть, что сталось съ этимъ маленькимъ тѣломъ, которымъ мы такъ любовались! Докторъ приказалъ прикладывать ледъ къ головѣ. Нужно было остричь его волосы! Бѣдные бѣлокурые локончики, которые развѣвалъ вѣтеръ, когда онъ бѣгалъ за своимъ серсо! Это ужасно! Я вижу страшныя видѣнія! Бѣдный ребенокъ, мой бѣдный ребенокъ! Онъ такъ слабъ, что уже ни одного слова не произносятъ его поблѣднѣвшія губы. Его большіе глаза вспыхиваютъ время отъ времени въ своихъ орбитахъ и улыбаются иногда мнѣ; но эта улыбка такъ нѣжна и слаба, что казалась прощальной, послѣдней улыбкой. Прощаніе! Но что будетъ со мной?

Нѣтъ, вѣроятно, я преувеличиваю. Сегодня утромъ, думая, что онъ спитъ, я не могла удержать рыданій. Его губки открылись и онъ мнѣ сказалъ тихо, такъ тихо, что я должна была приблизить ухо, чтобы разслышать:

— Такъ ты очень сильно любишь меня, мамочка?

Люблю-ли я его?... Больше жизни!

ТВОЯ СТАРАЯ ПОДРУГА.

Ницца.

Меня заставили пріѣхать сюда, но я нисколько не чувствую себя лучше. Съ каждымъ днемъ слабость увеличивается. Я кашляю кровью.— Отъ чего хотятъ меня вылечить?

Если я не вернусь уже болѣе въ Парижъ, ты найдешь въ моемъ стеклянномъ шкафу его послѣднія игрушки: на нихъ видны еще слѣды его пальчиковъ. На лѣво лежитъ вѣтка мирты, которая висѣла у его кровати. Пусть только однѣ твои руки прикоснутся ко всему этому. Сожги эти игрушки—онѣ были послѣдними свидѣтелями погибшаго счастья.—Я вижу еще... Не могу продолжать, рыданія душатъ меня.

Прощай, другъ мой. Я построила высокое зданіе на слишкомъ хрупкой почвѣ!

ПРЕДАННАЯ ТЕБѢ.

Ему было-бы сорокъ лѣтъ.

Когда вы видѣли, какъ родился вашъ ребенокъ, слѣдили за его первыми шагами въ жизни, видѣли его слезы и улыбки, слышали, какъ онъ говорилъ вамъ „папочка“, протягивая къ вамъ свои ручонки, вы уже воображаете себя знакомымъ со всѣми отеческими чувствами и, какъ бы насытившись ежедневными радостями, уже думаете о завтрашнихъ. Вы забѣгаете впередъ, роетесь въ будущемъ, дѣлаетесь нетерпѣливымъ и пьете настоящее счастіе большими глотками, вмѣсто того, чтобъ смаковать его по капелькѣ. Но захворай ребенокъ, и вы тиро обезумитесь.

Чтобъ чувствовать всю силу узъ, связываю-

щихъ васъ съ нимъ, надо, чтобы вамъ пришлось видѣть эти узы въ опасности; вы тогда знаете глубину рѣки, когда рисковали утонуть въ ней.

Припомните утро, когда, приподнявъ занавѣси его кроватки, вы увидѣли въ подушкахъ его блѣдное, похудѣвшее личико. Его провалившіеся, окруженные синей полосой, глаза были на половину закрыты. Вы встрѣтили его взглядъ, который, казалось, чѣмъ-то подернутъ; онъ увидѣлъ васъ и не улыбнулся. Вы сказали ему: здравствуй, онъ не отвѣтилъ вамъ. Лицо его выражало только изнуреніе и слабость; это былъ уже не вашъ ребенокъ. Онъ вздохнулъ, и отяжелѣвшія вѣки его опустились. Вы взяли его длинныя, прозрачныя руки съ безцвѣтными ногтями: онѣ были влажны и теплы. Вы поцѣловали эти бѣдныя ручки, но ни малѣйшая дрожь не отвѣтила прикосновенію вашихъ губъ. Тогда вы обернулись и увидѣли свою жену, плакавшую позади васъ.

Вотъ, когда вы почувствовали, что васъ охватывает [illegible] до головы, и мысль о возможномъ несчастіи овладѣла вами съ тѣмъ,

чтобъ уже больше не покидать васъ. На каждой минутѣ, вы стали подходить къ кроваткѣ и подымать занавѣси, надѣясь, что вы ошиблись, или что случилось чудо; но вы поскорѣе уходили со слезами въ горлѣ, а между тѣмъ, вы пытались улыбнуться, думая вызвать и на его лицо улыбку, старались возбудить въ немъ какія нибудь желанія; но все напрасно: неподвижный, почти безжизненный, онъ оставался совершенно равнодушенъ, чтобы вы ни говорили, чуждый всему, даже самимъ вамъ.

И много ли нужно было, чтобы до такой степени изнурить и ослабить это маленькое существо? Только нѣсколько часовъ. И много ли нужно еще, чтобы окончательно убить его? Можетъ быть, пять минутъ.

Зная, что въ этомъ маленькомъ, хиломъ тѣлѣ, вовсе неспособномъ переносить страданія, вся жизнь держится на волоскѣ, и съ замираніемъ сердца прислушиваясь къ его дыханію, со страхомъ говоришь себѣ:

— Что, если это послѣднее!

Сейчасъ онъ стоналъ, теперь ужъ даже и не

стонетъ. Кажется, будто кто-то его тащитъ, вырываетъ изъ вашихъ объятій. Тогда вы поспѣшо подходите къ ребенку и невольно прижимаетесь къ нему, какъ можно ближе, думая вдохнуть въ него свою жизнь. Его постель сыра отъ лихорадочнаго пота; губы блѣднѣютъ, маленькій носикъ похудѣлъ и заострился. Ротъ открытъ. Между тѣмъ, это тотъ самый маленькій розовый ротикъ, который еще недавно такъ весело смѣялся; тѣ самыя губки, которыя прижимались къ вашимъ губамъ... и вотъ, всѣ радости, веселый смѣхъ, шалости, безконечная болтовня и счастливое прошлое, все вспоминается вамъ при звукѣ его прерывистаго дыханія, а крупныя капли горькихъ слезъ медленно текутъ по вашему лицу.

Бѣдное созданье! рука ваша ощупываетъ его маленькія ножки, и вамъ страшно дотронуться до груди, которую вы такъ часто цѣловали; вы боитесь увидѣть тамъ странную судьбу, которую вы хотя и могли предполагать раньше, но при видѣ ея вы непремѣнно разрыдаетесь.

Потомъ была ужасная минута, когда солнце

освѣщало комнату, и вы вдругъ услышали тяжелый стонъ, скорѣе похожій на крикъ. Вы подбѣжали: лицо его было искривлено, и на васъ смотрѣли глаза, которые ничего уже не видѣли..... Потомъ наступила тишина и молчаніе, а въ то время его впавшія щеки дѣлались желты и прозрачны, какъ янтари, надѣтые у него на шеѣ.

Воспоминанія объ этой минутѣ на цѣлую жизнь останутся въ сердцѣ тѣхъ, которые любили, и даже въ старости, когда время изгладитъ это горе, когда другія радости и другія страданія наполнятъ жизнь, —и тогда, сидя вечеромъ передъ каминомъ, вамъ представится кроватка умирающаго. Въ колеблющемся пламени вы увидите комнату потеряннаго ребенка, столикъ, на которомъ стояли лекарства, тамъ и сямъ разставленныя банки, однимъ словомъ, все, что обыкновенно наполняетъ комнату больнаго; его платье, сложенное въ порядкѣ и такъ долго его ожидавшее, въ углу забытыя игрушки... Вамъ представляются даже слѣды его маленькихъ пальчиковъ на обояхъ и зигзаги, которые онъ провелъ карандашомъ на двери;

вы видите тотъ уголъ, весь испачканный черточками и исписанный числами, гдѣ его мѣрили каждый мѣсяцъ; вы видите, какъ онъ пугаетъ, бѣгаетъ, усталый и весь въ поту, бросается въ ваши объятія, и въ тоже время вамъ вспоминается взглядъ его тусклыхъ глазъ, или то, какъ онъ лежалъ, холодный и неподвижный, подъ простыней, смоченной святой водой.

Неправда-ли, что все это вспоминается иногда даже вамъ, старушка-бабушка, и что воспоминаніе это вызываетъ и теперь на ваши глаза слезы, вытирая тихонько которыя, вы говорите себѣ: „ему было-бы сорокъ лѣтъ“? И развѣ мы не знаемъ, милая старушка, что у васъ въ сердцѣ не зажила еще эта рана и что въ глубинѣ вашего зеркальнаго шкапа, около связки пожелтѣвшихъ писемъ, почеркъ которыхъ мы не хотимъ угадывать, собранъ цѣлый музей дорогихъ воспоминаній: тутъ маленькіе башмачки, въ которыхъ онъ послѣдній разъ бѣгалъ по песку, въ тотъ самый день, когда жаловался на ознобъ; обломки испорченныхъ игрушекъ; засохшая вѣтка вербы, маленькій чепчикъ,—его

послѣдній чепчикъ, завернутый въ тройную обертку, и тысяча бездѣлицъ, составляющихъ цѣлый міръ для васъ, бѣдная старушка. Все это кусочки вашего разбитаго сердца!

Узы, соединяющія дѣтей съ родителями, развязываются; тѣже, которыя привязываютъ родителей къ дѣтямъ, разрываются.

Тамъ изглаживается прошедшее, а здѣсь разбивается будущее.

Выздоровленіе.

БЕБЕ ВНОВЬ ОПЕРЯЕТСЯ

Забудьте все то, что я говорилъ, любезный читатель. Бебé вовсе васъ не покидаетъ, это бѣдное маленькое существо не хочетъ умирать; если хотите имѣть доказательства моихъ словъ, посмотрите на него поближе; видите, онъ уже улыбается.

Улыбка эта очень слабая, похожая на теплые лучи солнца, которые проскользаютъ изъ за облаковъ въ концѣ дождливой зимы. Эту улыбку скорѣе угадываешь, чѣмъ видишь; но, тѣмъ не менѣе, ее достаточно, чтобъ согрѣть вамъ сердце.

Вотъ начинаетъ разсѣиваться туманъ; онъ васъ видитъ, слышитъ, знаетъ, что папа около него.—вамъ возвращенъ вашъ ребенокъ.—Взглядъ его уже яснѣе. Позовите его тихонько. Онъ хотѣлъ бы обернуться, но еще силъ не хватаетъ и, вмѣсто всякаго отвѣта, его маленькая оживающая ручка шевелится и ищетъ простыню.

Подождите еще немножко, бѣдный, нетерпѣливый отецъ,—и завтра вы услышите, какъ онъ, проснувшись, скажетъ: „папа“.

Увидите, какъ вамъ пріятно будетъ услышать это слово „папа“, сказанное такъ слабо, что оно скорѣе походитъ на дуновеніе вѣтра; какъ обрадуетъ васъ этотъ едва замѣтный признакъ возвращенія къ жизни! Вамъ покажется, что вашъ ребенокъ рождается во второй разъ.

Онъ еще будетъ страдать, будутъ еще тяжелыя минуты, буря не утихаетъ вдругъ; но теперь онъ можетъ прислониться головкой къ вамъ на плечо и, завернувшись въ одѣяло, пріютиться у васъ на рукахъ; онъ можетъ стонать и просить у васъ взглядомъ и словами помочь ему облегчить его страданія. Однимъ словомъ,

вы соединитесь между собой и будете сознавать, что онъ страдаетъ меньше, лежа у васъ на рукахъ.

Вы будете держать его маленькую ручку въ своей рукѣ; но, если захотите отойдти, онъ взглянетъ на васъ, сжавъ крѣпче ваши пальцы. Какъ много заключается въ этомъ слабомъ пожатіи! Скажите, пожалуйста, помните-ли вы его?

— Папа, будь около меня, мнѣ легче, когда ты со мной; я боюсь *бобо*, когда остаюсь одинъ; прижмите меня поближе къ себѣ, я тогда не буду такъ страдать.

Чѣмъ болѣе кто нибудь другой нуждается въ вашемъ покровительствѣ, тѣмъ пріятнѣе вамъ его оказывать. На сколько же это пріятно, если этотъ другой—второй вы, только болѣе любимый, чѣмъ первый. Съ выздоровленіемъ наступаетъ такъ сказать, новое дѣтство. Новыя удивленія, радости, новыя желанія являются по мѣрѣ того, какъ укрѣпляется здоровье. Во всемъ этомъ самое трогательное и прекрасное, — это нѣжныя ласки ребенка, который, все еще страдая, цѣпляется за васъ; его безпредѣльная

довѣрчивость и чрезвычайная слабость, дѣлающія его вполнѣ зависимымъ отъ васъ. Никогда въ жизни онъ такъ не радовался вашему присутствію, никогда не прятался такъ охотно къ вамъ въ халатъ, не слушалъ внимательнѣе сказки, которые вы ему разсказывали, не улыбался хитрѣе, когда вы смѣялись.

Не правда-ли, и вы находите, что никогда онъ не былъ милѣе, или это только такъ кажется; и близость опасности заставляетъ васъ придавать болѣе цѣны его ласкамъ, такъ какъ вы всегда съ большимъ восторгомъ пересчитываете свои богатства послѣ того, какъ были на краю разоренія? Но вотъ маленькій человѣчекъ опять на ногахъ. Бейте, барабаны! трубите трубы! ярче свѣтъ солнца! пойте, птицы! Маленькій король возрождается... да здравствуетъ король!

А вы, ваша свѣтлость, придите обнять своего отца.

Страшно особенно то, что эта ужасная, только что пережитая опасность дѣлается вамъ какъ то пріятна, къ ней безпрестанно возвращаются,

о ней говорятъ, вспоминаютъ и, какъ спутники Энея, вспоминая несчастія прошлаго, какъ бы стараются увеличить радость настоящаго.

— Помнишь-ли, говорятъ, тотъ день, когда ему было такъ худо? Помнишь его потухшій взглядъ, худенькія ручки, блѣдныя губы?

— А то утро-то, когда докторъ, уѣзжая, пожалъ намъ руки?

Только одинъ Бебѐ ничего не помнитъ. У него только одно огромное желаніе укрѣпить свои упавшія силы, и онъ старается, чтобы поскорѣе потолстѣли его похудѣвшія щеки и ножки.

— Скажи, пожалуйста, папочка, развѣ мы не будемъ обѣдать? Какъ ты думаешь?

— Будемъ, дружокъ, ужъ скоро вечеръ, подожди немножко.

— А что, папа, нельзя-ли намъ не ждать?

— Черезъ двадцать минутъ, маленькій обжора.

— Двадцать! А двадцать это много? Можно-ли захворать, если съѣсть двадцать котлетъ?... Только съ картофелемъ, а потомъ варенья, потомъ супъ, потомъ пирожное, потомъ... А что,

все еще двадцать минутъ? А скажи, папа, когда бываетъ говядина подъ соусомъ (*у самого изъ рта слюнки текутъ*) съ томатами и подъ краснымъ соусомъ?

— Да, дружокъ, ну, такъ что же?

— Ну, вотъ! вѣдь быкъ больше того куска, который лежитъ на блюдѣ; отчего же не приносятъ остатки-то быка? Я, напримѣръ, съѣлъ бы его всего, съ хлѣбомъ и еще съ бобами, и еще... еще... Онъ не можетъ насытиться, когда наконецъ ему завяжутъ салфетку на шею; и пріятно видѣть, съ какимъ удовольствіемъ онъ работаетъ челюстями; глазки блестятъ, щечки покраснѣли, трудно повѣрить, сколько онъ упрятываетъ въ свой маленькій ротикъ; онъ такъ занятъ, что едва успѣваетъ повременамъ ра ѣяться.

Къ концу обѣда, его живость пропадаетъ, взглядъ дѣлается утомленнымъ, пальцы разжимаются и глаза понемножку закрываются.

— Мама, я хотѣлъ бы прилечь, говоритъ онъ, протирая глаза.

Б ебѐ опять оперяется.

---

*

Семья.

Опьяняющіе успѣхи, лихорадочная борьба часто или отдаляютъ человѣка отъ своей семьи, или дѣлаютъ его въ ней чужимъ и скоро онъ начинаетъ относиться совершенно равнодушно къ тѣмъ вещамъ, которыя прежде его привлекали.

Но только пусть его постигнутъ неудачи, пусть задуетъ противный вѣтеръ,—онъ уйдетъ въ себя и ищетъ кого нибудь близкаго, кто бы помогъ ему перенести его невзгоды, ищетъ чувства, которое замѣнило бы его разсѣявшіяся мечты, и тогда онъ склоняетъ голову къ своему ребенку, онъ беретъ и сжимаетъ руку своей жены,

какъ бы предлагая этимъ двумъ существамъ раздѣлить его бремя. Слезы, которыя онъ видитъ на глазахъ любимыхъ людей, какъ будто убавляютъ его собственныя.

Кажется, нравственныя болѣзни дѣйствуютъ точно также, какъ и физическія. Несчастный утопающій хватается за тростникъ; точно также человѣкъ, у котораго разрывается сердце, прижимаетъ ближе къ себѣ свою жену и своего ребенка. Онъ въ свою очередь проситъ помощи, покровительства, душевной теплоты, и трогателенъ видъ существа сильнѣйшаго, ищущаго защиты у слабаго и почерпающаго свое мужество въ его поцѣлуѣ. Дѣти чувствуютъ все это инстинктивно, и ничто не въ состояніи взволновать ихъ такъ сильно, какъ видъ плачущаго отца.

Постарайтесь воскресить, любезный читатель, ваши самыя отдаленныя воспоминанія, которыя представляются вамъ тѣмъ яснѣе, чѣмъ они отдаленнѣе.

Видѣли-ли вы, какъ одинъ разъ вашъ отецъ, придя домой, сѣлъ около камина со слезами на

глазахъ? Первую минуту вы не смѣли подойдти къ нему, понимая, какъ глубоко его горе. Какъ ужасно несчастливъ долженъ онъ быть для того, чтобы заплакать! Тогда вы почувствовали, что есть какая-то связь, соединяющая васъ съ бѣднякомъ, что его горе поражаетъ и васъ, что и васъ также постигло несчастье, если оно постигло вашего отца. Никто лучше ребенка не въ состоянiи понять той солидарности семьи, которой онъ всѣмъ обязанъ.

И такъ, вы все это прочувствовали; сердце ваше сжалось, когда вы сидѣли молча въ своемъ углу, и наконецъ вы разразились рыданiями, сами не зная, почему, протягивая руки къ своему старому другу.

Онъ обернулся, понялъ все и, не могши далѣе сдерживать свое горе, вы крѣпко обнялись; отецъ, мать и ребенокъ сидѣли такъ, не говоря ни слова, но и безъ словъ понимая одинъ другаго.

Была ли вамъ извѣстна причина огорченья этого бѣдняка?

Никоимъ образомъ.

Вотъ именно почему опоэтизировали дѣтскую и родительскую любовь и почему семья называется святой. Потому что въ ней заключается источникъ взаимной любви, помощи и поддержки, которыя отъ времени до времени распространяются и на все общество, но уже въ формѣ слабаго эхо.

Въ исторіи рѣдко встрѣчаются примѣры, чтобы вся нація соединялась въ одно цѣлое и вся дрогнула отъ одного толчка. Нуженъ страшный переворотъ для того, чтобы милліоны людей, протянувъ другъ другу руки, съ одного взгляда, безъ словъ, поняли одинъ другаго; нужно нечеловѣческое усиліе для того, чтобы семейная любовь распространилась на всю націю и чтобы предѣлы семейнаго очага расширились до границъ государства.

Достаточно одного стона, слезы или страданія для того, чтобы мужъ, жена и ребенокъ, сливъ вмѣстѣ свои три сердца, почувствовали, что они составляютъ одно цѣлое.

Осмѣивайте бракъ, это, конечно, легко. Во всѣхъ людскихъ договорахъ найдутся ошибки,

а всякая ошибка смѣшна для человѣка, не бывшаго ея жертвой. Есть много обманутыхъ мужей,—это вещь неоспоримая; а когда видишь падающаго человѣка, то, не думая о томъ, что, упавъ, онъ можетъ разбить себѣ голову, первое движеніе будетъ все-таки смѣхъ. Этимъ-то объясняется вѣчная, громадная веселость, которой привѣтствуютъ Сгонареля. Но загляните въ себя поглубже, вы увидите, что подъ чужими мелочами, подъ всей пылью, неудавшимися тщеславными надеждами, смѣшными ошибками и комическими страстями, кроется корень общественной жизни, и согласитесь, что все дѣлается къ лучшему, такъ какъ это чувство семейной привязанности, служащее основаніемъ цѣлаго свѣта, составляетъ въ тоже время его радость и утѣшеніе.

Честь, уваженіе къ знамени, любовь къ отечеству, все, что побуждаетъ человѣка на самоотверженіе, все беретъ свое начало въ этомъ же чувствѣ, и, можно сказать, въ немъ заключается источникъ, изъ котораго вытекаютъ рѣки, утоляющія жажду человѣческихъ сердецъ.

Эгоизмъ, распространяющійся на троихъ, скажете вы. Что за бѣда, если изъ этого эгоизма рождается самоотверженіе?

Развѣ вы можете упрекать бабочку въ томъ, что прежде она была гусеницей?

Не обвиняйте меня за все это въ преувеличеніи или лиризмѣ.

Да, семейная жизнь часто бываетъ слишкомъ тиха и прозрачна, и не даромъ въ ея гербѣ красуется кухонный горшокъ, съ этимъ я согласенъ. Мужу, который сказалъ бы мнѣ: „Представьте, я уже два дня сряду засыпаю, сидя дома у камина;“ я бы отвѣчалъ: „Значитъ, вы слишкомъ лѣнивы, но, тѣмъ не менѣе, я васъ понимаю.“

Я понимаю также, что труба, на которой играетъ ребенокъ, слишкомъ шумна, что дѣтскія золотыя вещи страшно дороги, также какъ и кружевные воланы и собольи мѣха; понимаю, что балы скучны, что у жены бываетъ дурное расположеніе духа, разныя глупости и скучныя требованія; я понимаю даже и то, что человѣкъ, которому улыбается карьера, смотритъ на

свою жену и ребенка, какъ на двѣ палки, которыя ему подставили подъ ноги.

Но я подожду минуты, когда лобъ этого счастливаго человѣка наморщится, или ему, какъ свинецъ на голову, обрушится обманъ и какъ онъ тогда, поднявъ палки, которыя недавно проклиналъ, сдѣлаетъ себѣ изъ нихъ костыли.

Я допускаю, что Александръ Великій, Наполеонъ Первый и подобные имъ полубоги рѣдко чувствовали всю прелесть положенія отца и мужа; но мы, ничтожные смертные, менѣе ихъ занятые, непремѣнно должны сдѣлаться тѣми или другими.

Я не вѣрю счастью старыхъ холостяковъ, не вѣрю въ счастье всѣхъ тѣхъ существъ, которыя по разсчету или безумію не подчинились самому прекрасному общественному закону. Много было говорено объ этомъ предметѣ и я вовсе не хочу увеличивать объемъ этого огромнаго процесса; но признайтесь откровенно, вы всѣ, съ страшнымъ біеніемъ сердца услышавшіе крикъ своего новорожденнаго ребенка, если вы только не идіоты, не говорите-ли вы себѣ въ эту минуту: Вотъ самый истинный и прекрасный

путь. Я иду по торной, избитой, но прямой дорогѣ: мнѣ встрѣтятся скучныя, однообразныя степи, но съ каждымъ шагомъ я приближаюсь къ цѣли. Я не странствую въ жизни, а иду. Я поднимаю ногами пыль тамъ же, гдѣ проходилъ мой отецъ. Мой ребенокъ найдетъ на этой дорогѣ слѣды моихъ шаговъ и, можетъ быть, увидѣвъ, что я не сбился съ пути, скажетъ: Будемъ и мы поступать по примѣру бѣднаго старика, не станемъ блуждать по обработанному полю.

Если слово: „святость" имѣетъ еще смыслъ, вопреки всему тому, что изъ него дѣлаютъ, я не вижу, къ чему его можно лучше примѣнить, какъ къ семьѣ.

Много говорятъ о прогрессѣ, правосудіи, общественномъ благосостояніи, непогрѣшимой политикѣ, патріотизмѣ и самоотверженіи.... Я, конечно, также сочувствую всѣмъ этимъ прекраснымъ вещамъ; но весь этотъ блестящій горизонтъ резюмируется въ трехъ словахъ: любить своего ближняго, а этому-то именно, таково по крайней мѣрѣ мое мнѣніе, насъ и забываютъ учить.

Любить своего ближняго есть самая обыкновенная вещь, а часто-ли вамъ приходится встрѣ-

чать это такое естественное чувство? Есть люди, которые покажутъ вамъ на ладони зародышъ этого чувства и, хотя развитіе этого прекраснаго растенія находится въ ихъ рукахъ, они никогда не покажутъ вамъ его отпрысковъ.

Ну, вотъ, любезный читатель, это маленькое растеніе, которое должно бы было расти во Франціи въ томъ же изобиліи, какъ полевой макъ, растеніе, никогда не поднимающееся выше мелкой травы, и которое должно бы было превышать собой дубы, я знаю, гдѣ оно живетъ.

Оно живетъ въ уголкѣ домашняго очага, между щипцами и лопаткой, около кухоннаго горшка; тамъ оно увѣковѣчивается и если еще существуетъ, то именно только благодаря семьѣ. Я отчасти люблю всѣхъ филантроповъ и спасителей человѣчества, но вѣрю только въ тѣхъ, которые научились любить ближняго, обнимая собственныхъ дѣтей.

Трудно передѣлать человѣка для удовлетворенія человѣколюбивыхъ теорій; всякій человѣкъ — эгоистъ и любитъ больше всего то, что его окружаетъ. Вотъ совершенно естественное и человѣческое чувство; нужно стараться раз-

вить и увеличить его. Однимъ словомъ, въ семейной любви заключается любовь къ отечеству, а слѣдовательно, и ко всему человѣчеству. Изъ отцовъ образуются граждане.

Въ человѣкѣ не бываетъ тридцати шести двигателей, у него есть одинъ двигатель: сердце; не спорьте съ нимъ, а старайтесь извлечь изъ него пользу.

Привязанность постепенно распространяется на все окружающее. Взаимная любовь трехъ лицъ, если она сильна, скоро требуетъ большаго пространства; она раздвигаетъ стѣны домовъ и мало по малу обнимаетъ собой и ближнихъ.

Важнѣе всего тутъ зарожденіе взаимной любви между тремя существами. Я боюсь, что будетъ нѣсколько неблагоразумно желать, чтобъ сердце человѣка вмѣщало въ себѣ весь человѣческій родъ. Трудно заразъ, безъ приготовленія, глотать такіе большіе куски.

Вотъ почему я всегда думалъ, что тѣ деньги. которыя собираются на выкупъ маленькихъ китайцевъ, могли бы затопить во Франціи много погасшихъ каминовъ, заставить блестѣть много

глазъ видомъ дымящагося супа, отогрѣть многихъ окоченѣлыхъ матерей, вырвать улыбку на похудѣвшія личики дѣтей и доставить бѣдняку блаженство вернуться домой...

Сколько звонкихъ французскихъ поцѣлуевъ раздалось бы, благодаря этимъ деньгамъ! а это также поливка тому маленькому растенію, о которомъ я вамъ говорилъ.

— А что же станется съ торговлей маленькими китайцами?

Чтоже дѣлать; объ ней мы подумаемъ позже; для того, чтобы мочь любить чужихъ, нужно умѣть любить своихъ. Это грубо, эгоистично, но измѣнить этотъ законъ невозможно. На маленькихъ недостаткахъ созидаются великія добродѣтели. Не ропщите на это, этотъ самый эгоизмъ и есть краеугольный камень великаго монумента — въ настоящее время окруженнаго подмостками, — который называется обществомъ.

КАТРЕЛЬ.

26-е декабря.

Комната холостяка. Инвентарь мебели составить не трудно; кушетка, орѣховый столъ, два соломенныхъ стула и чемоданъ. Около окна жаровня. На каминѣ тазъ, графинъ... и больше ничего. Кровать не измята, хотя уже семь часовъ утра. Дождь бьетъ въ окна, въ каминѣ воетъ вѣтеръ. Темно, холодно.

Подлѣ стола сидитъ молодой человѣкъ. Передъ имъ, въ отворенномъ ящикѣ разбросаны письма, портреты, брилльянтовая запонка, засохшій листъ и шолковый чулокъ.

Обитателю этого грустнаго жилища тридцать лѣтъ. Его щеки впалы, губы блѣдны, волосы

въ безпорядкѣ. Только въ однихъ глазахъ видна жизнь; ихъ оживляетъ лихорадка. Платье хотя и бѣдно, но довольно изящно. Какъ увядшая роза выглядитъ все таки лучше только что распустившагося репейника, такъ и въ бѣднякѣ, дрожащемъ отъ холода передъ своими воспоминаніями, несмотря на поношенное платье, все таки видна порода.

Этотъ холодный, темный день есть достойная годовщина его рожденья. Сегодня же его и имянины.

Такъ какъ онъ родился 26 Декабря, у отца его, человѣка предусмотрительнаго, явилась экономическая идея—дать ему имя Этьена. Такимъ образомъ, явилась возможность все время, пока онъ былъ ребенкомъ, дѣлать однимъ камнемъ три удара, то есть дарить ему за рожденіе, имянины и Новый годъ одну куклу.

Бѣдный Этьенъ! Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ отверженныхъ существъ, въ отношеніи которыхъ общество не считаетъ себя безсильнымъ стѣсняться. Оно сторонится, чтобы не задѣть однихъ, не сознавая своего великодушія, и въ

тоже время давитъ другихъ, не сознавая своей жестокости.

Эти паріи, повидимому, ничѣмъ не отличаются отъ другихъ, а между тѣмъ судьба таки узнаетъ ихъ въ толпѣ и безпощадно разитъ своими ударами, гдѣ бы они ни были, куда бы ни прятались и какъ бы ни молили ее о пощадѣ. Самыя грандіозныя комбинаціи считаются никуда не годными только потому, что выработаны ихъ проклятымъ мозгомъ, а самыя безобразныя мерзости процвѣтаютъ и торжествуютъ лишь на томъ основаніи, что родились въ головахъ людей, пользующихся покровительствомъ судьбы. Часто въ этомъ гоненіи принимаетъ участіе даже природа.

Не случалось ли вамъ знавать такихъ людей, которыхъ всюду и всегда сопровождаетъ солнечный лучъ, которые отдыхаютъ при лунномъ свѣтѣ и блескѣ звѣздъ, тогда какъ отверженцы живутъ подъ постояннымъ проливнымъ дождемъ, стоя по колѣни въ грязи? Вездѣ, куда бы ни шли одни, — свѣтитъ солнце; всюду, куда бы ни направились другіе — воетъ, вѣтеръ

и гремитъ громъ. Бѣдный Этьенъ! Онъ все перепробовалъ и нигдѣ ему не повезло.

Онъ старательно учится въ коллегіи; значитъ, онъ такъ тупъ, что ему все трудно. Онъ отдыхаетъ; значитъ, онъ ни на что не годится. А чтоже онъ дѣлаетъ, когда наступаетъ время держать экзамены? Онъ заболѣваетъ, а между тѣмъ мы знаемъ, что онъ сдалъ бы ихъ блистательно. Вслѣдъ затѣмъ онъ является на слѣдующій экзаменъ и выдерживаетъ его. Наконецъ, онъ принятъ въ Сенъ-Сиръ. На завтра же онъ простуживается, здоровье его оказывается слишкомъ слабо для того, чтобы продолжать карьеру, цѣль которой убивать или быть убитымъ. Онъ поступаетъ на службу въ страховое общество; тутъ находятъ, что онъ слишкомъ много знаетъ. Опредѣляется къ красильщику, вести счеты и книги; тутъ опять оказывается, что онъ знаетъ слишкомъ мало. Вдругъ умираетъ скоропостижно дядя, которому на этотъ разъ судьба не успѣла продиктовать его посмертныхъ распоряженій. И вотъ Этьенъ становится обладателемъ 25,000 франковъ годоваго дохода. Одинъ банкиръ, революція, да

двѣ или три дѣвицы начали работать надъ его разореніемъ.

Чтобы изгрысть кость въ 500,000 франковъ, даже и не требовалось такъ много челюстей; и такъ, черезъ четыре года, Іовъ считалъ однимъ товарищемъ больше.

Тогда начались дни испытаній, которыя пойметъ только человѣкъ, прошедшій черезъ нихъ, тутъ начался быстрый отливъ дружбы, любви; благодарности и вѣчной преданности, мечты разлетѣлись, надежды рушились; явились одиночество, голодъ, холодъ и отвращенье. Люди, прежде обращавшіеся къ вамъ съ постоянными просьбами, теперь разсыпаются въ сожалѣніяхъ на счетъ того, что ваши сапоги разорваны, платье потерто, бѣлье рвано, и упоминаютъ обо всемъ этомъ нарочно для того, чтобы показать, что и имъ извѣстно, до какой степени нищеты вы дошли. Тѣ, которыхъ вы прежде одолжали, стоя съ сигарами въ зубахъ на крыльцѣ „Maison d'Or, говорятъ вамъ:“ Милый мой, вѣдь я вамъ это предсказывалъ!“ Благоразумные негоціанты никогда не посмѣютъ взять къ себѣ даже въ

качествѣ переписчика писемъ, человѣка, который „проѣлъ свое состояніе“; прежніе друзья не даютъ вамъ мѣста на службѣ, которое могло бы спасти васъ отъ голодной смерти, на томъ основаніи, что эта должность ниже вашихъ достоинствъ, заслугъ и той привязанности, которая соединяла васъ въ счастливые дни... и еще мало ли что!..

Наконецъ, наступаетъ день, когда все продано, остаешься одинъ, послѣдняя капля крови сочится изъ сердца, воображеніе отказывается работать, послѣдняя мечта улетѣла вслѣдъ за всѣмъ остальнымъ; когда весь свѣтъ представляется мѣстомъ страданій и мукъ, душа и тѣло требуютъ пищи, а дать имъ нечего.

Тогда, окруженный густымъ холоднымъ туманомъ, который разстилается передъ вами, вы теряете охоту идти впередъ по этой тернистой дорогѣ, гдѣ съ каждымъ шагомъ у васъ является новая рана, и вамъ приходитъ въ голову, что пора кончить драму и придумать ей развязку. Въ формѣ чего же она явится? будетъ-ли это пистолетъ, веревка, рѣка, ядъ или

уголь? Все равно, тутъ дѣло только въ подробностяхъ.

Избави васъ Богъ дойдти до такого состоянія; благословляйте его каждый день, какъ бы ни было тяжело ваше бремя, если вамъ еще никогда не приходила въ голову такая мысль.

Бѣдный Этьенъ! его посѣтилъ самый угрюмый изъ всѣхъ призраковъ, называющійся „самоубійствомъ“, и глядя на него часто, онъ кончилъ тѣмъ, что совершенно съ нимъ освоился.

Вчера, онъ седьмой разъ постучалъ въ дверь своего друга дѣтства, котораго просилъ достать мѣсто, и въ седьмой разъ ему отвѣчали: „баринъ въ деревнѣ“. Онъ пролилъ свою послѣднюю слезу, похоронилъ послѣднюю надежду, разорвалъ послѣдніе сапоги, продалъ паслѣднюю книгу и проѣлъ послѣдній сантимъ. Тогда къ нему явился за приказаніями призракъ.—Что это назначено на сегодняшній вечеръ? сказалъ онъ. Время самое благопріятное. Никогда намъ не представится болѣе удобный случай. Человѣкъ очень глупо всегда представляетъ себѣ пугаломъ то, чего не знаетъ, точно такъ онъ клевещетъ и на смерть. Взгля-

ни на это зловѣщее небо, пасмурную погоду. Вода не сырѣе этого воздуха. Дождь хлещетъ, а рѣка убаюкиваетъ. Дождь растворяетъ землю, все пачкаетъ и грязнитъ. У рѣки же есть прекрасныя простыни изъ песку. Все непроницаемо на землѣ; въ глубинѣ же водъ, напротивъ, все прозрачно. Вода сравняла и сгладила свои камни для того, чтобы не ушибались объ нихъ ея гости. Нѣтъ ложа мягче ея. Пойдемъ со мной сегодня вечеромъ. Я нашелъ самый удобный уголокъ и если бы зналъ, что ты не передумаешь, то приберегъ бы его для тебя. Но нужно спѣшить, а то меня зовутъ во всѣ стороны.

Этьенъ качаетъ головой, онъ не считаетъ себя въ правѣ умереть, не заплативъ долги.

— Сколько тебѣ нужно для этого?

— Пятьдесятъ франковъ.

— Ты называешь это долгами? Хвастунъ!

— Развѣ ты думаешь, что легко задолжать столько, если не имѣешь никакихъ средствъ?

— Ты, значитъ, не хочешь, чтобы тебя жалѣли?

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— Что у такого бѣдняка, какъ ты, есть

только одно средство заставить плакать по себѣ, это—покинуть свѣтъ, не удовлетворивъ своихъ кредиторовъ. Если ты имъ заплатишь, объ чемъ же имъ плакать?

— Ты мнѣ противенъ.

— Очень благодаренъ. Стоитъ послѣ этого любить людей!

— Я не желаю твоей любви.

— Ну, ты не въ духѣ теперь, я приду послѣ.

Призракъ исчезаетъ, но невидимо вертится около своей добычи. Этьенъ съ грустью шелъ по пустой улицѣ, не сознавая, куда и зачѣмъ идетъ. Зачѣмъ онъ пойдетъ именно по той, а не по другой улицѣ? Если вѣрно, что всѣ дороги ведутъ въ Римъ, то къ обману они приведутъ еще вѣрнѣе. Призракъ положилъ на троттуаръ изящный портъ—монэ съ шестью десятифранковыми монетами. Этьенъ увидалъ его и поднялъ. Какъ бьется его сердце и дрожатъ руки, прикасаясь къ такому богатству! Но онъ вспомнилъ, что долженъ представить свою находку въ полицейскую префектуру и лобъ его наморщился. Онъ вертитъ въ рукахъ вещицу и разбираетъ

ея малѣйшія подробности. Это портъ-монэ—изъ слоновой кости съ серебрянными украшеніями. Вѣроятно, оно принадлежало какой нибудь молодой, богатой женщинѣ. Графская корона надъ вензелемъ доказываетъ, что она высокаго происхожденія.

Въ особомъ отдѣленіи лежитъ квитанція, удостовѣряющая, что приняты для отправленія въ Руанское благотворительное общество 1000 франковъ. Если эта женщина въ состояніи жертвовать такую крупную сумму бѣднымъ, то ее, конечно, не огорчитъ потеря шестидесяти франковъ. Вѣдь и тутъ также доброе дѣло... Этьенъ вступаетъ въ сдѣлку со своей совѣстью; онъ оставляетъ себѣ найденныя деньги.

Рѣшивъ этотъ главный пунктъ, какъ онъ распорядится своимъ богатствомъ? Попробовать ли ему еще, гоняясь за счастьемъ, протянуть нѣсколько дней, или разъ на всегда покончить съ жизнью? Случай удобный, соблазнительный. Онъ умретъ.

— Эй, смерть!... Эй, послушай, моя милая, я сейчасъ прогналъ тебя, а теперь раскаиваюсь. Теперь я имѣю право идти за тобой. Веди же меня.

Привидѣніе сейчасъ же явилось.

— Ну, вотъ и прекрасно, мужественная душа!... Теперь я узнаю тебя. Хочешь идти сейчасъ? Это не долго, а я сію минуту...

— Благодарю, ты слишкомъ торопишься.

— Ты предпочитаешь рѣку, не такъ-ли? Ты правъ. Я велю сейчасъ все приготовить для твоего пріема. Сегодня къ ночи у тебя будетъ постлана простыня изъ бѣлаго песку. Къ которому часу велѣть тебѣ приготовить покрывало?

— Я не хочу топиться, всѣ утопленники отвратительны.

— Изъ кокетства? Пусть такъ, я самъ люблю красоту и изящество. Я обыкновенно не дурно выбираю себѣ кліентовъ; когда уже самое трудное сдѣлано... А что ты скажешь о петлѣ?

— Фу!... Висѣльники также гадки, какъ и страшны.

— Ну, мой милой, вы ужь черезъ чуръ разборчивы, вѣдь не я васъ искалъ, а вы меня, не такъ-ли? Кончимъ же скорѣе. Вы меня звали, и согласитесь, что я обошолся съ вами очень любезно. Но я хочу доказать вамъ, что

снисходителенъ до крайности и согласенъ еще потолковать. Такъ какъ вы нѣсколько прихотливы касательно образа смерти, то нѣтъ ничего лучше угля. Это чисто, практично, нисколько не обезображиваетъ и на пять су его дадутъ, сколько угодно. Нравится-ли вамъ этотъ способъ?

— Хорошо, но...

— Какъ!... Опять является „но“?

— Я не хочу умирать раньше завтрашняго дня. Я желаю умереть въ день моего рожденія. Кромѣ того, мнѣ еще нужно сдѣлать нѣкоторыя распоряженія.

— Находясь между жизнью и смертью, вы напоминаете мнѣ Бюридоловскаго осла между своими двумя корзинами. Мнѣ некогда; до свиданья. Когда вы рѣшите окончательно, позовите меня.

У Этьена уже не было долговъ, когда онъ вернулся домой. Онъ купилъ на десять франковъ цвѣтовъ и приказалъ женщинѣ, завѣдывавшей его хозяйствомъ, принести завтра утромъ пораньше древеснаго угля и клейстеру. Потомъ, войдя въ свою комнату, онъ рѣшилъ, что выйдетъ изъ нея не иначе, какъ мертвымъ.

Ночь прошла очень скоро. Нужно было все приготовить. Наконецъ, всѣ бумаги сожжены, остается едва какихъ нибудь двадцать писемъ. Это все воспоминанія молодости, которыя онъ сперва цѣловалъ тысячу разъ и съ гнѣвомъ мялъ потомъ. Этой-то связкой предполагается зажечь въ жаровнѣ уголья.

Пробило семь часовъ. Женщина, приходящая обыкновенно убирать его комнату, стучитъ въ дверь.

— Войдите! кричитъ Этьенъ, проворно задвигая отпертый ящикъ стола.

— Какъ же я могу войдти? У васъ дверь заперта на ключъ.

Этьенъ всталъ и отворилъ.

— Господи, какъ вы блѣдны, вскричала бѣдная женщина, стоя неподвижно на порогѣ. Вѣрно, вы захворали ночью?

— Нѣтъ, мадамъ Мартино, я не боленъ. Но ради Бога, входите скорѣе и запирайте дверь. Здѣсь совсѣмъ не такъ тепло, чтобы оставлять ее отворенной.

Старуха послушалась. Она ставитъ свой дож-

девой зонтикъ, съ котораго такъ и льетъ вода, въ каминъ и видитъ тамъ цѣлую кучу жженой бумаги. Посматривая вокругъ себя, она замѣчаетъ, что постель не смята, свѣча догорѣла до конца, въ комнатѣ, вмѣсто всегдашняго безпорядка, все убрано; взглядъ ея останавливается на букетѣ, красующемся въ горшкѣ для воды.

—А! вы теперь ужъ сами убираете свою комнату.

— Я ждалъ одного человѣка сегодня очень рано утромъ, прерываетъ ее сконфуженный Этьенъ. Поэтому и привелъ все немного въ порядокъ. Принесли ли вы то, что я просилъ?

— Какъ же, принесла. Вотъ уголь, настоящій парижскій. Онъ горитъ, какъ трутъ, а зажигается чуть не отъ одного взгляда.

— А клейстеръ?

— Вотъ онъ. Что это вы хотите дѣлать?

— Узнаете завтра, мадамъ Мартино, подождите немножко.

— Повѣрьте, что я спросила не изъ пустаго любопытства. Мнѣ хотѣлось бы вамъ помочь.

— Благодарю васъ, сегодня вы мнѣ не нужны.

— Не затопить-ли вамъ каминъ?

— Нѣтъ, нѣтъ.

— Если вы хотите что нибудь сготовить, такъ я могла бы...

— Еще разъ повторяю, мнѣ ничего не нужно.

— Удивительно, думаетъ добрая женщина, какой странный сегодня мосьё Этьенъ. Здѣсь какъ-то такъ пахнетъ могилой, что самое жесткое сердце лопнетъ.

— Такъ прощайте же, мосье Этьенъ, если я не нужна сегодня.

— Прощайте, моя добрая мадамъ Мартино.

Старуха идетъ къ двери. Какъ сжимается сердце Этьена, видя, что она уходитъ. Вѣдь это послѣднее живое существо, которое онъ видитъ. Это бѣдное созданье принимало въ глазахъ его эпическія пропорціи. Вѣдь для умирающаго она олицетворяла собой жизнь. Ручка двери скрипнула.

— Такъ вы уходите.. мадамъ Мартино?

— Вѣдь вы же сказали, чтобъ я уходила.

— Это правда. Вамъ здѣсь, кажется, больше нечего дѣлать?

Дверь пріотворяется.

— Подождите! поспѣшно говоритъ Этьенъ. Мнѣ нужно еще что-то вамъ сказать.

— Что вамъ угодно, мой милый баринъ? говоритъ старуха, входя опять поспѣшно въ комнату. Увѣряю васъ, что вы больны. Никогда я не видѣла васъ такимъ блѣднымъ, какъ сегодня.

Этьенъ сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ рукой.

— Ну, хорошо, пусть вы здоровы, если вамъ такъ хочется. А что же вы хотѣли мнѣ сказать?

— Что я часто бывалъ съ вами грубъ и что теперь очень сожалѣю объ этомъ.

— Вы! Грубы? Полноте, пожалуйста. Вы всегда были олицетворенная кротость и вѣжливость; если бы всегда приходилось имѣть дѣло съ такими господами, какъ вы, то всѣ бы пожелали сдѣлаться прислугами. Развѣ вы уѣзжаете куда нибудь, мосье Этьенъ? Вы сегодня все говорите такія вещи, которыя обыкновенно говорятся при прощаньѣ.

— Мнѣ уѣхать? Куда же вы хотите, чтобы я поѣхалъ? Нѣтъ, нѣтъ, завтра вы найдете меня здѣсь же.

— Ну, и прекрасно! Такъ до свиданья же?

— Прощайте.

— До свиданья.

Старуха ушла. Этьенъ прислушивается къ звуку ея шаговъ. Наконецъ, когда всякій шумъ совсѣмъ утихъ, онъ упалъ на стулъ и просидѣлъ такъ нѣсколько минутъ, сжавъ лобъ руками. Теперь онъ окончательно рѣшился; сейчасъ онъ умретъ.

Онъ нарѣзываетъ широкія полосы бумаги и заклеиваетъ ими всѣ отверстія, въ которыя могъ бы проникнуть воздухъ: сперва въ окнѣ, потомъ въ двери. Заклеенная такимъ образомъ комната отчасти становится похожа уже на гробъ. Потомъ, собравъ кое-какія старыя вещи, онъ ими герметически закрываетъ отверстіе въ каминѣ. Вѣтеръ, до сихъ поръ свистѣвшій со всѣхъ сторонъ, мало по малу утихаетъ. Теперь онъ слышенъ только со двора.

Окончивъ всѣ эти приготовленія, Этьенъ выбрился, причесался какъ можно тщательнѣе, выбралъ самое лучшее платье и самое чистое бѣлье. Потомъ онъ приводитъ все въ порядокъ, чиститъ мебель, вытираетъ вездѣ пыль, ставитъ цвѣты на каминъ и съ удовольствіемъ оглядываетъ свою комнату.

Все готово, теперь ему остается сдѣлать одно только дѣло: умереть. Это будетъ не трудно. Голодъ уже положилъ починъ дѣлу.

Онъ придвигаетъ жаровню къ столу и, чтобъ зажечь уголья, беретъ первую связку писемъ и узнаетъ въ нихъ почеркъ своей матери.

Бумага пылаетъ, но уголь отказывается горѣть. Да и могли-ли эти письма зажечь то, что его убьетъ? У него дѣлается головокруженіе, изъ глазъ сыплются искры, кровь бьетъ въ виски; ему уже слышится гдѣ-то вдали похоронный звонъ, и онъ падаетъ, облокотясь на столъ. Вдругъ передъ нимъ является женщина.

— Бѣдное мое дитя, говоритъ она, возможно-ли, чтобы ты дошелъ до этого!

— Какъ! Это вы, дорогая матушка? Какъ я счастливъ, что вижу васъ. Развѣ я уже умеръ, что мы соединились съ вами?

— Нѣтъ, мой бѣдный мученикъ, ты живъ еще. Если когда нибудь ты меня любилъ и теперь уважаешь мою память, то будешь жить.

— Если бы только вы знали все, что я вытерпѣлъ, то не стали бы меня просить объ этомъ.

Къ тому же, меня ничто не въ состояніи спасти. Если я не убью себя сегодня утромъ, то все равно вечеромъ умру отъ голода и холода.

— Зачѣмъ же тогда брать на себя безполезную отвѣтственность передъ Богомъ? Зачѣмъ отягощать себя преступленіемъ, являясь къ нему? Если часъ близокъ, зачѣмъ его опережать?

— Ахъ! матушка, я такъ усталъ. Теперь, увидѣвъ васъ, мнѣ хочется какъ можно скорѣе соединиться съ вами. Я хочу попрежнему наплакатся въ вашихъ объятіяхъ.

— Въ томъ мірѣ, гдѣ я живу, слезъ не существуетъ, бѣдное мое дитя. Ты пожалѣешь, что не будешь въ состояніи проливать ихъ; какъ ошибаются тѣ, которые, говоря про наше кратковременное пребываніе на землѣ, совѣтуютъ „подумать о жизни“, намъ скорѣе нужно думать о смерти! Воспользуйся моей опытностью, милый, и пока еще не поздно, позаботься о своей новой жизни и помни эту истину, которая будетъ тебѣ поддержкой въ будущемъ: Каждому человѣку назначено испытать по равной части горя и радостей; какъ бы ни было тяжело его бремя,

онъ долженъ быть увѣренъ, что столько же придется на его долю и счастья. Чѣмъ больше ты испыталъ горя, тѣмъ больше радостей ждетъ тебя впереди. Мужайся, и для тебя настанетъ счастливая жизнь; продолжай же бороться.

— Развѣ жизнь можетъ мнѣ дать такую высокую радость, какую доставитъ смерть, соединивъ меня съ вами?

— Мы не соединимся, если ты самовольно разстанешься съ жизнью. Я не хочу, чтобы ты умеръ такимъ образомъ. Ты слышишь? Я не хочу этого.

Этьенъ поднялъ глаза. Передъ каминомъ стояла смерть и, улыбаясь, ощипывала листочки цвѣтовъ.

— Вѣрно, правда, сказала она, что чужое горе не тяготитъ нашихъ плечъ! Вотъ мать, которой остается только нѣсколько минутъ пробыть съ сыномъ; на что же она ихъ употребляетъ? Она совѣтуетъ ему страдать и терпѣть. Сейчасъ видно, что это говоритъ мертвая! Ваша задача кончена, вы избавлены отъ всякаго горя, спокойно скрещиваете руки, укладываетесь какъ можно удобнѣе въ своемъ гробѣ и предлагаете

своему ребенку бороться съ жизнью. Въ такомъ случаѣ, я же, право, нѣжнѣе васъ, такъ какъ предлагаю ему покой. Не слушай совѣтовъ этой женщины. Покажи, что у тебя есть энергія и докончи начатое дѣло. Иначе ты будешь смѣшонъ. Берегись этого.

Мать хочетъ говорить, призракъ заглушаетъ ея голосъ. Она хочетъ подойдти; но онъ заступаетъ ей дорогу. Послѣдній листокъ послѣдняго письма погасъ.... видѣніе исчезаетъ.

— Матушка, я хочу идти съ тобой. Говори со мной еще. Не оставляй меня. Матушка! матушка!

— Ты совершенный ребенокъ, говоритъ призракъ; но я хоть насильно сдѣлаю тебя счастливымъ. Онъ беретъ еще бумаги изъ ящика, гдѣ собраны всѣ воспоминанія, зажигаетъ ихъ и бросаетъ на жаровню. Вслѣдъ за этимъ является еще женщина. Она стоитъ на колѣняхъ передъ жаровней. Упершись обѣими руками въ полъ, она усердно раздуваетъ пламя, и уголь уже загорается.

— Кто вы такая?

Видѣніе поднялось, присѣло на пятки и посмотрѣло въ лицо Этьену. У нее толстое, красноватое лицо, все испещренное веснушками, волосы пыльнаго цвѣта. Одинъ уголъ тряпки, замѣняющей ей передникъ, заткнутъ за поясъ. Ея руки... ахъ! что это за руки! Онѣ жирны и красны, какъ будто только что выкупались въ кипящемъ салѣ. Обгрызенные до мяса ногти все таки грязны. На каждой складкѣ ея кожи, въ каждой порѣ видны слѣды жиру.

— Кто вы такая? повторяетъ Этьенъ.

— Какъ, вы меня не узнали? Вы не узнали Франсуазъ?

— Франсуазъ?

— Ну, да, вашу маленькую Франсуазъ, первую свою любовь. Значитъ, вы забыли, негодный, тѣ часы, которые проводили со мной около печки, когда я васъ учила... Но вы все-таки не забыли то, чему я васъ выучила, не правда ли?

— Уйдите прочь, мнѣ стыдно. Вы на меня наводите ужасъ.

— Ну, нечего сказать, вы очень любезны. Очень вамъ благодарна! Я вижу, что вы нахо-

дитесь въ затруднительномъ положеніи, и думаю себѣ: хорошо! нужно развести огонь, это мое дѣло; прихожу вамъ помочь, а вы такъ-то меня принимаете? Какъ вамъ кстати гордиться! Тѣмъ больше, что вы были первый мужчина, который на меня обратилъ вниманіе. Неизвѣстно вѣдь, сколько любви иногда таится подъ тряпками; сколько дѣтей прошло черезъ наши руки. Вы сами не важная птица, вы ничего больше, какъ...

Къ счастію, видѣніе исчезаетъ. Послѣ него остается запахъ жиру, способный смягчить самыя жесткія сердца.

Этьенъ бросаетъ въ огонь новую горсть писемъ. Отъ нихъ въ воздухѣ распространяется благоуханіе. Это запахъ извѣстный, но назвать, какой именно, нельзя: пахнетъ просто весной. Въ ногахъ на кровати сидитъ молодая дѣвушка. Ей никакъ не больше восемнадцати лѣтъ. Волосы у нея, бѣлокурые, вьющіеся, глаза голубые, рѣсницы черныя. Достаточно посмотрѣть только на углы ея рта, чтобъ сойдти съума. Все въ этомъ прелестномъ существѣ дышетъ моло-

достью, любовью, веселостью, своеобразіемъ. На ней платье, по цвѣту совершенно подходящее къ глазамъ; оно также, какъ и казакъ, голубое, бархатное. Сапожки также голубые изъ муаре антикъ.

Прибавьте къ этому, въ ушахъ, на пальцахъ, на лифѣ и на рукахъ серьги, кольца, застежки, браслеты, все украшенное сапфирами и бриллья-нтами. Представьте себѣ подъ платьемъ юбки съ кружевами ногу, обутую въ шолковый чулокъ, и передъ вами та прелестная голубая птичка, которая сидитъ въ ногахъ кушетки.

— Клотильда, вскричалъ Этьенъ, протягивая къ ней руки.

— Не подходите близко! отвѣчаетъ голубая тѣнь. Вы знаете, я не люблю, когда мнѣ мнутъ платье.

— Какая же ты красавица, моя возлюбленная! Я тебя еще никогда не видѣлъ такой хорошенькой.

— Я хороша собой? красива? Ну, въ такомъ случаѣ, чтоже ты тамъ дѣлаешь? Поцѣлуй меня. Ты знаешь, что я люблю тебя, большой ребенокъ.

— Развѣ я не былъ бы ужъ давно въ твоихъ объятіяхъ, еслибы могъ двинуться съ мѣста?

— Что же ты дѣлаешь?

— Умираю.

— Какія глупости! Умереть? да зачѣмъ же?

— Зачѣмъ? Затѣмъ, во первыхъ, чтобъ не жить, а еще затѣмъ, что это должно быть чрезвычайно хорошо.

— Нужно было придти ко мнѣ. Ты не повѣришь, сколько-бы у меня нашлось утѣшеній.

— Ты меня вытолкала за дверь.

— Нужно было войдти черезъ окно.

— Я не смѣлъ... я разорился.

— А! это дѣло другое. Въ такомъ случаѣ, ты очень милъ, что не пришелъ. Нѣтъ ничего скучнѣе, какъ напрягать свое воображеніе задаромъ.

— Причина нашей разлуки, казалось мнѣ...

— Подожди же. Изъ-за чего мы разошлись?

— Ты развѣ не помнишь?

— Право, нѣтъ. Я со столькими расходилась!

— Въ то время, когда ты еще носила платье изъ жакона, у тебя и тогда уже была страсть,

впрочемъ, весьма похвальная, къ чистому бѣлью.

— Она у меня есть и теперь. Посмотри. Видѣніе приподняло платье и юбки.

— Только нужно быть очень осторожнымъ для того, чтобы бѣлье было совершенно чисто; мы никогда иначе не выѣзжали, какъ въ каретѣ. „Берегись, говорила ты мнѣ; при первомъ пятнѣ грязи, которое я увижу, — я тебя брошу". Такъ что я хотѣлъ бы устлать коврами всѣ парижскія улицы и дороги за городомъ. Но вотъ, въ одинъ прекрасный день, я забылъ дома кошелекъ, и тебѣ пришлось пройдти немножко пѣшкомъ. Погода была великолѣпная! Небо ярко голубое, поля зеленыя.—Какое чудное небо!.. сказала ты, поднимая глаза. Я хочу имѣть платье такого голубаго цвѣта.

— Какъ въ „Ослиной шкурѣ"?

— Какъ въ „Ослиной шкурѣ". И такъ какъ я выразилъ нѣкоторое сомнѣніе относительно возможности найдти жакона̀ цвѣта небесной лазури, то ты на меня разсердилась. Вечеромъ, ты мнѣ показала пятнышки грязи на своемъ бѣломъ чулкѣ.

— Теперь я все это припоминаю.

— И гдѣ ты нашла грязь, въ такую чудную погоду?

— Боже мой! стоитъ только поискать!

Этьенъ тяжело и продолжительно вздохнулъ. Письма сгорѣли, видѣніе исчезло.

Загорается новая связка писемъ. Почти тотчасъ же на каминѣ облокачивается женщина. Она высока ростомъ, плечи широкія, талія тонкая. Цвѣтъ волосъ рыжеватый, какъ у Магдалины.

Глаза ея были совсѣмъ особеннаго свойства; они были нѣжны, какъ фіалка, и блестящи, какъ каменный уголь.

— Скажите-ка, молодой человѣкъ, какъ ваше имя?

Умирающій поворачиваетъ голову.

— Луиза?

— Мое имя Луиза, а ваше?

— Какъ, ты не узнаешь Этьена?

— Этьенъ... такъ! Этьенъ. Вотъ уже шесть мѣсяцевъ, какъ это имя вертится у меня на языкѣ. Какъ ты поживаешь, милый мой?

— Какъ! ты меня совсѣмъ забыла?

— Совсѣмъ я не забыла тебя, я же говорю, что я все припоминала твое имя. Но люди придумали такъ много именъ, что, право, не трудно потеряться.

— И ты потерялась?

— Да, въ одинъ прекрасный день! ты самъ это помнишь. Если бы моя семья вздумала пообѣщать приличную награду...

— Ты бы нашлась, чтобы получить ее.

— Можетъ быть.

— И такъ, ты позабыла мое имя?

— Совершенно забыла. Чтобы припомнить, я просматривала разъ тридцать календарь; но никогда не могла искать дальше Іюня. Ты знаешь, что я не особенно терпѣлива.

— Зачѣмъ ты искала мое имя?

— Отгадай.

— Ты вспомнила день нашей разлуки, когда ты сказала мнѣ: Можетъ быть, когда нибудь я еще полюблю тебя. Возьми эту брилліантовую запонку; видишь, я разрознила пару. Если я захочу, чтобы ты снова полюбилъ меня, я приду соединить ее.

Повидимому, у тебя не явилось этого желанія?

— Ты ошибаешься, желаніе было—брилліантъ того стоилъ! Только я никакъ не могла припомнить твое имя.

— Однако, мы съ тобой прожили вмѣстѣ цѣлыхъ три мѣсяца въ улицѣ Винь...

— Да!.. цѣлыхъ три длинныхъ мѣсяца. Тамъ было лучше, чѣмъ здѣсь. Ты очень опустился, бѣднята.

— Умираю!

— Умираешь?

— Почти.

— Значитъ, я пришла слишкомъ поздно за запонкой, брилліантъ уже проданъ.

— Луиза!.. Луиза!.. неужели вы думаете, что я такъ низокъ, что могу продать подобное воспоминаніе? Брилліантъ цѣлъ въ своемъ футлярѣ. Завтра вы его получите.

— Ты это говоришь правду?.. Ахъ, добрякъ! Ты простъ, но очень милъ. Я разскажу это одному своему пріятелю—онъ писатель и у него выйдетъ отличная драма для Амбигю. Можешь-ли ты повѣрить, что этотъ негодяй увѣряетъ,

что меня нельзя любить серьезно? Я хочу, чтобы всѣ знали, что ты сдѣлалъ изъ любви ко мнѣ. Это дастъ мнѣ положеніе. Дай, я тебя поцѣлую за твои страданія.

Письма сгорѣли, видѣніе исчезло. Бросая въ каминъ послѣдній любовный сувениръ, Этьенъ поколебался. Двѣ крупныхъ слезы скатились у него изъ глазъ. Эти слезы были вызваны сухимъ, пожелтѣвшимъ осеннимъ листомъ.

На столъ облокотилось новое видѣніе.

Колосья менѣе золотисты, чѣмъ волосы этой дѣвушки, которой едва минуло восемнадцать лѣтъ. Никогда природа не была болѣе живописна, какъ создавая этого ребенка. Въ контрастъ ея роскошныхъ, бѣлокурыхъ волосъ, она наградила ее черными рѣсницами и бровями; ея темнымъ глазамъ она придала нѣжность и мягкость, она сдѣлала все, чтобы это созданіе могло быть исключеніемъ изъ правила, говорящаго, нѣтъ совершенства на землѣ.

— Бѣдный другъ! говорило видѣніе, тебя ли я нахожу въ такомъ положеніи! по крайней мѣрѣ, ты не обвиняешь меня?

— Я люблю тебя и я счастливъ. Ничего другого я не знаю. Ты вернулась, я хочу любить, я люблю; я хочу жить, я буду жить.

— О, глупецъ! произнесъ насмѣшливый голосъ.—Въ глубинѣ комнаты смѣялась Смерть, держась за бока. — Глупецъ, принимающій за чистое серебро всякую фальшивую монету.

— Ты лжешь, бездѣльница! вскричалъ Этьенъ, которому негодованіе дало силу подняться.

— Бездѣльница, это не много... но оставимъ это. У тебя есть настоящая вѣра? хорошо быть довѣрчивымъ; но слишкомъ большая довѣрчивость зовется иначе и, вызвавъ сначала смѣхъ, она затѣмъ внушаетъ презрѣніе и отвращеніе.

— Луиза, я люблю тебя, я вѣрю въ тебя, прерываетъ Этьенъ, простирая руки къ видѣнію.

— Ты забылъ 30 апрѣля?

— Какъ могу забыть я этотъ день—день самый счастливый въ нашей жизни!

— Каждая секунда этого дня сохранилась живо въ моей памяти, говорила молодая дѣвушка. Утромъ, небо было мрачно, а мнѣ въ такую скучную погоду всегда хочется плакать.

Этьенъ долженъ былъ придти за мной. Мы хотѣли отправиться въ долину Шеврёзъ. Въ восемь часовъ онъ пришелъ за мной. Онъ поцѣловалъ меня: — Погода мрачна, сказала я ему, мнѣ хочется лечь, спрятать лицо въ подушку и проплакать весь день. — Такъ ты обращаешь вниманіе на дурную погоду? Я не замѣчаю ее съ тѣхъ поръ, какъ ты полюбила меня.—Если такъ, то ѣдемъ. Но я хочу испытать, любишь-ли ты меня. Ты всегда говорилъ, что Богъ благословляетъ искреннюю любовь; солнце, это—улыбка неба. Ежели ты дѣйствительно любишь меня, то небо улыбнется намъ. Ты согласился на это испытаніе и мы поѣхали. Пріѣхавъ въ вокзалъ, ты мнѣ указалъ свѣтлую полосу на сѣромъ небѣ. Мы напряженно слѣдили за ней и исчезни она — я была бы очень несчастлива. Но тучи разсѣялись и когда мы доѣхали до мѣста—все небо было голубое.

— Посмотри, сказалъ ты мнѣ съ радостью. Я была счастлива, вполнѣ счастлива и обняла тебя тутъ же въ вокзалѣ, не заботясь, что на насъ глядѣли сотни глазъ.

— Все это отлично. Тутъ и голубое небо, и солнце, и поцѣлуи, все это очень эффектно. Но вы не сказали объ вашихъ условіяхъ и объ ихъ послѣдствіяхъ.

— Зачѣмъ же умалчивать объ этомъ?—Мы обѣдали на фермѣ; такъ какъ, кромѣ яицъ, молока и масла, тамъ ничего не было, то мы обѣдали, помнишь ли, милочка?.. Молочный супъ, за супомъ яйцы, на жаркое яичницу, а на дессертъ взбитыя яйцы.

— Это мое любимое кушанье, взбитыя яйцы. Мы еще поѣдимъ ихъ съ тобой.

— Прекрасный вечеръ меланхолически настроилъ меня; заглядывая въ будущее, я сомнѣвался, вернутся-ли прекрасные дни.

— Я тоже самое думала. Сильная радость поглотила меня. Рука въ руку мы молча стояли нѣсколько минутъ, позабывъ весь свѣтъ. На горизонтѣ освѣщеннаго солнцемъ неба отдѣлялись тонкія тѣни. Мы прислушивались къ тихому вѣянію вѣтра, слегка шевелящему листья. Казалось, земля дышала. Тогда ты привлекъ меня къ себѣ, обнялъ меня и покрылъ поцѣлуями мой

лобъ.—Любить! какъ прекрасно любить! сказалъ ты мнѣ. Люби меня какъ можно дольше, мнѣ кажется, что я не въ силахъ буду жить, какъ разлюблю тебя.—Ты хотѣлъ поклясться мнѣ въ вѣчной любви, я остановила тебя:—Не давай клятвъ, которыя не отъ тебя зависитъ выполнить. Кто можетъ ручаться, что ты будешь меня любить завтра? Кто поручится, что я тебя не разлюблю? Не будемъ давать никакихъ обѣщаній; сердце слишкомъ способно разрывать всякія узы. Освободимъ его отъ всякихъ оковъ. Обѣщай только, что не пожалѣешь меня, и когда разлюбишь, покинь меня тотчасъ же. Я поступлю точно также. Не будемъ втаптывать въ грязь любовь, рожденную въ облакахъ. И поднявъ два пожелтѣвшихъ, осеннихъ листа, ты поцѣловалъ одинъ листъ и передалъ—мнѣ; я поцѣловала другой, который ты спряталъ.—Когда кто нибудь изъ насъ разлюбитъ, то пришлетъ этотъ листъ и все будетъ сказано.

— Ну, прервала Смерть, умри и кончено! Развѣ ты не получилъ отставки? Твоя Луиза уѣхала въ одно утро, не простившись даже съ

тобой. Черезъ недѣлю ты получилъ засохшій листъ и затѣмъ ты никогда о ней ничего не слышалъ. Вотъ уже полгода прошло съ тѣхъ поръ; тебѣ не на что надѣяться, пойдемъ со мной. Покинь эту землю, гдѣ нѣтъ искренней и живой любви. Ты былъ первой молитвой въ четкахъ, которыя твоя любовница теперь перебираетъ въ честь другихъ. На что ты жалуешься? Не требуй отъ жизни того, что она тебѣ не можетъ дать. Отправимся въ путь! Ничего нѣтъ совершеннѣе смерти. И тебѣ, чтобы добиться ея, нужно сдѣлать только слабое усиліе. Отправимся же въ путь! Перестань умиляться передъ этимъ пустымъ существомъ, обманувшимъ тебя. Развѣ ради ея стоитъ медлить хоть одну секунду? Въ путь! въ путь!

Этьенъ въ безумномъ гнѣвѣ хочетъ вскочить; но въ глазахъ у него туманъ, кровь стучитъ въ ушахъ, дрожь пробѣгаетъ по всему тѣлу и ледяной холодъ охватываетъ его... Онъ падаетъ. Видѣніе исчезаетъ.

Торжествующая Смерть наступаетъ на голову своей жертвы и топчетъ ее. Наконецъ-то!...

*

Вотъ ужъ онъ въ ея рукахъ, или почти въ ея рукахъ. Еще нѣсколько минутъ и дѣло ея окончено. Крючковатые и острые ея пальцы готовы впиться въ свою добычу; въ пустыхъ впадинахъ глазъ появляется какой-то свѣтъ и зубы, въ нетерпѣливомъ ожиданіи вкусить мяса, издаютъ какой-то странный скрежетъ.

Она становится на колѣни, чтобы насладиться послѣднимъ дыханіемъ умирающаго.

Раздается стукъ въ дверь.

Смерть однимъ скачкомъ очутилась у дверей. Ея кости побѣлѣли, глаза потухли, ея суставы скрипятъ. Она прислушивается.

— Отворите, господинъ Этьенъ, отворите, кричитъ, запыхавшись, мадамъ Мартино. У меня есть письмо къ вамъ.

— Отворите, мой другъ, говоритъ нѣжный, молодой голосъ, при звукѣ котораго задрожала Смерть. Это я, ваша Луиза, пришла опять къ вамъ.

Смерть скрежещетъ зубами; она не знаетъ, защищать ли ей дверь или кончать съ своей жертвой. То она напираетъ своими костлявыми

плечами на двери, то бросается на умирающаго и со злостью душитъ его. Раздаются мужскіе голоса. Дверь трещитъ отъ напора, сейчасъ соскочитъ замокъ; еще нѣсколько секундъ и она уступитъ. Тогда Смерть, внѣ себя отъ злости, бросается на мученика, впивается въ его тѣло зубами и когтями и когда наконецъ дверь отворилась, всѣ отступили при видѣ этого отвратительнаго зрѣлища.

— Я не ошиблась, говоря вамъ, что онъ рѣшился сдѣлать глупость!... вскричала торжествующая мадамъ Мартино.

Молодая дѣвушка упала около своего любовника.

— Ну, мадемуазель, говоритъ привратникъ, вы поступаете очень не разсудительно. Намъ еще предстоитъ много хлопотъ съ господиномъ Этьеномъ, а вы еще вздумали усложнять хлопоты.

Окно отворено. Воздухъ волной врывается въ комнату.

Пріѣхалъ докторъ. Черезъ полчаса больной открылъ глаза. Онъ видитъ Луизу, свою милую Луизу, и думаетъ, что это еще видѣніе.

— Милая моя, говоритъ онъ ей, какъ ты добра, что не покинула меня.

Молодая дѣвушка бросается въ его объятія.

— Мы никогда болѣе не разстанемся. Я никогда не переставала любить тебя... Я тебѣ все разскажу. Еслибы ты зналъ все зло, какое они мнѣ сдѣлали! Если я и осталась жива, то, право, не благодаря имъ. Я не хотѣла умирать и вотъ я опять съ тобой.

— Такъ это не призракъ? Это, дѣйствительно, ты?

— Смотри, развѣ призракъ можетъ цѣловать такъ.—И молодая дѣвушка покрываетъ поцѣлуями своего любовника.—Ты, можетъ быть, считалъ бы меня злой, обманщицей... если бы я не вернулась. И потомъ умереть безъ тебя, совсѣмъ одинокой, безъ твоего прощальнаго поцѣлуя, развѣ это возможно? Ты тоже долженъ выздоровѣть и мы будетъ жить вмѣстѣ, жить счастливо, любя другъ друга всей силой нашихъ прошедшихъ страданій. Представь себѣ, когда я ушла отъ тебя...

— Но дайте ему успокоиться, говоритъ ма-

дамъ Мартино, отстраняя дѣвушку. Вы заняли мѣсто доктора.

— Оставьте ихъ, добрая женщина, отвѣчаетъ, улыбаясь, докторъ. У меня средства слабѣе мадемуазель Луизы. Видите, какъ поблѣднѣлъ больной, когда вы ее отстранили. Посмотрите, какъ онъ оживаетъ теперь, когда она опять около него.

— Я уже думала, продолжаетъ Луиза, что тотъ день, когда я ушла отъ тебя, былъ послѣднимъ днемъ моей жизни. Я возвращалась отъ мамаши и шла улицей Томбъ-лесуаръ—очень скверной улицей — было поздно и совершенно темно. Незнаю, о чемъ думали фонари и звѣзды, но они совсѣмъ не освѣщали. Дойдя до улицы Жантильи, я почувствовала, что кто-то схватилъ меня за волосы, и услышала за собой голосъ, котораго съ разу не узнала: — „Негодница, ты сегодня вечеромъ уже не вернешься къ своему любовнику.“ — И на меня щедро посыпались удары. Это мой родной братецъ такъ поступалъ со мной.

— „Ты думала, что я позволю тебѣ безче-

стить насъ?.. Простись съ своей мордочкой". И схвативъ меня за голову обѣими руками, онъ сталъ тереть мое лицо объ только что оштукатуренную стѣну и дѣлалъ это съ такой силой, что я чувствовала, какъ у меня кожа стиралась съ лица. Потомъ онъ къ этому еще прибавилъ удары ногами. Мнѣ показалось, что онъ даже вынулъ ключъ, чтобы покончить со мной, но я не совсѣмъ увѣрена въ этомъ, потому что кровь хлынула изъ глазъ. Тогда я потеряла сознаніе. Когда я очнулась, я лежала на полу на волосяномъ матрасѣ, въ полиціи. Полицейскій былъ тутъ. Толпа людей безцеремонно разсматривала меня и я покраснѣла отъ стыда. Въ углу, какой-то господинъ записывалъ что-то въ журналъ. На вопросы, предложенные мнѣ, я отвѣчала осторожно. Меня нашли одну, лежащую посреди улицы. Торговецъ, ѣхавшій на рынокъ, чуть не раздавилъ меня. Но лошадь, славное животное, испугалась и бросилась въ сторону. Очень понятно, я умолчала, что меня въ такое состояніе привелъ мой братъ, иначе ему пришлось бы плохо. Я должна была

лечь въ больницу. У меня сдѣлалась горячка; я бредила... я была очень сильно больна. Я наговорила много безсмыслицы и въ бреду назвала своихъ родителей, ихъ отыскали.

Мой братъ приходилъ, пока я была безъ памяти; но когда ко мнѣ вернулось сознаніе, онъ боялся подойдти ко мнѣ. Я часто бредила тобой, я говорила, какъ сильно долженъ ты страдать, не видя меня такъ долго; но что, пока ты не получишь засохшаго листа, тебѣ можетъ придти въ голову, что я могла умереть, но не разлюбила тебя. Тогда эти бозсердечные люди начали искать нашъ условный знакъ и, найдя его, отослали тебѣ. Только когда я выздоровѣла, я узнала, какъ поступили со мной. Я хотѣла писать къ тебѣ, я писала. Они перехватывали всѣ письма. Я не могла понять твоего молчанія, но не досадовала на тебя. Наконецъ, я вышла изъ больницы. Я спѣшила сюда и застала мадамъ Мартино въ тревогѣ о тебѣ. Утромъ ты ее напугалъ. Она шла къ тебѣ, я пошла за ней, даже перегнала ее.... Мы выломали дверь и... я тебя люблю, силь-

нѣе, чѣмъ когда нибудь, и ты долженъ выздоровѣть, потому что Богъ добръ; а потому, если ты не поправишься, я буду думать, что ты разлюбилъ меня.

Кажется, Этьенъ очень боялся, чтобы Луиза не разубѣдилась въ его любви, потому что очень быстро выздоровѣлъ. Счастье везетъ счастливымъ! Вскорѣ Этьенъ получилъ письмо такого содержанія:

„Милый Этьенъ!

Я вернулся. Мнѣ подали твои письма; изъ нихъ я, къ сожалѣнію, узналъ, что много разъ ты не заставалъ меня дома. У меня есть дѣло для тебя. Возобновимъ нашу дружбу. Приходи скорѣй. Мнѣ хочется, чтобы ты былъ счастливъ.

Товарищъ твой,

Валентинъ“.

Заключеніе разсказа обыкновенное. Они жили долго и не имѣли дѣтей, что имъ было не особенно непріятно. Чтоже касается Смерти, она продолжаетъ заниматься своимъ мерзкимъ ремесломъ, и сохрани васъ Боже отъ нея, до конца вашихъ дней.

Сутильщица.

I

Баронъ Нефтали расхаживаетъ взадъ и впередъ въ своей спальнѣ. Такъ какъ онъ рыжій, то стѣны его комнаты обиты голубымъ шолковымъ дамà. Позолоченныя рѣзныя украшенія свидѣтельствуютъ о его богатствѣ, а разнокалиберная мебель, которую ему удалось выгодно пріобрѣсти, вѣроятно, „по случаю“, о его скупости.

Барону Нефтали 50 лѣтъ, онъ имѣетъ брюшко и наклоненъ къ мечтательности. Черепъ

его только кое-гдѣ покрытъ чѣмъ-то похожимъ на птичій пухъ. Онъ только что получилъ книгу журнала, гдѣ прочиталъ число, поразившее его.

— Первое мая!.... Сегодня первое мая! Какъ летитъ время! Не ужели вѣчно будетъ одно и тоже количество часовъ и минутъ?... Однако, если сегодня первое мая, то, стало быть уже прошло два мѣсяца, какъ оконченъ мой новый домъ. Отчегожъ въ немъ до сихъ поръ нѣтъ ни одного жильца? Что еще нужно этимъ животнымъ? Подъѣздъ моего дома имѣетъ видъ тріумфальныхъ воротъ и долженъ бы, кажется, служить достаточной приманкой. Прекрасныя обнаженныя статуи поддерживаютъ балконы. Потолки въ трехъ этажахъ покрыты золотомъ, и даже мансарды обиты обоями..... Чего же еще имъ нужно?

Швейцаръ.—Батистъ желаетъ говорить съ господиномъ барономъ.

Баронъ.—Скажите, пожалуйста, гдѣ вы служили. Съ какихъ поръ вы стали пазывать только по имени людей, которые приходятъ ко мнѣ?

Швейцаръ.—Господинъ баронъ, вѣроятно, не понялъ, что я докладываю ему объ его привратникѣ изъ 315 №.

Баронъ.—Напротивъ, я употребилъ всѣ усилія, чтобы понять васъ. Тѣмъ не менѣе, вы должны знать, что для меня онъ Батистъ и всегда будетъ Батистомъ; когда же вы докладываете о немъ, для васъ онъ господинъ Батистъ. Пусть войдетъ.

II

Баронъ Нефтали.—Ну-те, съ какимъ извѣстіемъ вы пришли?

Батистъ.—Моя жена все еще больна, господинъ баронъ.

Баронъ.—Я думаю, вы безпокоите меня не для того, чтобы сообщить это извѣстіе?

Батистъ.—Не для одного этого. Бѣдная жена такъ сильно кашляетъ, что стѣны могутъ треснуть.

Баронъ.—Стѣны треснуть!.. не очень-ли это сильно сказано?

Батистъ.—Вовсе нѣтъ, господинъ баронъ.

Баронъ.—Какъ!... „Вовсе нѣтъ, господинъ баронъ“?

Батистъ —Я употребляю Флонскій сыропъ въ растворѣ фіалокъ.

Баронъ.—Лечите ваше семейство, чѣмъ вамъ угодно, лишь бы только въ домѣ не было отъ лекарствъ дурного запаха и пятенъ. Приходили смотрѣть квартиры?

Батистъ.—Цѣны пугаютъ всѣхъ. Притомъ же эта страшная сырость!...

Баронъ.—Какія же чертовскія цѣны вы назначаете?

Батистъ.—Тѣ, которыя господинъ баронъ указалъ мнѣ: 25000 фр. за первый этажъ, 18000 фр. за второй, 15000 фр. за третій и 12000 фр. за четвертый.

Баронъ.—И что же? Эти-то цифры и пугаютъ людей? неужели они думаютъ что я для того превратилъ свой милліонъ въ плиты, чтобы онъ приносилъ мнѣ только 50 тысячъ доходу?

Батистъ.—Маленькая дама опять приходила

нанимать четвертый этажъ. Она сказала, что переговоритъ съ господиномъ барономъ.

Баронъ.—Хорошо. Вы ничего больше не имѣете сообщить мнѣ?

Батистъ.—Не можетъ-ли господинъ баронъ дать намъ дровъ? Каминъ пожираетъ ихъ.... это настоящій адъ. Едва онъ погаснетъ, какъ начинаешь дрожать отъ холода.

Баронъ.—Я не понимаю вашихъ жалобъ, у васъ княжеское помѣщеніе.

Батистъ.—Собака и та околѣла бы въ моей квартирѣ, ожидая наступленія лѣта.

Баронъ.—Не держите собаки.

Батистъ.—Господинъ баронъ....

Баронъ.—Покончимъ этотъ тяжелый разговоръ. Я подамъ примѣръ и поселюсь въ первомъ этажѣ. Можетъ быть, увидѣвъ занавѣси на окнахъ и свѣтъ по вечерамъ, кто нибудь и рѣшится заплатить спрашиваемую цѣну. А тѣмъ временемъ повѣсьте занавѣси на всѣ окна передняго фасада. Это придастъ дому болѣе обитаемый видъ.

III

Швейцаръ.—Господинъ докторъ желаетъ видѣть господина барона.

Баронъ.—Пусть войдетъ. *(Батистъ и швейцаръ уходятъ).*

Баронъ.—Здравствуйте, докторъ, очень радъ васъ видѣть.

Докторъ.—Вы больны?

Баронъ.—Не знаю, можетъ быть. Въ настоящую минуту я не думаю о своемъ здоровьѣ. Я собираюсь переѣхать съ квартиры.

Докторъ.—Вотъ какъ! Вы оставляете вашъ отель?

Баронъ.—Никто не хочетъ нанимать моего новаго дома. Я думаю, что, еслибы я занялъ первый этажъ...

Докторъ.—Не желаете-ли вы облагодѣтельствовать какого-нибудь родственника?

Баронъ.—Нѣтъ, докторъ, я не думаю никому благодѣтельствовать.

Докторъ.—Въ такомъ случаѣ, оставайтесь

здѣсь. Я былъ вчера въ вашемъ домѣ.

Баронъ.—Ну-те!..

Докторъ.—Я ручаюсь, что вы не проживете и 6-ти мѣсяцевъ, если поселитесь тамъ.

Баронъ.—Что вы толкуете?

Докторъ.—Сырость пронизываетъ васъ насквозь, едва вы входите въ ворота. Клянусь, нужно имѣть храбрость, чтобы рѣшиться идти далѣе. Обои въ комнатахъ отстали, стѣны въ трещинахъ, живопись лупится, штукатурка обваливается...

Баронъ.—Довольно!

Докторъ.—Дерево гніетъ, желѣзо ржавѣетъ...

Баронъ.—Довольно, довольно!

Докторъ.—Грибы растутъ во всѣхъ углахъ; всѣ суставы каменныхъ богинь обросли мохомъ.

Баронъ.—Кто спрашиваетъ васъ объ этомъ?

Докторъ.—Прежде, нежели поселитесь въ этомъ акваріумѣ, гдѣ даже и лягушка схватила бы ревматизмъ, навѣстите жену вашего привратника. Ея страшный кашель, ея болѣзненный видъ заставятъ васъ призадуматься.

Баронъ.—Если у нея такой болѣзненный

видъ, какъ вы говорили, то я немедленно прогоню ее. Чахоточное лицо, это очень опасный признакъ.

Докторъ.—Прогнавъ ее, вы окажете ей большую услугу.

Баронъ.—Все это очень грустно.

Докторъ.—Нисколько, потому что ваши привратники, кажется, прекрасные люди.

Баронъ.—Очень мнѣ нужно!.. меня тревожитъ мой домъ: спрашивается, что же дѣлалъ тамъ архитекторъ?

Докторъ.—Я думаю, онъ исполнялъ ваши приказанія.

Баронъ.—Исполнялъ!

Докторъ.—Я думаю; вы говорили, какъ я слышалъ, что желаете роскоши и вмѣстѣ съ тѣмъ экономіи.—«Въ архитектурѣ, сказали вы ему, важнѣе всего украшенія.»—Время года было сырое, вы же не захотѣли отложить постройку. Когда вамъ совѣтовали сдѣлать надъ нею навѣсъ изъ засмоленной парусины, вы кричали, что васъ хотятъ разорить, что не слѣдуетъ баловать работниковъ, давая имъ возмож-

ность работать въ защищенномъ мѣстѣ, что такимъ-то образомъ и подготовляются соціальныя революціи, что...

Швейцаръ.—Внизу ожидаетъ дама; она желаетъ поговорить съ господиномъ барономъ о квартирѣ.

Докторъ.—Дама! Въ такомъ случаѣ, я васъ оставляю...

Баронъ.—(*Швейцару*) Попросите ее взойдти на верхъ.

Докторъ.—(*Прощаясь*) Если вы хотите быть живымъ до будущей зимы, то послѣдуйте моему совѣту и бросьте всякія мечты о переселеніи въ вашъ домъ. Въ настоящее время онъ—преддверіе могилы. До свиданія.

Баронъ.—Вы нагнали на меня тоску. (*Докторъ уходитъ*).

IV

Швейцаръ впускаетъ молодую женщину, скорѣе эксцентрично, нежели изящно одѣтую. Ея желтые волосы, украшенные золотыми блестка-

ми, подняты высоко на затылкѣ и поддерживаются коралловымъ гребнемъ. Черный бархатный токъ спустился на глаза. Суконное платье приподнято стальными цѣпочками, идущими отъ пояса. Нижняя юбка... Но я замѣчаю, что слишкомъ много сказалъ о туалетѣ и ничего о самой женщинѣ. Госпожа Урсула Псоръ — такъ доложили о ней — была, должно быть, когда-то красавицей. Если она теперь не красива, то причиной этому не лѣта ея, а худоба. Глаза сдѣлались слишкомъ велики, а темные круги подъ глазами мѣшаютъ ихъ выразительности. Ея выдающіяся скулы и матовые зубы слишкомъ ясно говорятъ о свойствѣ мучащаго ее кашля.

— Вы господинъ баронъ Нефтали?

— Я.

— Вы владѣлецъ новаго дома № 315?

— Да, сударыня.

— Я хочу поговорить съ вами о квартирѣ въ четвертомъ этажѣ.

— Великолѣпное помѣщеніе... прекрасный видъ... избытокъ свѣта, княжеская лѣстница и повсюду вода.

— Даже на стѣнахъ.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Квартира слишкомъ сыра, слишкомъ... свѣжа.

— Да, конечно, свѣжа... по отдѣлкѣ.

— Вотъ именно по этому-то я и хочу занять ее.

— А! вотъ какъ!

— Да. Я думаю, что, въ виду опасностей, которымъ придется подвергаться жильцамъ, вы сдѣлаете нѣкоторую уступку?

— Если вы предвидите какія-нибудь опасности, кто заставляетъ васъ нанимать это неудобное помѣщеніе?

— Я вамъ объясню это... какъ мнѣ кажется, вы не причисляете меня къ лику святыхъ?

— Мнѣ кажется; тѣмъ болѣе, что ни въ одномъ календарѣ я нерасполагаю помѣщеніемъ, которое-бы могъ...

— Перестанемъ шутить, г. баронъ, будемъ говорить серьезно и откровенно.

— Сказать вамъ правду, сударыня, я непонимаю, какія могутъ быть поэтому поводу откро-

венности и разговоры. Квартира моя стоитъ 12,000 фр.,—вотъ и все!

— Позвольте, мы сейчасъ разъяснимъ все это дѣло. Чтобы заняться нашимъ промысломъ...

— Вы занимаетесь промысломъ?..

— (*Съ лукавствомъ и скромностью*). Да.

— Желаю вамъ успѣха!

— Для этого-то успѣха мнѣ нужно роскошное помѣщеніе, богатая обстановка, безъ которыхъ въ мои сѣти не попадетъ ни одна муха.

— Отлично!.. Такъ эти сѣти вы хотите разставить въ моемъ домѣ?

— Вы угадали. Выраженіе ваше нѣсколько грубо,—но я соглашаюсь съ нимъ.

— Очень жаль... при всемъ желаніи, я, кажется, не могу ничего сдѣлать для васъ!

— Вы, вѣроятно, въ первый разъ предприняли новую постройку?

— Почему вы объ этомъ спрашиваете?

— Потому что, если-бы вы строили не въ первый разъ, то знали бы, что безъ насъ вамъ положительно невозможно обойдтись.

— Насъ?... Вы уже нѣсколько разъ употре-

били это слово. Къ какой же драгоцѣнной корпораціи принадлежите вы?

— Въ Парижѣ насъ двѣсти извѣстныхъ сушильщицъ. Строители знаютъ насъ отлично. Впродолженіи десяти лѣтъ я постоянно жила въ сырыхъ домахъ. Недавно еще я высушила помѣщеніе на бульварѣ Мальзербъ. Вы можете навести справки. У меня есть родственникъ, торгующій лѣсомъ. За мои небольшія услуги, онъ доставляетъ мнѣ дрова, такъ что у меня въ квартирѣ, точно въ аду, постоянный огонь. Для господъ строителей это очень выгодно.

— Во сколько же времени вы можете высушить помѣщеніе?

— Это зависитъ отъ того, въ какомъ этажѣ оно находится, какъ расположено, отъ времени года и отъ многихъ другихъ обстоятельствъ.

— Еслибы вы взялись высушить мой четвертый этажъ, сколько-бы времени потребовалось вамъ для этого?

— Съ вашимъ домомъ возни будетъ очень много. Мнѣ бы слѣдовало получить еще съ васъ маленькое вознагражденіе.

— А что вы сказали бы, еслибы я отдалъ вамъ это помѣщеніе за 8 тысячъ?

— Вы шутите. На одни дрова нужно употребить 3 тысячи.

— Не разсчитываете же вы, я полагаю, что вамъ отдадутъ его даромъ.

— Именно на это-то я и разсчитываю.

— Ну, въ такомъ случаѣ вамъ долго придется ожидать моего согласія.

— Ну, и квартира ваша будетъ стоять пустая.

— На это я скорѣй соглашусь.

— Но вѣдь она испортится.

— Увидимъ.

— Держу пари, что другая спеціалистка нашего дѣла съ васъ еще потребуетъ вознагражденія за помѣщеніе въ этой квартирѣ.

— Этого бы только не доставало.

— Господа Бэльфоссъ, просушивающая нижній этажъ въ квартирѣ князя Евгенія, получаетъ 2400 фр. и жжетъ уголья, между тѣмъ какъ я жгу дрова. Справьтесь у моихъ сотрудницъ; если онѣ имѣютъ совѣсть, то согласятся,

что дрова просушиваютъ скорѣе, и лучше, и не коптятъ.

— Вотъ какъ! Вы жжете дрова?

— Госпожа Максимъ, просушивающая квартиру въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ, получаетъ 3000 фр. Я готова лопнуть, если я не во сто разъ опрятнѣе ея. Никто не умѣетъ такъ обращаться съ мѣдью, какъ я, такъ полировать желѣзо, чистить замки. На это нужно призваніе; оно дается не всякому. Притомъ же всѣ эти маленькія заботы доставляютъ мнѣ развлеченіе. Я сдамъ вамъ ваше помѣщенье въ лучшемъ видѣ, нежели въ какомъ приму его отъ васъ. Оно будетъ чисто, какъ Лувръ, сухо, какъ Сахара.

— Такъ вы хотѣли были занять четвертый этажъ?

— Я не настаиваю именно на четвертомъ. Если хотите, отдайте мнѣ третій или второй...

— Вотъ что я вамъ скажу на это. Черезъ нѣсколько времени мнѣ хотѣлось-бы переѣхать въ первый этажъ моего дома. Мнѣ-бы хотѣлось, чтобы вы высушили именно этотъ этажъ.

— Великъ-ли онъ?

— Великъ-ли?... Да это дворецъ. Пять спаленъ, двѣ залы, курительная, билліардная, комната для ванны и т. д. Словомъ, *я* приготовилъ его *для себя*.

— Что же я должна сдѣлать?

— Вы должны высушить его!

— Безъ всякаго вознагражденія?

— Не хотите-ли вы, чтобы я вамъ еще заплатилъ?

— Безъ всякаго сомнѣнія. Всѣхъ дровъ, которыя я могу вытянуть у моего родственника, недостаточно для просушки вашего помѣщенія.

— Это единственная квартира во всемъ домѣ, ради которой я соглашаюсь на подобныя предложенія, и то потому только, что оставляю ее для себя.

— Люди, не привыкшіе къ просушкѣ, будутъ въ вашемъ домѣ умирать, какъ мухи.

— У больныхъ больше топятъ, нежели у здоровыхъ. Впрочемъ, для меня это рѣшительно все равно.

— А весной! А лѣтомъ, — кто вынесетъ эту

безпрерывную топку? Нѣтъ, — вотъ, что я вамъ скажу. Вы мнѣ кажетесь честнымъ человѣкомъ. Я высушу вашу квартиру за 3600 фр. и за годъ безплатнаго пользованія ею.

— Очень, очень вамъ благодаренъ!

— Это мое послѣднее слово.

— Помѣщеніе это стоитъ 25000 франк. съ конюшнею и съ каретнымъ сараемъ.

— Ну, конюшень-то я сушить не намѣрена. Я и такъ не сведу концовъ съ концами. Другая сушильщица не взяла бы менѣе 6000 фр. Теперь я припоминаю, я видѣла вашъ первый этажъ. Онъ имѣетъ 10 печей, кромѣ кухонной. Въ день каждая печь будетъ стоить 2 фр. 50 сант. Нѣтъ, это ни на что не похоже, а если взглянуть на дѣло поближе, такъ просто даже страшно.

— Не слишкомъ-ли вы преувеличиваете?

— Нисколько; я знаю, что говорю. Вы считайте сами, если хотите. Десять печей, по 2 фр. 50 сант. каждая, это составитъ 25 франк. въ день, 750 франк. въ мѣсяцъ и 9000 франк. въ годъ. Видите? это не бездѣлица.

— Неужели такъ дорого?

— Разумѣется, такъ, если вы хотите, конечно, чтобы ваше дѣло пошло въ ходъ, чтобы помѣщеніе было высушено... Что касается меня, я очень хочу этого.

— Нѣтъ, такъ я не хочу...

— Кромѣ того, я никогда не поступлю такъ, какъ госпожа Дютетуръ, которая топитъ гнилыми дровами и заноситъ въ дома червей.

— Но... я не допущу такихъ дровъ въ своей квартирѣ.

— Я жгу буковое дерево! Примите это также въ разсчетъ. Значитъ, чтобы взять вашу квартиру и просушить ее, какъ слѣдуетъ, мнѣ нужно будетъ пріобрѣсти, кромѣ моего кузена, еще двухъ покровителей, изъ которыхъ каждый доставлялъ бы мнѣ такое же количество дровъ, какъ и мой кузенъ. И такъ, по моему, вотъ какъ! Вы заплатите мнѣ 4000 франк. Для васъ это бездѣлица, а я по дружбѣ высушу вашу квартиру.

— О, нѣтъ, не могу.

— Клянусь вамъ честью...

— Что вы сказали?

— Вы, можетъ быть, хотите, чтобъ я поклялась чѣмъ нибудь другимъ?

— Все равно, — продолжайте, — я только немножко удивился.

— Только для васъ я берусь за это дѣло.

— Скажите же мнѣ...

— Что?

— Еслибы я вамъ далъ то, что вы просите...

— Дальше?

— И еслибъ я вздумалъ конкуррировать съ вами въ отношеніи еще кой какой топки... какъ вы думаете!...

— Болтунъ! Я думаю, мы сойдемся.

— Ну, стало быть, дѣло кончено.

— Однако, вы изъ всего умѣете извлечь пользу.

— Ну, нѣтъ! семейному человѣку трудно что нибудь съэкономить...

— Стало-быть, въ сараѣ вы поставите карету.

— Какую карету?

— Какую хотите, только-бы была прилична.

— Карету?... Для васъ?

— А то для кого-же?

— И лошадь, можетъ быть?

— Нѣтъ, у меня есть знакомый продавецъ лошадей, у котораго два года я сушила квартиру; онъ поможетъ мнѣ.

— Какое счастье!

— Для него?

— Для всѣхъ.

— Только, пожалуйста, неособенно прихотничайте...

— Будьте покойны!

— Когда же я вступлю во владѣніе?

— Въ самомъ скоромъ времени.

— Завтра мы подпишемъ условіе.

— Съ кѣмъ имѣлъ честь говорить?

— Урсула, графиня Псоръ, сушильщица.

— Псоръ?... Это имя извѣстное. Вашъ отецъ не былъ ли морякомъ?

— Мнѣ кажется, я припоминаю, что кто-то изъ моей родни, дѣйствительно, былъ въ морской службѣ.

— И такъ, до завтра, графиня.

— До завтра, баронъ.

Баронъ. — (*одинъ*) Теперь я покончу съ Меланьи... она мнѣ стоитъ чортъ знаетъ сколько!

высушу стѣны, дождусь апрѣля мѣсяца, это самое удобное время, славное дѣльце!

Графиня Урсула Псоръ. — (*Спускаясь съ лѣстницы*). И такъ, я поселюсь въ первомъ этажѣ. Это для меня удобно; двѣ комнаты отдѣлаю я сама, мебель для остальныхъ доставитъ хозяинъ дома. Стоитъ мнѣ только поселиться, а тамъ уже никто меня не выживетъ... Славное дѣльце?

Такимъ образомъ, всѣ остались довольны.

С.-Жермень и С.-Опоре.

I

— Клери!

— Г-жа Маршальша!

— Я хочу дать вамъ доказательство моего довѣрія.

— Меня это не удивляетъ.

— Эта самонадѣянность къ вамъ очень идетъ, но меня она нѣсколько пугаетъ.

— Какъ такъ?

— Всѣ великіе люди становятся самоувѣренны какъ разъ въ ту минуту, когда начинаютъ падать.

— Успокойтесь, я не принадлежу къ числу великихъ людей.

— Это правда. Я возвращаю вамъ мое уваженіе.

— И вашу дружбу?

— И мою дружбу. Клери! мой мужъ, маршалъ—великій человѣкъ, но онъ злоупотребляетъ своимъ величіемъ до такой степени, что все падаетъ, падаетъ, и скоро отъ его величія не останется и слѣдовъ.

— А вы естественно думаете замѣнить его кѣмъ нибудь.

— Дерзкій! неужели вы думаете, что въ этомъ случаѣ я прибѣгну къ вамъ за помощью?

— Всегда охотно вѣришь тому, чего пламенно желаешь...

— Клери, ради самого Бога, не ступайте на эту почву. Это путь, полный западней, а вы знаете, что я не пойду по немъ за вами. Вернемся же къ нашимъ стадамъ...

— Хорошо. Я иногда не прочь отъ сельской идилліи. Я—пастухъ Каридонъ; мой пастушескій посохъ остался въ передней.

— Другъ мой, пощадите меня. Предупре-

ждаю васъ, что сегодня у меня ужасно разстроены нервы.

— Я слушаю.

— И такъ, я уже говорила вамъ, что маршалъ страшно понижается, онъ ничего больше, какъ знаменитые останки... и только.

— Никто не въ состояніи пожалѣть васъ, княгиня, сильнѣе меня.

— Кому нужно ваше сожалѣніе? Приберегите его для себя.

— Въ такомъ случаѣ, поздравляю васъ, если вамъ это больше нравится.

— Убирайтесь къ чорту!

— Я только что отъ него.

— Держу пари, что вы пріѣхали прямо отъ графини!

— О! то что вы говорите, не особенно любезно въ отношеніи ея.

— Нѣтъ, но я замѣтила, что каждый разъ, какъ вы пріѣдете оттуда, за васъ не знаешь какъ взяться.

— Обѣщаю вамъ впередъ начинать визиты съ васъ. Это будетъ для всѣхъ выгоднѣе.

— Я вамъ говорила, что маршалъ...

— Видимо понижается.

— Я положительно не могу разсчитывать на его помощь въ нѣкоторыхъ домашнихъ дѣлахъ, которыя, однако, требуютъ вмѣшательства мущины... Чего вы смѣетесь? Развѣ я сказала что нибудь необыкновенное?

— Ничего, княгиня, ничего, продолжайте, пожалуйста.

— У васъ какая-то весьма своеобразная манера слушать. Никогда не знаешь, серьезно вы говорите, или смѣетесь.

— Божусь вамъ, княгиня, что я получилъ приличное воспитаніе. Если вамъ нужно удостовѣреніе...

— Хорошо, я обращусь за нимъ къ графинѣ.

— Развѣ вы желаете взять меня къ себѣ въ услуженіе?

— Ахъ, нѣтъ, Боже мой! Однако! я вижу, что мы никогда не кончимъ, если я не скажу прямо, въ чемъ дѣло. И такъ, Клери, знайте, что, въ минуту гнѣва, я прогнала всѣхъ своихъ слугъ. Завтра я даю обѣдъ, имѣющій для меня

очень большое значеніе, и хочу, во что бы то ни стало, замѣнить прежнюю прислугу новой. Маршалъ слишкомъ старъ, чтобы заняться этимъ. И потомъ, онъ все еще не можетъ мнѣ простить этой вспышки. Хотите вы мнѣ помочь?

— Съ удовольствіемъ, княгиня. Куда я обращусь? Я еще и самъ не знаю, но вашъ обѣдъ состоится.

— Вы бываете часто невыносимы, но всегда обязательны.

— Кого вамъ недостаетъ? Повара, потомъ...

— Нѣтъ. Мнѣ нужно замѣстить комнатную прислугу. Мнѣ необходимо четырехъ лакеевъ для службы за столомъ, для выѣзда съ экипажемъ и пр.

— Вы хотите, конечно, что бы это были люди видные, красивые? Требуете ли вы, чтобы у нихъ были хорошія икры?

— Конечно. Что же это за лакей на тоненькихъ ножкахъ! Это все равно, что ночь безъ луны, часы безъ стрѣлокъ, индейка безъ трюфелей или ротъ безъ зубовъ. Съ какой же стати быть лакею безъ икоръ?

— Княгиня, я представлю вамъ завтра четыре пары икоръ.

— Мнѣ нужны также два каммердинера и два дворецкихъ.

— Люди съ важной осанкой, которые съумѣли бы не хуже насъ съ вами носить шпагу.

— Хорошо сложенные, съ черными, густыми бакенбардами.

— Завтра же у васъ будетъ четыре пары икоръ и четыре пары бакенбардъ.

— Клери, вы меня спасаете.

— Только потому, что не могу погубить.

— Кстати, если я прошу васъ заняться устройствомъ обѣда и въ тоже время не приглашаю васъ, то это только потому, что я не звала никого, кромѣ дамъ.

— А! ба!

— Да, мнѣ хотѣлось, чтобы собрались всѣ тѣ, которыя пользуются названіемъ „семи чудесъ свѣта„. Я буду самая не красивая, поэтому можете судить, каковы остальныя.

— Отъ вашихъ словъ меня подираетъ мо-

розъ по кожѣ. Не можете ли вы удѣлить мнѣ маленькое мѣстечко гдѣ нибудь въ уголку?

— Невозможно.

— Хоть подъ столомъ!.. меня тамъ никто не увидитъ.

— Замолчите ли вы? Это что за идея!

— Но для полноты приборовъ нужно же, чтобы былъ кто-нибудь въ pendant къ маршалу.

— О! какой ужасъ! маршалъ уѣхалъ въ Буржъ, и я именно его-то отсутствіемъ и хочу воспользоваться. Мы хотимъ поболтать на свободѣ, а если вы будете здѣсь...

— Вашъ отказъ меня приводитъ въ отчаяніе. Теперь я буду, какъ душа безъ тѣла.

— Ба! вотъ вамъ случай побывать въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ, гдѣ на васъ ужъ сердятся за то, что вы имъ неглижируете. Тамъ найдете вы цѣлый букетъ Эдмей, Ядвигъ, Изабеллъ, которыя заставятъ васъ забыть друзей праваго берега.

— Какъ вы несправедливы!

— Я знаю, что тамъ вы насъ чуть не вѣшаете.

— О! княгиня!

— Я знаю, что вы плывете между двумя теченьями, забирая все, что можете достать и на правомъ и на лѣвомъ берегахъ. Но сегодня вы мнѣ очень нужны и поэтому я не буду васъ конфузить.

— И такъ, вы отказываетесь отъ меня?

— Намъ не нужно мущинъ.

— Я такъ мало похожъ на мущину.

— Какъ разъ на столько, чтобы быть лишнимъ.

— Вы будете раскаиваться, что отвергли меня.

— Позвольте не повѣрить. Однако, извините... я васъ не гоню, только мнѣ нужно выѣхать. И вамъ некогда терять время. На поиски, Клери, идите на поиски! завтра жду людей до двухъ часовъ. Если я останусь ими довольна, то только васъ одного пущу на порогъ нашего рая. Пріѣзжайте завтра въ одиннадцать часовъ. Но не раньше!

— Однако...

— Прощайте!.. извините!.. благодарю васъ.

II

Клери въ задумчивости шелъ по аллеѣ въ Елисейскихъ Поляхъ, спрашивая себя, какимъ бы образомъ приняться за дѣло, чтобы исполнить приказанія маршальши. Вдругъ кто-то загораживаетъ ему дорогу и протягиваетъ руку.

— Ура! какъ я благодаренъ судьбѣ за то, что она свела насъ. Какъ поживаешь, Клери?

Маркизъ поднялъ глаза и узналъ графа Авеля де-Сасенажъ.

— Ты здѣсь! давно ли?

— Три дня.

— И ты вернулся къ намъ съ тѣмъ, надѣюсь, чтобы остаться совсѣмъ.

— Черезъ недѣлю я возвращаюсь къ Святѣйшему Отцу.

— Вѣрно здѣсь некого ужъ любить, что ты обрекаешь себя на изгнаніе!

— Любезный другъ, мнѣ двадцать пять лѣтъ, и у меня есть нѣкоторая сумма дѣятельности, которой я положительно не нахожу здѣсь при-

личнаго помѣщенія. Тамъ я защищаю святое дѣло; прости же мнѣ предпочтеніе, которое я отдаю нашимъ ночамъ, проведеннымъ на дежурствѣ, на берегу Тибра, передъ тѣми, которыя вы проводите за картами въ клубѣ, или у кого нибудь изъ знакомыхъ; простите, что Чивита-Веккіа мнѣ нравится больше Трувиля, Ватиканъ больше храма Магдалины, и что меня больше привлекаетъ шумъ ружейныхъ выстрѣловъ, чѣмъ звонъ золота въ игорномъ домѣ. Знаешь, тебѣ слѣдовало бы поѣхать съ нами!

— Очень благодаренъ. Я тебѣ удивляюсь, но не завидую. Я, другъ мой, существо незначительное, совершенно непригодное для высшихъ цѣлей. Это грустно, но тѣмъ не менѣе справедливо.

— Ты клевещешь на себя.

— Нѣтъ, я отдаю себѣ только должную справедливость. Я могу, сидя въ Парижѣ, восхищаться твоимъ самоотверженіемъ, точно также, какъ, сидя въ Женевѣ, восхищаюсь видомъ Монъ-Блана, нисколько не чувствуя желанія взобраться на него. Если бы мое присутствіе

тамъ было полезно, даже необходимо, я полетѣлъ бы туда, хотя, вѣроятно, немножко бы поворчалъ, и въ концѣ концовъ свыкся бы съ своимъ положеніемъ, какъ и всякій другой. Но до тѣхъ поръ, покуда нѣтъ недостатка въ герояхъ, я предпочитаю скромно остаться въ резервѣ.

— Говорятъ даже, что ты перешелъ на непріятельскую сторону.

— Откуда ты взялъ непріятеля?

— А, Боже мой! на тронѣ, прославленномъ нашими королями, который поддерживали наши отцы, въ томъ кругу...

— Хорошо! Я знаю, что ты хочешь сказать, и позволь мнѣ дать тебѣ отвѣтъ на это. Короли, видишь ли, хотя и слѣдуютъ одинъ за другимъ, но не походятъ другъ на друга. Въ этомъ случаѣ, они совершенно сходны съ временами года, и поэтому-то я и отношусь одинаково, какъ къ тѣмъ, такъ и къ другимъ. Чувствуя глубочайшую благодарность къ лѣту за всѣ благодѣянія, которыми оно насъ надѣляетъ, я не считаю себя обязаннымъ доводить

уваженія къ прошлому до того, чтобы и зимой продолжать носить лѣтнее платье. Какъ только задуетъ холодный вѣтеръ, я опять начинаю посѣщать мою теплицу, затопляю каминъ и, безъ всякихъ угрызеній совѣсти, стараюсь воспользоваться всѣми выгодами, которыя могу извлечь изъ текущаго времени, ожидая весны.

— Это взглядъ слишкомъ философскій.

— Мысли не могутъ навязываться. Онѣ засыпаютъ и пробуждаются періодически, каждыя въ свое время.

— Меня не обманули. Ты ныньче ни во что не вѣришь.

— Мало же знаютъ меня тѣ, которые говорятъ такъ. Мой символъ вѣры, напротивъ, довольно объемистъ. Я вѣрю въ наслажденія любви, въ лѣтнее солнце, въ красоту женщинъ, въ...

— Тутъ я тебя остановлю. У васъ нѣтъ красивыхъ женщинъ.

— Чортъ побери! Сасенажъ, ты клевещешь. Хочешь, я тебѣ скажу по секрету, какая нить привязываетъ меня къ правительству.

— Ну?

— Женщины, милый мой, женщины. Справедливо оно или нѣтъ, разумно или неразумно, честно или вѣроломно, либерально или стѣснительно, я ничего этого не знаю и ни о чемъ не думаю, какъ только увижу этихъ... восхитительныхъ, непостоянныхъ и все-таки обожаемыхъ существъ. Въ настоящую минуту, я способенъ позволить себя убить за папскую корону, изрубить на куски за нашего короля, истиннаго и одного, котораго я признаю; но пусть только покажется хоть одно изъ этихъ непонятныхъ существъ, которыми окружено правительство и тогда... тѣмъ хуже для Рима и Фрошдорфа. Ты не можешь себѣ представить, что это за бѣшеныя голубки, любящія тигрицы, кровожадныя колибри.

— Боже мой! Какой энтузіазмъ!

— Если бы ты зналъ предметъ этого энтузіазма, то самъ бы раздѣлялъ его. Не думай, что я влюбленъ въ какую нибудь одну женщину. Нѣтъ, я люблю ихъ всѣхъ одинаково. Я считаю, что измѣню этой прелестной толпѣ,

если окажу предпочтеніе какой нибудь одной. На меня дѣйствуетъ одуряющимъ образомъ нарицательное „женщина“, и всякій ротикъ, который не отвернется отъ меня, я осыплю поцѣлуями, которые будутъ относиться къ сотнѣ другихъ.

— Мы никогда не сойдемся съ тобой на этотъ счетъ.

— Хочешь, я приподниму для тебя завѣсу моего рая?

— Очень благодаренъ, я не принадлежу къ этому міру. Мы пріѣхали для того, чтобы увидѣться съ друзьями, обнять нашихъ женъ, но именно нашихъ, а не чужихъ; онѣ, если вѣрить твоимъ словамъ, хотя и не такъ прекрасны, какъ тѣ, о которыхъ ты говоришь, но тѣмъ не менѣе, вся наша любовь принадлежитъ лично имъ. Каждый поцѣлуй, который мы имъ даемъ, идетъ прямо отъ сердца на губы, не растрачиваясь по дорогѣ. Мое положеніе было бы самое жалкое въ этомъ новомъ свѣтѣ, гдѣ ты играешь роль Христофора Колумба. И потомъ, мы пріѣхали всемеромъ, всѣ люди одного сорта и бываемъ

вездѣ всѣ вмѣстѣ. Ты, впрочемъ, всѣхъ ихъ знаешь: Герцогъ Панъ л'Евекъ, Гюи, маркизъ де-Кресанъ де-Фонтань, виконтъ де-Бри и Гильери де-Кастръ; всѣ они также, какъ и я, служатъ зуавами, баронъ де-Невшатель и графъ де-Пасси Пари, прибывшіе въ Марсель на корветѣ Св. Марія.

— Какъ! де Кастръ и Фонтань также здѣсь? Я непремѣнно хочу ихъ видѣть.

— Мы также всѣ разсчитывали пожать тебѣ руку. Если хочешь пойдти со мной, то мы...

— О! въ настоящую минуту это совершенно невозможно; я взялся исполнить одно чрезвычайно затруднительное порученіе, а времени остается очень мало.

— Клери, мнѣ такъ и видятся у тебя подъ галстухомъ слѣды ошейника, какъ, знаешь, въ баснѣ о Волкѣ и Собакѣ. Скажи, пожалуйста что у тебя за спѣшное дѣло?

— Мнѣ нужно откопать къ завтрашнему дню цѣлую толпу вѣрныхъ слугъ для одной барыни, которая, въ минуту гнѣва, выгнала всѣхъ своихъ людей.

— Кто этотъ Аяксъ въ юбкѣ?

— Тебѣ что за дѣло, вѣдь ты не можешь мнѣ помочь въ этомъ дѣлѣ?

— Почемъ знать! Моя старая тетушка, баронесса де-Котильонъ, которая тебя такъ любитъ и которую ты, неблагодарный, совсѣмъ забылъ, не сочувствуя новымъ порядкамъ, уѣзжаетъ въ Сентонжъ. Она беретъ съ собой только половину своихъ людей, а другую отпускаетъ съ приличнымъ вознагражденіемъ. Если хочешь, я пошлю уволенныхъ къ твоей красавицѣ. Она, должно быть, хороша собой, если ты для нее хлопочешь.

— Изъ всего царскаго птичника это самая бѣшенная голубка.

— Могу я теперь узнать ея имя?

— Жена маршала, княгиня де-Тильзитъ.

— А, скажи, пожалуйста! эта твоя княгиня пользуется, больше чѣмъ европейской извѣстностью. И ты исполняешь ея порученія?

— Да, отъ времени до времени.

— Боже мой! Какъ бы удивился твой предокъ, де-Клери-Шамборъ, если въ 924 году, въ

то время онъ уничтожалъ подъ Нарбоннскими стѣнами Венгерцевъ, ему сказали-бы, что одинъ изъ его внуковъ будетъ состоять въ качествѣ коммиссіонера при княгинѣ, такъ недавно получившей этотъ титутъ.

— Ты забываешь, любезный другъ, что мой знаменитый предокъ, въ 924 году, былъ такимъ же вновь испеченнымъ дворяниномъ, какъ маршалъ теперь. Я полагаю, что онъ несравненно бы больше удивился, еслибъ узналъ, что Людовикъ Четырнадцатый, одинъ изъ преемниковъ Карла Простаго, исполнялъ порученія госпожи Скаронъ, вдовы какого-то писаки и, въ сущности, дрянной женщины. Или, наконецъ, если бы онъ увидѣлъ, какъ Людовикъ Возлюбленный исполнялъ лакейскую должность у Помпадуръ и де-Барри, или еслибъ онъ увидѣлъ... Однако, какъ мы глупы, что проводимъ въ безполезныхъ спорахъ время, которое намъ остается такъ мало провести вмѣстѣ. Каждый благовоспитанный человѣкъ долженъ быть слугою всякой хорошенькой женщины, и еслибъ ты видѣлъ семь прелестныхъ созданій, которымъ будутъ слу-

жить завтра счастливые лакеи твоей тетушки, ты, конечно, измѣнилъ бы свое мнѣніе.

— Кто это такія?

— Семь самыхъ прелестныхъ женщинъ въ свѣтѣ, тѣ, которыхъ называютъ „семью чудесами свѣта“: жена маршала княгиня Тильзитская, графиня О'Темпора О'Моресъ, маркиза де ла-Туръ де-Пизъ, баронесса де-Сенъ-Клодъ, герцогиня Кандидъ-де-ла Вильетъ, виконтесса Рампоно-де-Сенъ-Эмильонъ и мистрисъ Райль.

— Есть ли что нибудь общее, кромѣ числа, между твоими семью чудесами и семью мудрецами?

— Объ этомъ я ихъ не спрашивалъ, боясь, что получу въ отвѣтъ „да“.

— Также скроменъ, какъ и побѣдоносенъ. Хорошо, Клери, такъ и слѣдуетъ. Скажи, пожалуйста, позволятъ-ли онѣ тебѣ придти къ намъ обѣдать во вторникъ?

— Разсчитывайте смѣло. Я принимаю приглашеніе отъ всего сердца.

— Хорошо же, значитъ, во вторникъ, въ семь часовъ, въ Грандъ-Отелѣ. Это нейтральная почта. А! кстати, гдѣ живетъ княгиня?

— Въ улицѣ Портали, № 129.

— Когда можно къ ней явиться?

— Завтра до двухъ часовъ.

— Мои люди явятся въ назначенное время.

— Ты мое провидѣніе!

— Съ условіемъ, что получу отплату.

III

Оставшись одинъ, графъ де-Сассенажъ глубоко задумался. Въ головѣ у него вертѣлись какія-то воздушныя, неосязаемыя существа. Изъ подъ волнъ газу выставлялись до невозможности прелестныя плечи. Посреди роскошныхъ волосъ выглядывали и затѣмъ опять сейчасъ же исчезали чудныя лица съ вызывающимъ взглядомъ безподобныхъ глазъ и чувственными губами. Потомъ круглыя, бѣлыя руки протягивались къ нему, а великолѣпно сложенныя ноги вертѣлись такъ, что, наконецъ, у него закружилась голова. Ко всему этому примѣшивался отдаленный звукъ поцѣлуевъ.

— Очень жаль, сказалъ онъ самъ себѣ. Мнѣ

хотѣлось бы посмотрѣть, дѣйствительно ли такъ прекрасны эти семь чудесъ, какъ говорятъ.

Въ такомъ-то настроеніи явился графъ къ своей теткѣ, баронессѣ де-Котильонъ. Эта почтенная дама сообщила ему, что она не желаетъ, чтобы отъѣздъ ея совпадалъ съ пріѣздомъ племянника, котораго она любитъ, какъ сына, и потому она останется въ Парижѣ до весны.

— Прекрасно!... сказалъ про себя графъ, значитъ, жена маршала останется безъ прислуги, обѣдъ семи чудесъ не состоится, а Клери меня проклянетъ, если я не успѣю предупредить его заблаговремѣнно.

Эта мысль такъ заняла его, что онъ не выразилъ своей достопочтенной тетушкѣ всей благодарности, которую долженъ былъ чувствовать за принесенную ему великую жертву. Баронесса просила его остаться обѣдать съ ней, но онъ, сославшись на какое-то важное дѣло, побѣжалъ отъискивать Клери. Баронесса де-Котильонъ нахмурила брови и серьезно задумалась, не слѣдуетъ-ли ей сдѣлать кое-какія измѣненія въ ея духовномъ завѣщаніи. Изъ за какихъ пустяковъ иногда измѣняются завѣщанія!

*

Графъ поспѣшно отправился въ улицу Клошъ-Сенъ-Жерменъ; но на томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то стоялъ маленькій отель де-Клери, теперь проходила улица Реинь.

Лучше сходить въ клубъ, тамъ я навѣрно узнаю его адресъ.

Оттуда его послали въ Лиссабонскую улицу; тамъ онъ лично отыскалъ, по сдѣланному описанію, маленькій домикъ съ колоннами. Но дверь была заперта, и сколько онъ ни звонилъ, никто къ нему не вышелъ.

Дерзкая, странная, сумасшедшая мысль забралась ему тогда въ голову. Она пустила такіе корни и развилась до степени совершенной зрѣлости къ семи часамъ вечера, когда онъ садился за столъ съ своими шестью спутниками.

IV

Обѣдъ вышелъ чрезвычайно веселый. Порицанія сыпались на все, какъ градъ. Досталось всему, рвали на куски все, начиная съ куропатокъ и мэссы Россини и кончая велосипедами и послѣдней рѣчью министра.

Пріятно бываетъ, сидѣть, съ локтями на столѣ, въ дружескомъ кружкѣ, послѣ вкуснаго обѣда и нѣсколькихъ стакановъ хорошаго стараго вина, судить и рядить, вкривь и вскось, о томъ, что дѣлается въ отечествѣ, рвать на части тѣхъ, кто имъ управляетъ, грустить, что его ненавидятъ и презираютъ всѣ извнѣ, что оно разорено и разъединено внутри, что существованіе его подточено со всѣхъ сторонъ; находить неизбѣжной катастрофу и выражать свое опасеніе за возможность вмѣшательства въ наши дѣла сосѣдней націи.

Герцогъ де-Понъ-л'Евекъ. — Это ни на что не похоже, что они сдѣлали изъ Парижа.

Маркизъ Крейссонъ-де-Фонтанъ.—Эти безконечные бульвары наводятъ просто уныніе.

Виконтъ де-Бри. — Что можетъ быть глупѣе прямыхъ линій?

Понъ-л'Евекъ. —Тѣ, кому онѣ нравятся.

Баронъ Гильери-де-Кастръ. — А какъ они чтутъ памятники прошлаго?

Графъ де-Пасси-Пари.—Спроси тѣхъ, кто ими поплатился.

Баронъ Гонтранъ де-Невшатель. — Они ломаютъ наши вѣковые отели.

Графъ Сассенажъ.—Проводятъ черезъ сады улицы.

Понъ л'Евекъ. — Насадили по сторонамъ улицъ чахлыхъ кустарниковъ, точно какіе нибудь ребятишки, устраивающіе сады изъ прутьевъ.

Де-Бри.—Къ великой радости жуковъ.

Понъ л'Евекъ.—Это уже излишняя заботливость объ удобствахъ жителей.

Невшатель.—И видѣли ли вы при всемъ этомъ хоть одну женщину, то есть настоящую женщину?

Де-Кастръ.—Я видѣлъ самокъ съ помпонами на спинѣ, какихъ-то куколъ съ зобами, да....

. . . . . .

Пасси-Пари.—Ничего подобнаго нельзя себѣ представить.

Де-Бри. – Во времена Имперіи даже женщинъ нѣтъ.

Сассенажъ.—А Клери думаетъ иначе.

Де-Кастръ.—Ты развѣ видѣлъ Клери?

Невшатель.—Что съ нимъ творится?

Де-Фонтанъ.—Онъ, кажется, очень много выигралъ при настоящемъ порядкѣ вещей.

Сассенажъ.—Все это преувеличено, господа. Сегодня утромъ я долго говорилъ съ нимъ.

Понъ л'Евекъ.—Зачѣмъ онъ не пришелъ сюда? Что дѣлаетъ этотъ настоящій золотой луидоръ въ кучѣ фальшивой монеты?

Сассенажъ.—Любезный другъ, если вѣрить словамъ Клери, то оказывается, что между этой мѣдной, фальшивой монетой, о которой ты говоришь, найдутся и серебрянные, да еще самые новенькіе, блестящіе, прекрасно отчеканенные, съ превосходными изображеніями, прелестные жетоны со всевозможными портретами.

Понъ л'Евекъ.—Въ этомъ я узнаю моего Клери. Это влюбленный въ одиннадцать тысячъ дѣвъ.

Сассенажъ.—Повидимому, не совсѣмъ такъ. Онъ утопаетъ въ морѣ кружевъ и кисеи и несется по теченію между бархатомъ и шолкомъ, посреди которыхъ скользятъ самыя заманчивыя, розовыя созданія. Онъ сдѣлался рыцаремъ „семи чудесъ“.

Де-Бри.—Откуда у тебя взялись семь чудесъ?

Сассенажъ.—Помнишь-ли ты тѣ баллады, которыя намъ пѣла наша хозяйка въ Мюнихѣ?

Де-Бри. — Хозяйку-то я помню, но ея баллады...

Сассенажъ.—Въ нихъ всегда играли главную роль сирены германской миѳологіи, *семь Никсъ*. По поверхности волнъ плыветъ корабль. Семь сестеръ окружаютъ его, на перерывъ другъ передъ другомъ выставляя свои прелести, и дѣлаютъ неприличныя предложенія молодому принцу, ѣдущему на кораблѣ.

Пасси-Пари.—Чтоже дальше?

Сассенажъ.—Поверхность волнъ,—это улица Портали; королевскій корабль—это отель жены маршала, княгини Тильзитской. Семь сестеръ, это: графиня О'Темпора О'Моресъ, баронесса де-Сенъ-Клодъ, виконтесса Рампоно де-Сентъ-Эмильонъ, маркиза де-ла-Туръ-де-Пизъ, герцогиня Кандидъ-де-ла-Вильетъ, мистрисъ Рэйль и, наконецъ, вышеназванная жена маршала. Что же касается до молодаго принца...

Де-Бри.—Это Клери.

Сассенажъ. — Совершенно вѣрно. Бѣдный принцъ оставляетъ корабль и бросается въ бездну.

Понъ л'Евекъ. — Его корабль, это — Сенъ-Жерменское предмѣстье. Я понимаю, что ты хочешь сказать.

Сассенажъ. — Бездна же, это — предмѣстье Сентъ-Оноре.

Невшатель. — Все-таки мнѣ очень хотѣлось бы посмотрѣть на этихъ семь Никсъ Клери.

Сассенажъ. — Подожди конца баллады. Въ третьемъ куплетѣ мы видимъ трупъ принца, плывущій къ берегу; на груди его звѣздообразно расположены семь ранъ.

Де-Бри.—Ба! слѣдуетъ только измѣнить развязку.

Де-Кастръ.—Мы не можемъ оставлять Клери въ подобномъ положеніи.

Сассенажъ.—Мы этого не должны допустить.

Пасси-Пари.—Да, но чтоже дѣлать-то?

Сассенажъ. — Хотѣли ли бы вы всѣ видѣть семь чудесъ?

Де-Бри. — Даю слово, что я рискнулъ бы

своей грудью... съ условіемъ, получить вознагражденье.

Де-Фантанъ. — О, дѣти мои, подальше отъ этихъ мѣстъ, прошу васъ.

Сассенажъ.—Есть возможность помочь дѣлу.

Невшатель.—Какая?

Сассенажъ.—Завтра у княгини Тильзитской, царицы Никсъ, собираются обѣдать всѣ ея сестры. Сирена, въ минуту гнѣва, выгнала всѣхъ своихъ слугъ и поручила Клери достать ей новыхъ. Въ ту минуту, какъ я встрѣтилъ нашего бѣднаго друга, онъ отправлялся на поиски. Онъ былъ въ такомъ затрудненіи, что я добровольно предложилъ ему лакеевъ тетки моей де-Котильонъ. Онъ съ радостью согласился. Баронесса же отсрочила свой отъѣздъ и не отпускаетъ людей, что совершенно разрушило мой планъ. Я хотѣлъ предупредить Клери, но никакъ не могъ его найдти. Какъ видите, до сихъ поръ совѣсть моя совершенно чиста. Но...

Де-Кастръ.—Но?

Сассенажъ. — Съ тѣхъ поръ мнѣ являлось въ голову много различныхъ мыслей; и если

вы также, какъ я, желаете видѣть семь чудесъ...

Де-Бри.—Ну, что же?

Сассенажъ. — То мы займемъ мѣсто лакеевъ моей тетушки.

Пасси-Пари.—Браво!

Де-Кастръ.—И я съ вами.

Понъ л'Евекъ.—Я также. Я обожаю маскарады.

Де-Фонтанъ. — Нужно ли будетъ надѣвать ливрею?

Сассенажъ.—Еще бы! Это наша броня, наша охрана. Если вы всѣ согласны, то завтра въ два часа мы явимся къ женѣ маршала.

Де-Бри.—Сассенажъ! Ты великъ, какъ свѣтъ, я тебѣ это говорю.

Де-Кастръ.—Мы всюду слѣдуемъ за тобой.

Де-Фонтанъ.— Но насъ черезъ десять минутъ узнаютъ.

Сассенажъ.—Кто? Никсы будутъ однѣ. Неужели вы думаете, что я согласился бы служить обожателямъ этихъ дамъ?

Де-Фонтанъ.—Къ тому же, я не съумѣю слу-

жить. Чортъ меня побери, если я съумѣю поставить хоть одинъ приборъ.

Сассенажъ.—Мы возьмемъ двухъ своихъ лакеевъ, хоть Ландри и Сатюрнена. Одинъ изъ нихъ будетъ руководить въ передней, а другой у стола.

Понъ л'Евекъ.—Увѣренъ ли ты, по крайней мѣрѣ, что онѣ стоятъ всѣхъ этихъ хлопотъ?

Сассенажъ.—Да, да, да.

Де-Фонтанъ. — Увидите, что выйдетъ какая нибудь скверная штука.

Сассенажъ.—Ужъ не станешь ли ты бояться удара шпаги?

Де-Фонтанъ.—Кто думаетъ объ этихъ вещахъ?

Сассенажъ.—Нужно спасти Клери!

Всѣ.—Да! спасемъ Клери!

Сассенажъ.—И потомъ... кто знаетъ, что можетъ случиться!...

V

На другой день, ровно въ часъ, шесть дворянъ, въ сопровожденіи двухъ лакеевъ, явились къ дверямъ отеля въ улицѣ Портали. Же-

на маршала ждетъ ихъ съ нетерпѣніемъ. Она одѣта въ плюшевое платье, орѣховаго цвѣта, на лиловой атласной юбкѣ. Ея черные волосы никогда не имѣли болѣе синеватаго оттѣнка, они завиваются и свертываются самымъ фантастическимъ образомъ. Что касается до глазъ, то я не знаю, что въ нихъ за странный огонь, который съ перваго же взгляда произвелъ нѣкоторое смятеніе въ лагерѣ легитимистовъ.

Жена маршала. — Подойдите. Встаньте въ рядъ, чтобы я могла васъ хорошенько разглядѣть. Васъ прислалъ вѣдь маркизъ де-Клери?

Графъ Сассенажъ. — Точно такъ, ваше сіятельство.

Жена маршала.—Я получила отъ него сегодня письмо, гдѣ онъ пишетъ, что всѣ вы только что отошли отъ баронессы де-Котильонъ.

Графъ.—Баронесса уѣзжаетъ въ свое имѣнье.

Жена маршала.—Большіе-ли были у нея пріемы?

Графъ.—Очень мало. Баронесса дулась.

Жена маршала.—Дулась?.. на кого?.. за что?

Графъ.—Баронесса принадлежитъ къ совсѣмъ другому свѣту, чѣмъ ваше сіятельство.

Жена маршала. — Ахъ, да! я понимаю. Она дѣлала это на зло правительству.

Графъ.—Точно такъ, ваше сіятельство.

Жена маршала. — Должно быть, въ самомъ дѣлѣ, правительству было очень непріятно, что у баронессы скучали. Значитъ, вы не знаете службы при большихъ пріемахъ?

Графъ. — Ваше сіятельство можете быть покойны.

Жена маршала.—Какъ васъ зовутъ?

Графъ.—Ансельмъ.

Жена маршала.—Вы довольно красивый мужчина, только нужно будетъ сбрить усы.

Графъ.—(*Съ испугомъ*). Сбрить усы?

Жена маршала.—Конечно; развѣ вы хотите, чтобы васъ принимали за деньщика маршала? На сколько мнѣ извѣстно, мы вѣдь не въ походѣ.

Графъ. — (*Въ сторону*). Объ этомъ-то я и не подумалъ.

Маркизъ.—Ваше сіятельство, позвольте намъ подождать до завтра. Можетъ быть, вы останетесь недовольны нашей службой.

Баронъ.—И потомъ, ихъ такъ долго нужно отращивать.

Жена маршала.—Я желаю, чтобы черезъ часъ отъ этой минуты всѣ усы и эспэньолки были непремѣнно сбриты.

Всѣ.—(*Умоляющимъ тономъ*). Ваше сіятельство!

Жена маршала.—Только подъ этимъ условіемъ вы и можете поступить ко мнѣ на службу. Право, я не понимаю, какъ баронесса де-Котильонъ допускала, чтобы у нея въ домѣ ходили, какъ въ казармѣ. (*Сассенажу*). Ноги у васъ хорошо сложены?

Графъ.—Именно онѣ-то у меня красивѣе всего остального. Можетъ быть, вы желаете удостовѣриться?

Жена маршала.—Хорошо, хорошо. Я посмотрю тогда, когда вы одѣнетесь въ парадную ливрею. Какого рода службу вы тамъ исполняли?

Графъ.—Я былъ старшимъ дворецкимъ и руководилъ всѣми этими господами.

Жена маршала.—Здѣсь вы займете ту же должность до пріѣзда каммердинера маршала.

(*Къ Барону Гильери де-Кастръ*). А вы что тамъ дѣлаете?

Баронъ.—Я убиралъ комнаты баронессы; на мнѣ же лежала обязанность утромъ поднимать занавѣси у нея въ спальнѣ, затопить каминъ, подать ей шоколадъ...

Жена маршала.—Да развѣ тамъ не было горничныхъ?

Баронъ.—Барыня очень любила меня...

Жена маршала. А! Какихъ же лѣтъ была эта ваша... барыня.

Баронъ.—Ей шестьдесятъ девять лѣтъ.

Жена маршала. И вамъ нравились ваши обязанности?

Баронъ.—Когда приходится заработывать хлѣбъ!..

Жена маршала.—Конечно!.. Какъ васъ зовутъ?

Баронъ.—Титиръ.

Жена маршала.—Какъ вы сказали?

Баронъ.—Титиръ.

Жена маршала.—Ну, я желаю, чтобы вы перемѣнили имя. Должность у васъ также будетъ другая. Вы не такъ красивы, какъ вашъ то-

варищъ. Вамъ сдадутъ на руки серебро... лампы... Ансельмъ присмотритъ за этимъ.

Жена маршала *(Герцогу де-Понъ л'Евекъ)*.— А вы, милый мой, прескверно сложены. Ну, кто такъ держитъ ноги? Ваша фигура похожа на искривленные щипцы. Что вы тамъ дѣлали?

Герцогъ. — Смотрѣлъ за бѣльемъ и одѣвалъ барыню.

Жена маршала.—Да что вы съ ума сошли?

Герцогъ.—Вполнѣ понимая удивленіе вашего сіятельства, я въ двухъ словахъ объясню все дѣло. Баронесса не хотѣла, чтобы у нея въ домѣ соприкасались люди различныхъ половъ... она, конечно, боялась послѣдствій... Вы меня вѣроятно, поняли? такимъ образомъ, у нея вся прислуга была мужская.

Жена маршала *(въ сторону)*.— Что за странные люди! *(Громко.)* А какъ васъ зовутъ?

Герцогъ.—Мое настоящее имя Клодъ, но баронесса называла меня всегда „Пти Шозъ", вычитавъ въ одной печатной книгѣ это смѣшное имя.

Жена маршала. — Ну, хорошо, Пти Шозъ, согласна оставить васъ у себя на нѣкоторое

время *(останавливается передъ Ландри)*. А, наконецъ-то! вотъ этотъ хорошо сложенъ, видный, ловкій.

Ландри.—Меня, сударыня, зовутъ Ландри. Моя обязанность была все чистить.

Жена маршала.—Я согласна взять васъ на пробу. За всѣхъ мнѣ отвѣчаетъ Ансельмъ. Сейчасъ же пусть всякій принимается за свое дѣло. Сегодня у меня обѣдаютъ шесть человѣкъ гостей. Вамъ покажутъ комнаты въ домѣ. А! кстати, есть у васъ аттестаты?

Виконтъ де-Бри.—Вотъ одинъ изъ нихъ. Я служилъ у виконта де-Бри.

Жена маршала.—Это очень жалкая рекомендація: виконтъ игрокъ, развратникъ и...

Виконтъ *(горячо)*.—Божусь вамъ, что его оклеветали передъ вами. Я его хорошо знаю.

Жена маршала.—Ну, довольно объ этомъ.

Графъ де-Пасси-Пари.—А я, ваше сіятельство, находился у графа де-Пасси-Пари.

Жена маршала.—Каждый годъ службы, въ такомъ случаѣ, вамъ слѣдуетъ считать за два. Графъ, говорятъ, очень грубъ и глупъ.

Графъ де-Пасси-Пари.—Никогда я этого не замѣчалъ.

Жена маршала.—Теперь идите. Вамъ выдадутъ ливрейное платье. Я требую отъ людей строгой исполнительности въ службѣ, хорошаго поведенія и не стою за вознагражденіемъ. Ансельмъ, распорядитесь, чтобы обѣдъ былъ поданъ ровно въ восемь часовъ.

(Новые слуги всѣ кланяются и уходятъ).

VI

Франсуа Шульяръ, старшій поваръ, съ удовольствіемъ взялся руководить своими новыми товарищами. Менѣе, чѣмъ черезъ полчаса, наши молодые люди знали, гдѣ моются тарелки, куда прячутъ серебро, куда бѣлье, гдѣ заправляютъ лампы, выливаютъ помои, чистятъ платье и тысячу другихъ, такихъ же интересныхъ подробностей. Герцогъ де-Понъ-л'Евекъ хотѣлъ закурить сигару. Франсуа Шульяръ замѣтилъ ему, что такія вещи не дѣлаются; но, какъ добрый товарищъ, указалъ ему уголокъ въ погребѣ, гдѣ

можно на свободѣ выкурить трубку. Въ качествѣ старшаго, Шульяръ хочетъ непремѣнно угостить ихъ и поздравить съ поступленьемъ въ должность и, захвативъ по дорогѣ берейтора Ватсона, волей-неволей, повелъ всѣхъ въ погребокъ. Чтобы отдѣлаться отъ приглашенія, попробовали сослаться на работу. Шульяръ обѣщалъ, что потомъ имъ поможетъ. Хотя и старались отговориться подъ всевозможными благовидными предлогами, но дѣлать нечего: чтобы не разсердить такого полезнаго помощника, какимъ былъ для нихъ старшій поваръ, офицерамъ его святѣйшества пришлось забраться въ кабакъ.

Ландри же, настоящій лакей, понимая, до какой степени будетъ неприлично, если онъ усядется за общій столъ съ своими господами, нашелъ возможность увернуться. Бродя по корридорамъ отеля, онъ добрался до чердаковъ и отправился разъискивать назначенную ему комнату. Только въ одной двери оказался ключъ. Онъ ее отворилъ.

Хорошенькая комнатка, хотя и со сводами,

вся обитая зеленымъ ситцемъ съ маленькими букетами; молодая дѣвушка стоитъ, повернувшись спиной къ двери, и одѣвается. Она только что застегнула маленькій корсетъ и завязываетъ цѣлую кучу юбокъ, безъ помощи которыхъ могла бы и обойдтись, благодаря своей полнотѣ. Тесемка у нея завязалась узломъ; думая, что обращается къ одной изъ своихъ товарокъ,

— Распутай мнѣ, пожалуйста, сказала она.

Ландри не заставилъ себя долго просить. Онъ подходитъ, зубами и ногтями развязываетъ узелъ, завязываетъ шнурки и цѣлуетъ ее въ самую средину спины, между лопатками, говоря:

— Ну, вотъ и готово!

Молодая дѣвушка вздрогнула, оборачивается къ нему лицомъ и даетъ такимъ образомъ возможность убѣдиться, что лицевая сторона медали, такъ сказать, также хороша, какъ и оборотная. Когда она обернулась, оба вскрикнули въ одно время:

— Ландри!

— Жозефина!

— Ты, здѣсь!

*

— Какая встрѣча!

— Что привело тебя сюда?

— Послѣ узнаешь.

— Ужъ не составляешь ли ты часть новой прислуги?

— Да, я поступилъ съ часъ тому назадъ.

— Вотъ какъ иногда сходишься!..

— Это, должно быть, хорошій домъ, судя по тому, что я вижу.

— Что же такое?

— То, что ты пополнѣла. Честное слово, ты стала на сто процентовъ лучше, чѣмъ была.

Молодая дѣвушка покраснѣла и, замѣтивъ только тогда, что въ ея туалетѣ много чего недостаетъ, набросила на плечи косынку.

— Какъ ты вошелъ?

— Да... въ дверь.

— Какъ ты попалъ сюда?

— Я искалъ мою комнату. Только въ одной двери находился ключъ; это оказалось въ твоей. Надѣясь кого-нибудь тутъ найдти и спросить, я отворилъ и...

— И остальное я почувствовала. Зналъ-ли ты, по крайней мѣрѣ, кого цѣловалъ?

Ландри, какъ опытный человѣкъ, отвѣчалъ, не смутившись:

— Еще бы!

— Я надѣюсь, что ты забылъ прошедшее и не думаешь опять приниматься за прежнія проказы?

— А отчего же намъ не начать опять?

— Очень благодарна. Это совсѣмъ не такой домъ, какъ тотъ, въ которомъ мы вмѣстѣ съ тобой начали свое поприще.

— Тѣмъ хуже.

— А кто твои товарищи? Хорошій-ли это народъ? Есть ли между ними красивые?

— Что тебѣ за дѣло до другихъ, если я здѣсь? И потомъ, знаешь, чтобы ты ни дѣлала, на нихъ не подѣйствуютъ твои хорошенькіе глазки.

— Это почему?

— Потому, что это необыкновенные лакеи.

— Что все это значитъ?

— Узнаешь черезъ нѣсколько дней.

— А почему же не сейчасъ?

— Потому, что я обѣщалъ ничего не говорить.

— Значитъ, есть какая-то тайна?

— Можетъ быть.

— Ландри, милый мой Ландри...

— Ничего тутъ не сдѣлаешь своимъ „милымъ“ Ландри.

— Не хотите-ли вы съиграть какой нибудь скверной штуки?

— Нѣтъ, это просто шутка.

— Или ты долженъ мнѣ все сказать, или я предупрежу сейчасъ барыню.

— А что ты мнѣ обѣщаешь, если я тебѣ скажу, въ чемъ дѣло?

— Все, что хочешь.

— И потомъ исполнишь свои обѣщанія?

— Ну, это ужъ другое дѣло.

— Ну, такъ ничего и не узнаешь. Понимаешь-ли, что за малѣйшую нескромность я могу очутиться на улицѣ, а сидя у тебя на кушеткѣ, такой мягкой, покойной, удобной, я не могу безъ содроганья вспомнить про улицу.

Раздавшійся въ эту минуту звонокъ прервалъ Ландри.

— Это меня зоветъ бариня. Подожди меня здѣсь.

— Невозможно. Кто же за меня тамъ все сдѣлаетъ?

— Ничего, десять минутъ товарищи обойдутся и безъ тебя. Я же обходилась цѣлыхъ два года.

— Тебѣ легче было найдти, кѣмъ замѣнить меня, чѣмъ имъ.

— Возможно, но я все таки ждала тебя.

— Разсказывай! Ты не такъ глупа, чтобъ это сдѣлать.

— Ну, я побѣгу и возвращусь черезъ нѣсколько минутъ.

Дѣвушка поспѣшно вышла и, заперевъ дверь на замокъ, побѣжала къ барынѣ.

— Ваше сіятельство, вы здѣсь не совсѣмъ въ безопасности.

— Что вы хотите сказать?

— Эти новые лакеи совсѣмъ не то, чѣмъ кажутся.

— Тѣмъ лучше, потому что всѣ они кажутся одинъ неловче другаго.

— Вы не принимаете серьезно того, что я вамъ говорю?

— Я ничего не боюсь, такъ какъ мнѣ ихъ рекомендовалъ Клери.

Молодая дѣвушка разсказала тогда про свою встрѣчу съ Ландри; разсказъ, конечно, былъ немножко прикрашенъ. Она повторила то, что говорилось между ними, и успѣла поселить въ барынѣ часть опасеній, волновавшихъ ее.

— Дѣло въ томъ, что всѣ эти бородатые лакеи, явившіеся всей компаніей, привыкли исполнять самыя странныя обязанности...

— Я повидалась бы съ Ландри, если бы была на мѣстѣ вашего сіятельства.

— Приведи его ко мнѣ.

— Я пойду за нимъ и черезъ двѣ минуты...

— Подожди. Онъ можетъ убѣжать и предупредить товарищей. Я пойду сама съ тобой.

— Какъ вашему сіятельству угодно.

— Покажи мнѣ дорогу.

Жена маршала поспѣшно поднялась на лѣст-

ницу. Ландри, услышавъ шаги по корридору, началъ усиленно колотить въ дверь.

— Да отворишь ли ты, наконецъ, или я выбью дверь?

Послѣ краткаго совѣщанія, горничная подошла къ дверямъ.

— Ландри?

— А! наконецъ-то ты пришла! Полно шутить, отвори скорѣе.

— Ты, значитъ, очень торопишься?

— У меня много дѣла.

— Скажи мнѣ, кто твои товарищи, а то я не отворю.

— Завтра я ихъ тебѣ назову.

— Нѣтъ, назови сейчасъ.

— Отвори сперва.

— Обѣщаешь ли ты мнѣ, что секретъ стоитъ того?

— Клянусь тебѣ.

Княгиня отворяетъ дверь. Ландри, думая, что за дверью стоитъ горничная, схватываетъ жену маршала за талію и бросаетъ ее на кушетку.

Ландри. — Ты мнѣ заплатишь за это!

Жена маршала.—(*Даетъ ему пощечину*). Вотъ тебѣ въ счетъ платы, негодяй (*Ландри, увидавъ свою ошибку, въ страхѣ пятится назадъ*).

Жена маршала.—Я нахожу, что у васъ очень странная манера приниматься за дѣло, господинъ Ландри.

Ландри. — Простите меня, ваше сіятельство, но я былъ такъ далекъ отъ мысли...

Жена маршала.—Все равно, такъ не начинаютъ.

Ландри.—Между такими маленькими людьми, какъ мы, это не имѣетъ значенія. (*Жозефинѣ*). Да потомъ, ты вѣдь не знаешь, что бы я сдѣлалъ. Мнѣ хотѣлось только испугать тебя.

Жена маршала.—Ландри, я велю арестовать васъ и вашихъ товарищей; это также вѣрно, какъ и то, что вы негодяй, если вы не скажете мнѣ всю правду.

Ландри. — Какую правду, ваше сіятельство? Правды нѣтъ никакой. Я не понимаю, что вамъ угодно сказать. Это все выдумки этой дѣвчонки, потому что она не хочетъ, чтобъ я остался у васъ.

Жозефина.—(*Съ гнѣвомъ*). Я не хочу!... Почему это, позвольте васъ спросить?

Ландри. — По поводу прежнихъ исторій.

Жена маршала.—Меня нисколько не интересуютъ ваши личныя дѣла; но я хочу знать, что это за люди, съ которыми вы явились.

Ландри. — Однако... ваше сіятельство.

Жена маршала. — Я не намѣрена васъ долго упрашивать.

Ландри. — Вотъ увидите, что я потеряю мѣсто изъ за выдумокъ этой дѣвчонки.

Жена маршала. — А развѣ вы имъ очень дорожите?

Ландри. — Конечно!... Мнѣ только что хотѣли прибавить жалованье...

Жена маршала.—Вы сами видите, что, кромѣ меня, служите еще у кого-то.

Ландри. — Клянусь вамъ, ваше сіятельство...

Жена маршала. — Скажите мнѣ, у кого вы служите, и если васъ выгонятъ, то я беру васъ къ себѣ за двойную плату.

Ландри. — Вы никому не скажете, что это я вамъ сказалъ?

Жена маршала. — Даю слово.

Ландри. — Ваше сіятельство заставляете меня совершить очень дурной поступокъ.

Жозефина. — Тебѣ вѣдь за него заплатятъ.

Ландри. — Конечно, я знаю...

Жена маршала. — Сколько вы получаете?

Ландри. — 1200 франковъ, платье и все готовое.

Жена маршала. — Въ случаѣ несчастія, я беру васъ служить къ себѣ и даю жалованья 2,400 франковъ. Если же вы скажете мнѣ всю правду, то сейчасъ же получите впередъ за шесть мѣсяцевъ.

Ландри. — Значитъ, я получу сейчасъ 1,200 франковъ?

Жена маршала. — Да, 1200 франковъ.

Ландри. — Я знаю, что всегда честнѣе служить женщинамъ.

Жозефина. — Конечно.

Ландри. — Въ такомъ случаѣ, ваше сіятельство, вотъ въ чемъ дѣло: мой баринъ и шестеро его друзей пріѣхали на короткое время въ Парижъ. Они находятся въ папской службѣ.

Все это легитимисты; вы знаете? И вотъ, имъ такъ много наговорили про красоту вашу и вашихъ пріятельницъ, что они нашли забавнымъ заступить мѣсто лакеевъ баронессы де-Котильонъ, которые не могли явиться къ вамъ, и насмотрѣться на васъ вдоволь, не компрометируя себя.

Жена маршала. — Какъ такъ... не компрометируя себя?

Ландри.—Вашему сіятельству извѣстно, что мы...

Жена маршала. — Кто такіе вы?

Ландри. — Ну, аристократія, легитимисты.

Жена маршала. — А! хорошо, продолжайте.

Ландри. — Мы не любимъ, чтобъ насъ встрѣчали внѣ нашего круга.

Жена маршала. — Прекрасно; скажите же мнѣ имена этихъ шести героевъ.

Ландри. — Мой баринъ, это высокій съ свѣтлыми усами: графъ де-Сассенажъ.

Жена маршала. — А! развѣ онъ оставилъ папскую службу?

Ландри. — Мы возвращаемся въ Римъ черезъ два или три дня.

Жена маршала. — А другіе?

Ландри. — Маленькій брюнетъ, второй, съ которымъ вы говорили, это баронъ Гильери де-Кастръ. Тотъ, котораго вы нашли такъ дурно сложеннымъ и которому поручили завѣдывать лампами, это герцогъ де-Понъ-л'Евекъ.

Жена маршала. — Однако! Вы называете мнѣ все самыя знатныя имена во Франціи!

Ландри. — Что касается до того высокаго, который показывалъ вамъ аттестатъ отъ виконта де-Бри, то это и есть самъ виконтъ. Тотъ, который стоялъ около него по правую руку, — графъ Пасси де-Парн. Предпослѣдній, съ маленькими черными усами, это баронъ де-Невшатель. И наконецъ, самый старшій изъ нихъ — баронъ Крейссонъ де-Фонтанъ.

Жена маршала. — У меня совсѣмъ королевскій составъ двора.

Жозефина. — Да, но это еще не все.

Ландри. — Какъ такъ?

Жозефина. — Сегодня утромъ васъ было девять человѣкъ. Ты, да семеро, которыхъ ты назвалъ, это составляетъ восемь. А кто же девятый?

Ландри. — Девятаго зовутъ Сатюрненъ, это мой товарищъ. Онъ служитъ у герцога де-Понъ-л'Евекъ.

Жена маршала. — Къ чему такое смѣшеніе?

Ландри. — Вамъ, конечно, понятно, что эти господа не умѣютъ служить. Они взяли насъ для того, чтобы накрывать на столъ, зажигать лампы и дѣлать все остальное.

Жена маршала. — Хорошо. Ты останешься здѣсь, запертымъ на ключъ.

Ландри. — Какъ!... на ключъ!...

Жена маршала. — Это послужитъ тебѣ средствомъ къ оправданію. Если ты будешь сидѣть смирно и я ничего не услышу о тебѣ, то получишь вознагражденіе.

Ландри. — Я буду, какъ мертвый.

Ландри остается въ заключеніи, княгиня сходитъ внизъ въ сопровожденіи Жозефины.

Жена маршала. — Само собой разумѣется, что вы будете держать свой языкъ на привязи.

Жозефина. — Я думаю, что теперь вашему сіятельству нечего сомнѣваться въ моей преданности.

Жена маршала.—Вы снесете сейчасъ на телеграфъ депеши, которыя я вамъ дамъ.

И княгиня пишетъ своимъ шести пріятельницамъ:

„Лакеи перемѣнены. Что бы ни увидѣли и ни услышали, не удивляться, не дѣлать замѣчаній. Объясню все. Одѣться наряднѣе.

„Луиза“.

Потомъ она разсылаетъ штукъ двадцать приглашеній, написанныхъ слѣдующимъ образомъ:

„Прошу пріѣхать сегодня въ десять часовъ вечера. Приготовленъ сюрпризъ. Предупредите нашихъ и приводите ихъ какъ можно больше. Никого, кромѣ дамъ.

„Княгиня Тильзитская.“

— А, господа зуавы, вы мошенническимъ образомъ пробираетесь въ нашъ лагерь! Увидимъ, кто надъ кѣмъ посмѣется.

VII

Папская армія возвратилась изъ погребка. Всѣ эти господа принялись накрывать на столъ,

причомъ весьма живо ощущается отсутствіе Ландри. Графъ Сассенажъ ужасно тревожится. Сатюрненъ едва поспѣваетъ во всѣ мѣста. Однако, къ половинѣ восьмаго все окончено Маркизъ де-Крейссонъ Фонтанъ и баронъ Гильери де-Кастръ зажгли свѣчи и лампы. Графъ де-Сассенажъ и герцогъ де-Понъ-л'Евекъ находятся въ передней. Виконтъ де-Бри, графъ де-Пасси-Пари и баронъ де-Невшатель накрыли на столъ.

Княгиня вышла изъ своей комнаты.

Нечего и говорить о томъ, что болѣе, чѣмъ въ этотъ день, никогда не заботилась она о своемъ туалетѣ, который представлялъ чрезвычайно искусное соединеніе кисеи, лентъ и кружевъ съ примѣсью пунцоваго атласа. На головѣ почти никакихъ украшеній, кромѣ бриллянтовой звѣздочки и трехъ маленькихъ перышекъ. Весь туалетъ очень изященъ, красивъ и идетъ къ ней удивительно.

Вы знаете, что обыкновенно я отношусь къ женѣ маршала очень строго, никогда не щажу ее; но въ этотъ вечеръ она была такъ удиви-

тельно хороша, что я, глядя на нее, точно также потерялъ голову, какъ графъ, баронъ, герцогъ и другіе.

Тщательно осмотрѣвъ гостиныя, столовую и переднюю, княгиня подумала: „Однако, порядочно-таки поработали эти господа, за то все въ порядкѣ.“

Сенъ-Жерменское предмѣстье многое должно простить Клери.

Жена маршала. — (*Графу де-Сассенажъ*). — Васъ, кажется, зовутъ Ансельмомъ?

Графъ. — Точно такъ.

Жена маршала. — Если вы желаете, чтобы ваши подчиненные имѣли приличный видъ, то вы сами должны подавать имъ примѣръ. Гдѣ вы видѣли дворецкихъ въ рубашкѣ съ отложнымъ воротничкомъ?

Сассенажъ. — Баронесса никогда не дѣлала намъ замѣчаній на этотъ счетъ.

Жена маршала. — Съ чѣмъ я ее и поздравляю. Чтобы служить у стола, вы снимете лайковыя перчатки и надѣнете нитяныя.

Де-Бри. — Мы никогда ихъ не носили.

Жена маршала.—Ну, такъ начнете носить съ сегодняшняго дня. Что касается до васъ, Пти-Шозъ, то вамъ необходимо подложить ваты въ икры. Титиръ, васъ нужно еще учить, какъ носить панталоны. Я боюсь, что мнѣ будетъ очень трудно вышколить васъ.

Де-Фонтанъ. — (*Разсердившись*). — Никогда ни отъ кого мы не слыхали такихъ выговоровъ.

Жена маршала.—Тѣмъ хуже для домовъ, въ которыхъ вы служили. Теперь старайтесь пріучаться дѣлать все, какъ слѣдуетъ.

Всѣ возвращаются на свои мѣста.

Де-Фонтанъ. — Господа, это совершенно невыносимое положеніе. Вы видите, что княгиня смѣется надъ нами.

Понъ-л'Евекъ.—Чтобы быть совершенно правдивымъ, скажи лучше, что она смѣется надъ тобой.

Сассенажъ. — Этотъ герцогъ, чортъ его побери, вѣчно обижается.

Понъ л'Евекъ. — Съ меня довольно. Я заставлю себя прогнать.

Де-Кастръ. — Честное слово, я имѣю сильное желаніе послѣдовать твоему примѣру. Я не хочу, чтобы кто нибудь имѣлъ право сказать, что насъ одурачили кокотки и что я обѣдалъ на кухнѣ за однимъ столомъ съ Шульяромъ.

Въ эту минуту въ передней раздался звонокъ. Во дворъ въѣхала карета и остановилась у крыльца. Изъ нея выходитъ баронесса де-Сенъ-Клодъ.

Де-Фонтанъ. — (*Снимая съ нея шубу и обращаясь къ Понъ л'Евекъ*). — Посмотри-ка, любезный другъ. Случалось ли тебѣ видѣть такія чудныя плечи?

Баронесса. — (*Съ изумленіемъ*). — Что вы сказали?

Де-Фонтанъ. — Отдалъ справедливость вашимъ прекраснѣйшимъ въ цѣломъ свѣтѣ плечамъ.

Понъ-л'Евекъ. — А что за руки!... взгляни, какъ онѣ тонки около кисти!

Баронесса, вспомнивъ во-время о депешѣ княгини, проходитъ, не говоря ни слова.

Де-Бри. — Она, кажется, осталась очень довольна.

Де-Фонтанъ. — Я боялся, что зашелъ слишкомъ далеко.

Понъ-л'Евекъ. — Повидимому, тутъ можно быть еще смѣлѣе.

Де-Бри. — Будемъ же смѣлѣе!

За рѣшетку въѣзжаетъ вторая карета. Черезъ переднюю проходитъ графиня О'Темпора и, подавая идущему за нею лакею накидку, входитъ въ залу.

Баронъ де-Кастръ. — (*Докладываетъ*). Прекрасная княгиня О'Темпора.

Она съ изумленіемъ останавливается на порогѣ. Жена маршала бѣжитъ ей на встрѣчу и уводитъ, говоря что-то потихонько.

Де-Кастръ. — А! да этимъ женщинамъ, кажется, можно говорить все, что вздумается?

Мистриссъ Ройль встрѣчаетъ графъ Сассенажъ и подаетъ ей руку.

Мистриссъ Ройль.—(*Остановившись и пристально глядя на графа*). — Что вамъ нужно?

Сассенажъ. — Да вѣдь вы видите, что я предлагаю вамъ взять меня подъ руку, чтобы дойдти до залы.

Мистриссъ Ройль. — Это зачѣмъ?

Сассенажъ. — Затѣмъ... затѣмъ...

Мистриссъ Ройль. — Это еще что за новый обычай?

Сассенажъ. — Тутъ обычай не при чемъ. Вы прекраснѣе, чѣмъ бываютъ обыкновенно, а я поэтому любезнѣе, чѣмъ слѣдуетъ.

Мистриссъ Ройль.—(*Стоитъ одну минуту въ изумленіи, потомъ проходитъ, нахмуривъ брови и говоря*). Посмотримъ, что будетъ дальше.

Сассенажъ. — Изъ всѣхъ трехъ эта самая красивая. Изъ за нее меня, вѣроятно, выгонятъ, что будетъ очень жаль. Что за огонь въ глазахъ! какая гордость! какая походка!

Вслѣдъ за мистриссъ Ройль является маркиза Де-ла-Туръ де-Пизъ. Она едва успѣла сдѣлать пять шаговъ по передней, какъ къ ней подошолъ герцогъ де-Понъ-л'Евекъ и поцѣловалъ ей руку.

Маркиза. — Вы съ ума сошли?

Понъ-л'Евекъ. — Да и есть отъ чего.

Маркиза. — А! да!... хорошо!... я понимаю...

Она проходитъ, расхохотавшись.

Сассенажъ. — Имъ никакъ нельзя отказать

въ томъ, что онѣ прелестны; но какъ странно онѣ относятся къ нашему ухаживанью!

Де-Фонтанъ. — Я знаю одно, что уже давно надо бы убѣжать отсюда...

Сассенажъ. — Ты забываешь, что имъ некому служить, кромѣ насъ. До завтра мы можемъ позволять себѣ все, что вздумается, а ужъ что будетъ потомъ!...

Виконтесса Рампоно де-Сенъ-Емильонъ. — (*Входя въ переднюю и обращаясь къ барону де-Невшатель*). — Скажите кучеру, чтобъ онъ пріѣзжалъ за мной въ двѣнадцать часовъ.

Невшатель. — (*Дѣлая ей глазки*). Какъ! такъ рано?

Виконтесса. — Что вы сказали?

Невшатель. — Что намъ нужно гораздо больше назначеннаго времени, чтобы вдоволь налюбоваться столькими прелестями.

Виконтесса. — Вы, кажется, потеряли голову!

Невшатель. — Она послѣдовала за сердцемъ.

Виконтесса. — Ахъ, да! понимаю. Это потому, что.... Хорошо, мой милый, вамъ дадутъ больше времени. Боже мой! что засмѣшная фигура!

Виконтесса съ громкимъ смѣхомъ проходитъ въ залъ.

Невшатель. — Ну, ужъ тутъ я ровно ничего не понимаю.

Де-Бри. — Что это за народъ?

Сассенажъ. — Всѣ эти сумасшедшія женщины обворожительны.

Де-Бри.—Молчите! Вотъ въѣзжаетъ во дворъ седьмое чудо. Если меня за эту не выбросятъ за дверь, то надо вовсе отказаться отъ надежды быть выгнаннымъ.

Герцогиня Кандидъ-де-ла Вильетъ, помня депешу, полученную ею отъ жены маршала, проходитъ черезъ переднюю, съ любопытствомъ разглядывая новыхъ лакеевъ.

Виконтъ де-Бри идетъ въ слѣдъ за ней. Онъ, снимая съ нее бурнусъ, цѣлуетъ ей руку повыше кисти, за что и получаетъ очень увѣсистую пощечину.

Герцогиня (*Съ живостью*). — Ахъ, извините!.... Мнѣ бы нужно было сдѣлать видъ, что я не замѣчаю, но ужъ такъ случилось...

И она исчезаетъ въ залу.

Виконтъ стоитъ, какъ ошеломленный. Вотъ,

ужъ теперь передъ нимъ извиняются! Что же будетъ послѣ этого! Онъ навѣрно пошелъ бы въ слѣдъ за баронессой въ гостиную, если бы Сатюрненъ не напомнилъ ему, что, такъ какъ всѣ гости съѣхались, то нужно заняться обѣдомъ и идти въ столовую.

— Что-то будетъ, болтаютъ между собой наши молодые люди, чего-то мы не наслушаемся!

Черезъ пять минутъ, въ продолженіи которыхъ почти безпрерывно слышался отдаленный смѣхъ, жена маршала приказала подавать обѣдъ.

VIII.

Что за прелестная картина!

Жена маршала—высокая, стройная, съ черными волосами, томными, глубокими глазами, насмѣшливымъ ртомъ, — въ облакѣ бѣлыхъ кружевъ и пунцоваго атласа.

Баронесса—блондинка съ черными глазами; цвѣтъ лица нѣжный, какъ у чайной розы; въ голубомъ туманѣ, усѣянномъ серебромъ.

Графиня—съ огненнаго цвѣта волосами, яс-

ними голубыми глазами, чувственными губами и маленькими руками, въ зеленомъ атласномъ платьѣ съ ліонскими кружевами.

Мистрисъ Ройль—холодные, голубые глаза съ черными рѣсницами. Роскошные, густые волосы, прекраснаго бѣлокураго цвѣта, падаютъ, прихотливо завиваясь прядками до таліи; губы презрительныя, приподнятыя; шея довольно длинная, чудныя плечи. Она тонетъ въ облакѣ чернаго газа, съ стальными украшеніями и отдѣлкой изъ атласа огненнаго цвѣта.

Герцогиня—съ готовой улыбкой на губахъ, большими, удивленными глазами и зубами, бѣлыми и ровными, какъ жемчугъ въ ожерельѣ; полненькая, розовая, свѣжая, одѣтая въ бѣлый атласъ. Въ волосахъ и изъ подъ крепа на лифѣ и на юбкѣ выглядываютъ бѣлыя розы.

Виконтесса—полнота, достаточная для возбужденія страсти, но не такая, чтобы портить фигуру; талія тонкая, глаза блестящіе, губы красныя, смѣхъ веселый, голосъ звучный; одѣта во что-то шолковое; видно, что туалетъ составлялъ мастеръ своего дѣла.

Маркиза—гибкая, какъ котенокъ; волосы такіе густые, что она не знаетъ, куда ихъ дѣвать; верхняя губа слегка оттѣнена пушкомъ, глаза то томные, то блестящіе, манеры попеременно то скромныя, то вызывающія; порой видна жажда страстныхъ поцѣлуевъ, которая вдругъ, безъ всякой причины, исчезаетъ. Нарядъ фантастическій изъ бѣлаго бархата съ малиновыми полосками, въ волосахъ перья.

Усѣйте все это бриллянтами, жемчугомъ, золотомъ и драгоцѣнными каменьями; посадите семь чудесъ около стола, уставленнаго цвѣтами и хрусталемъ; зажгите множество свѣчей въ люстрахъ и жирандоляхъ; покройте столъ толстымъ азіатскимъ ковромъ; обтяните стѣны красивой матеріей; помѣстите тутъ буфеты, заставленные драгоцѣннымъ фарфоромъ, рѣдкимъ хрусталемъ и серебрянной посудой, самой тонкой работы; пусть подаются при этомъ самыя возбуждающія вина и тонкія кушанья,—и скажите мнѣ тогда, удивляетъ-ли васъ, что наши семь аристократовъ были положительно ослѣплены!

Каждую минуту молодымъ людямъ приходила

въ голову мысль—сознаться въ своемъ любопытствѣ и хитрости, смириться и попросить позволить имъ сѣсть за столъ; но они боялись, что подымется буря и что ихъ со стыдомъ выгонятъ. Всѣ они имѣли очень смѣшной видъ. Да къ тому же, какъ послѣ всего этого показаться къ баронессѣ де-Котильонъ въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ?

Благодаря стараніямъ Сатюрнена, служба за столомъ идетъ довольно хорошо. Импровизированные лакеи довольно ловки. Когда кто-нибудь изъ нихъ дѣлаетъ промахъ, гости переглянутся между собой, но дѣлаютъ видъ, что ничего не замѣчаютъ. Скверныя минуты приходилось переживать нашимъ молодымъ людямъ! да оно и понятно, когда подумаешь, что, наклоняясь къ прелестнымъ плечамъ, вмѣсто того, чтобы прошептать страстное признаніе въ любви, которое такъ и вертится на языкѣ, приходится говорить: „рыба, соусъ изъ раковъ“ или „бараньи котлеты en belle vue“.

Они были удивлены разговоромъ, который ведется нашими героинями, не менѣе, чѣмъ ослѣплены ихъ видомъ.

Жена маршала. — Я совершенно согласна съ вами, моя дорогая, и также нахожу, что проповѣди аббата Кловеля несравненно лучше проповѣдей отца Массильона.

Баронесса. — Слышали-ли вы его проповѣдь въ церкви св. Клотильды?

Жена маршала. — Нѣтъ, я тогда была въ церкви св. Женевьевы; у насъ была тамъ девятидневная служба и сборъ лепты св. Петра.

Герцогъ де-Понъ л'Евекъ. — Филей-говядина à la Schneider.

Мистриссъ Ройль. — Нѣтъ, благодарю. Я нахожу, что отецъ Массильонъ не достаточно строгъ.

Баронесса.—Какъ такъ?

Мистриссъ Ройль.—Онъ разрѣшаетъ ѣсть ица съ начала и до конца поста.

Маркиза (*Возмутившись*). — Увѣрены ли вы въ томъ, что говорите?

Мистриссъ Ройль. — Я сама слышала, какъ онъ говорилъ это у меня, выходя изъ за стола.

Баронесса. — Вы меня чрезвычайно удивляете.

Мистриссъ Ройль.—Жоржъ де-Клери, можетъ вамъ это подтвердить. Это было при насъ.

Графъ де-Пасси-Пари.—Жаркое и куропатки съ апельсинами.

Мистриссъ Ройль. — Онъ очень косо посмотрѣлъ на Святаго Отца. Вы знаете, какъ Клери строго смотритъ на эти вещи.

Маркизъ де-Фолтанъ. — Шато д'Икемъ или Кортонъ?

Жена маршала.—Кортонъ.—Я совершенно съ нимъ въ этомъ согласна. Нужно или ужъ строго исполнять всѣ обряды, или вовсе нѣтъ.

Виконтесса. — Однако, милая, не нужно же вдаваться въ крайности въ этихъ вещахъ.

Жена маршала. — Вы безразлично снисходительны.

Баронъ Гильери де-Кастръ. — Спаржа подсоусомъ.

Виконтесса.—Да, немного.—Вы сердитесь на меня съ тѣхъ поръ, какъ я вступилась за жену президента Тюли.

Жена маршала.—Я на васъ никогда не сердилась, но мнѣ было очень досадно, что вы

вступились за женщину, которая только полтора года какъ овдовѣла и уже позволяетъ себѣ носить сѣрыя шляпки.

Виконтесса. — Я говорила тогда и теперь подтверждаю, что она имѣла на это право.

Жена маршала. (*Поднявъ глаза къ небу*).— Какой вѣсъ имѣетъ право передъ сердечнымъ огорченіемъ!

Графъ Сассенажъ (*Тихонько герцогу де-Понъ л'Евекъ*). — Долго ли они будутъ говорить на эту тему?

Герцогъ (*Также тихо*). — Это еще похуже, чѣмъ у тетушки де-Котильонъ.

Графъ де-Сассенажъ.—Вотъ какъ несправедливо иногда составляются репутаціи.

Герцогъ де-Понъ л'Евекъ. — Подожди, подожди! я ихъ немножко разшевелю.

Графъ де-Сассенажъ.—Давно пора.

Маркиза.—Вѣрите ли вы мнѣ или нѣтъ, что только два мѣсяца тому назадъ я поняла, почему мужья не любятъ, чтобы ихъ жены носили открытыя платья?

Жена маршала.—Это меня нисколько не удивляетъ.

Маркиза.—Это мнѣ объяснилъ мой мужъ.

Жена маршала. — Мужчины такъ испорчены.

Маркиза.—Право, свѣтъ мнѣ ничего не внушаетъ, кромѣ ужаса, когда я объ немъ подумаю.

Герцогъ де-Понъ л'Евенъ (*Тихонько виконтессѣ, подавая ей зеленый горошекъ*). — Я долженъ поговорить съ тобой сегодня вечеромъ.

Виконтесса (*Громко*).—Благодарю. Я не хочу. (*Тихо*) Послѣ обѣда, въ гардеробной.

Герцогъ (*Обезумѣвъ отъ удивленія*). — Ай, ай, ай!

Баронесса. — Во всѣхъ проступкахъ, за которыя насъ упрекаютъ, мы положительно на девять десятыхъ бываемъ невинны.

Маркизъ де-Фонтанъ. Шарлотъ съ ананасами. (*Тихо*).—Я живу только тобой; когда я тебя увижу?

Баронесса (*Тихо*). — Ждите меня въ своей комнатѣ.

Герцогиня.—Насъ бы больше уважали, если-бы видѣли наши сердца.

Виконтъ де-Бри.—Ванильное или фисташковое? (*Тихо*) Я сдѣлаю какую-нибудь глупость, если сегодня вечеромъ ты не назначишь мнѣ свиданія.

Герцогиня. — Фисташковое. — (*Тихо*) Послѣ обѣда, въ комнатѣ, гдѣ ванна?

Виконтъ де-Бри.—(*Въ сторону*). Я бы нисколько не удивился, если бы мнѣ сказали, что я нахожусь у доктора Бланшъ.

Графиня.—Насъ держатъ въ дѣтствѣ, какъ невинныхъ овечекъ, и, затѣмъ, прямо изъ овчарни отдаютъ волкамъ.

Баронъ Гильери де-Кастръ. — Клико или рейнскаго? (*Тихо*). Я не могу жить безъ тебя. Когда я тебя увижу?

Графиня.—Благодарю, я ничего не пью, кромѣ воды. (*Тихо*). Въ голубой гостиной, какъ только выйдемъ изъ за стола.

Баронъ—(*Въ сторону*). Или я сошелъ съ ума или ничего не понимаю! Нельзя себѣ предста, вить ничего подобнаго.

Виконтесса.—Насъ должны были вооружить для защиты отъ нападеній, а между тѣмъ, какъ

часто мы остаемся наивными и невинными, даже до преклонныхъ лѣтъ!

Баронъ де-Невшатель. — Сиракузскій виноградъ или японскіе мандарины? (*Тихо*). Я сообщу тебѣ одну тайну, ты должна ее выслушать сегодня вечеромъ.

Виконтесса—(*Тихо*). Черезъ часъ, въ комнатѣ княгини.

Баронъ (*Въ сторону*). Ну, это уже, что называется, сами въ руки даются.

Мистриссъ Ройль.—Если бы добродѣтель не была намъ достаточно сильной уздечкой, то, право, злаго любопытства свѣта было бы довольно для того, чтобы отклонить насъ отъ скользкаго пути...

Графъ де-Сассенажъ.—Малаги 1769, или Люнелю 1607 года?

Мистриссъ Ройль.—Крошечку малаги.

Графъ—(*Тихо*). Я безъ ума отъ тебя и умираю отъ желанія доказать это.

Мистриссъ Ройль.—Дайте мнѣ немножко Люнелю (*Тихо*). Я буду ждать тебя въ библіотекѣ.

Графъ — (*Въ сторону*). Вотъ настоящія-то

женщины! Нессельская башня можетъ считаться монастыремъ въ сравненіи съ этимъ отелемъ.

Жена маршала.—Мнѣ порокъ до такой степени страшенъ, что я никогда не могу вѣрить въ виновность женщинъ.

Графъ Пасси-де-Пари. — Конфектъ? (*Тихо*). Я не могу жить безъ тебя; когда я могу высказать все тебѣ?

Жена маршала. — (*Беретъ нѣсколько засахаренныхъ вишенъ*). Сейчасъ на единѣ, глупенькій. Въ моемъ голубомъ будуарѣ.

Графъ Пасси-де-Пари. — (*Въ сторону*) Поразительно!

IX

Гости встаютъ изъ-за стола.

Въ гостиной также, какъ и въ буфетной, потихоньку сообщаютъ другъ другу приключенія. И тамъ и въ другомъ мѣстѣ не умолкаетъ смѣхъ и шопотъ.

Сассенажъ.—А кто будетъ дежурить въ передней, пока мы будемъ съ нашими плутовками?

Понъ л'Евекъ. — Да развѣ въ такихъ домахъ, какъ этотъ, нужно дежурить?

Сассенажъ.—Да вѣдь и Сатюрненъ тамъ.

Невшатель.—Я бывалъ въ Неаполѣ, въ Іеддо, въ Смирнѣ.... но ничего подобнаго, признаюсь, не видѣлъ.

Графъ де-Фонтанъ. — А не пугаютъ-ли васъ нѣсколько эти легкія побѣды?

Сассенажъ.—Ты бы совсѣмъ успокоился, еслибы слышалъ мою американочку. Да къ тому же, развѣ намъ не точно также описывали это новое общество?

Понъ л'Евекъ. — Выходя изъ-за стола, маркиза на меня такъ посмотрѣла, какъ будто хотѣла сказать: не заставь же ждать себя!

Сассенажъ. — Меня больше всего безпокоитъ отсутствіе Ландри.

Де-Бри.—Ну! послѣ хоть трава не рости и пусть все хоть... къ чорту!

Наши молодые люди отправились каждый въ назначенное ему мѣсто. Потомъ Жозефина, въ сопровожденіи Шульяра, Ватсона и его двухъ помощниковъ, заперла всѣхъ ихъ на ключъ.

Наши курочки поймали въ западню семь лисицъ.

Безпредѣльна была радость въ гостиной, когда Жозефина явилась сообщить объ удачномъ окончаніи дѣла. Семь чудесъ обнимались, цѣловались, поздравляли одна другую, разсказывая маленькія приключенія въ концѣ обѣда. Да и въ самомъ дѣлѣ, было чему порадоваться. Семь папскихъ зуавовъ, людей безукоризненныхъ, семь насмѣшниковъ... Это, право, не дурная добыча. Сенъ-Жерменское предмѣстье надѣнетъ по нимъ трауръ. Съ радости жена маршала удвоила жалованье всѣмъ своимъ людямъ.

Сатюрнена караулятъ въ погребѣ. Ландри утѣшается въ заключеніи тѣмъ, что объѣдается отличнымъ обѣдомъ, который ему принесла Жозефина. Семь чудесъ вытребовали своихъ людей и имъ поручено служить и зорко караулить всѣ выходы. И даю слово, что ихъ караулили не дурно. Лакеи всегда такъ рады, когда господамъ приходится туго. Бьетъ десять часовъ. Приглашенные, горя нетерпѣніемъ узнать, что за сюрпризъ имъ готовится, безпре-

станно подъѣзжаютъ. Ихъ собралось двадцать, потомъ сорокъ, наконецъ шестьдесятъ. Въ десять часовъ въ гостиной уже насчитывается восемьдесятъ женщинъ.

Жена маршала поручила принимать гостей женѣ президента де-Бремондонъ. Всѣмъ извѣстно, какая рѣдкая дичь попалась въ сѣти нашихъ прелестныхъ охотницъ. Увѣряю васъ, что не было недостатка въ анекдотахъ, смѣхѣ и разсказахъ.

Жена маршала, въ сопровожденіи своихъ шести пріятельницъ, отправляется въ спальню. Дѣло въ томъ, что нужно какъ можно скорѣе щегольской вечерній нарядъ замѣнить простымъ закрытымъ платьемъ, маленькимъ чепчикомъ съ лентами и бѣлымъ передникомъ, какъ обыкновенно носятъ горничныя.

Жена маршала. — Теперь, въ свою очередь, мы подадимъ имъ угощеніе собственнаго приготовленія.

Баронесса.—Мы ихъ усадимъ за столъ.

Виконтесса. — А потомъ отворимъ дверь въ гостиную.

Маркиза. — И предмѣстье Сенъ-Оноре полюбуется Сенъ-Жерменскимъ.

Мгновенно платья сняты, волосы распущены... Семь чудесъ являются въ полномъ блескѣ.

Жена маршала.—А! Вамъ было угодно, господа зуавы, одурачить семь бѣдныхъ, беззащитныхъ женщинъ и потѣшить на ихъ счетъ своихъ благородныхъ друзей. Мы имъ покажемъ, съ кѣмъ они имѣли дѣло.

Баронесса.—Про насъ разсказывали бы анекдоты въ казармахъ.

Герцогиня. — Сложили бы пѣсенки, которыя стали бы, не стѣсняясь, распѣвать.

Жена маршала.—А теперь они, эти чудовища, сами будутъ воспѣты и одурачены.

Баронесса. — Но что же должны думать о насъ эти господа? Какъ могли они повѣрить искренности нашихъ отвѣтовъ?

Жена маршала. — Развѣ вы не видите, моя дорогая, что ихъ ввело въ заблужденіе скорѣе слишкомъ высокое мнѣніе, которое они имѣютъ о себѣ, чѣмъ дурное о насъ.

Баронесса. — Все равно, такое поведеніе слишкомъ пахнетъ казармой.

Виконтесса.—Не стоитъ вести свою родословную отъ крестовыхъ походовъ, чтобы дѣлать такія вещи.

Жена маршала.—Все таки они намъ попались.

Маркиза. — Теперь только нужно показать имъ, что мы не изъ тѣхъ овечекъ, которыя безъ сопротивленія позволяютъ вести себя на бойню.

Жена маршала.—Вѣдь каждая изъ васъ знаетъ, что именно она должна дѣлать?

Виконтесса. — Прежде всего, мы освободимъ плѣнниковъ.

Баронесса. — Предпріятіе, не лишенное нѣкоторой опасности.

Герцогиня. — Да, но придется немножко загрязниться.

Маркиза.—Какъ только дверь отворится, мы скажемъ имъ, что...

Маркиза не могла договорить, она вскрикнула и упала на руки къ женѣ маршала.

Жена маршала.—Боже мой! что такое? Отчего вы вскрикнули?

Маркиза (*Указывая на большой шкапъ въ глубинѣ уборной*).—Тамъ, вы не видѣли?

Жена маршала.—Не видѣли, чего?

Маркиза.—Руки.

Семь чудесъ, испуганныя, дрожащія, съ глазами, устремленными на указанное мѣсто, отодвигаются подальше отъ шкапа.

Баронесса.—Руки?.. Что вы хотите сказать?..

Графиня.—Не съ ума ли вы сходите?

Маркиза.—Я видѣла, какъ изъ шкапа выставилась мужская рука, какъ она все протягивалась, протягивалась... до тѣхъ поръ, пока не схватила семь чепчиковъ, которые мы положили на этотъ стулъ.

Жена маршала.—(*Схвативъ щипцы*) Я узнаю, что это такое.

Мистриссъ Ройль. — И я съ вами! рука не могла попасть сюда одна.

Маркиза, баронесса, герцогиня, графиня и виконтесса, едва живыя отъ страха, полураздѣтыя, съ вытянутыми шеями, блуждающими глазами, собравшись всѣ въ кучку, забились въ самый отдаленный уголъ комнаты и,

загородившись креслами, столами и стульями, со страхомъ слѣдятъ за движеньями своихъ храбрыхъ пріятельницъ.

Герцогиня (*Женѣ маршала замирающимъ голосомъ*).—Берегись, Луиза, берегись!

Виконтесса.—(*Мистриссъ Ройль*) Милая, не рискуй, пожалуйста.

Жена маршала и мистриссъ Ройль отворяютъ дверцы шкапа и отступаютъ при видѣ семи папскихъ защитниковъ, выглядывающихъ между платьями и мантильями и сжатыхъ хуже, чѣмъ сельди въ боченкѣ.

Жена маршала (*Махая щипцами*).—Вы что тутъ дѣлаете?

Графъ.—Задыхаемся, княгиня. Вы возвратили намъ жизнь, отворивъ шкапъ.

Герцогъ. — Еще лишнихъ десять минутъ, и вмѣсто одного зловѣщаго шкапа Синей-Бороды очутилось бы два.

Мистриссъ Ройль.—Если бы только мы знали, что нужно было лишь десять минутъ! Божусь вамъ, что...

Графъ.—(*Выходя изъ шкапа*) Очень благодаренъ.

Жена маршала (*Съ живостью*).—Не трогайтесь съ мѣста, иначе я позову людей.

Графъ.—Ни вы, ни мы отъ этого не выиграемъ.

Маркизъ.—Вы сами понимаете, княгиня, что всякому, увидѣвшему васъ въ этомъ прелестномъ костюмѣ и узнавшему, что такимъ образомъ мы пробыли вмѣстѣ взаперти цѣлыхъ двадцать минутъ, останется только посмѣяться.

Жена маршала. — Неужели у васъ достанетъ подлости оклеветать насъ?

Маркизъ. — Патентъ невинности, который вы вполнѣ заслужили и который мы готовы дать, къ сожалѣнію, только еще больше васъ скомпрометируетъ.

Жена маршала. — А позвольте узнать, вслѣдствіе какой новой низости вы попали въ мой шкапъ и какимъ образомъ вы успѣли освободиться?

Графъ.—Ландри, вѣрный Ландри, нашъ Блондель, сломавъ замокъ въ своей темницѣ, услышалъ наши крики и пришелъ на помощь.

Жена маршала. — Этотъ Ландри измѣнникъ.

Графъ. — Да, но вѣдь вы не нашли ничего дурного въ томъ, что сегодня утромъ онъ измѣнилъ въ вашу пользу?

Мистриссъ Ройль. — (*Начиная сердиться*).— Надѣюсь, вы не намѣрены здѣсь оставаться?

Виконтъ. — Напротивъ.

Жена маршала. — Что такое... Напротивъ!

Маркизъ. — Мы не выйдемъ иначе, какъ вмѣстѣ съ вами.

Жена маршала. — О! теперь я положительно начинаю вѣрить, что платье дѣлаетъ монахомъ и что вы, надѣвъ платье моихъ лакеевъ, усвоили себѣ также и ихъ качества.

Графъ. — Позвольте намъ разъяснить ваше собственное положеніе.

Мистриссъ Ройль. Ничего мы не хотимъ слушать, уйдите!

Баронъ. — Мы зажмуримъ глаза.

Графъ-деПасси-Пари. — Обѣщай за себя, я не ручаюсь, что утерплю.

Жена маршала.—Клянусь вамъ, что я позову людей.

Баронъ. — Въ такомъ случаѣ, завтра, въ это время, весь Парижъ будетъ хохотать надъ этимъ приключеніемъ.

Виконтесса. — По крайней мѣрѣ, идите опять въ шкапъ.

Графъ Сассенажъ. — Если бы вы знали, какъ тамъ неудобно.

Жена маршала. — Даю слово, что, если вы сейчасъ же не войдете туда, то какія бы не были послѣдствія, я кликну людей. Выберите между собой одного уполномоченнаго, мы завяжемъ ему глаза и условимся съ нимъ.

Графъ. — Позвольте намъ посовѣтоваться.

Образуется двойное совѣщаніе. Въ одномъ углу шепчутся семь чудесъ, въ другомъ семь папскихъ защитниковъ, не спуская глазъ съ женскаго совѣта. Черезъ двѣ минуты, графъ Сассенажъ оборачивается и дѣлаетъ два шага впередъ. Жена маршала дѣлаетъ тоже.

Графъ. — Съ крайнимъ сожалѣніемъ, мы исполнимъ ваше приказаніе.

Баронъ. — Сассенажъ будетъ говорить отъ лица всѣхъ.

Маркизъ (*Вздыхая*). А мы опять въ шкапъ.

Виконтъ. — Не оставляйте насъ тамъ слишкомъ долго.

Жена маршала. — Это будетъ зависѣть отъ требованій вашего посланника.

Виконтъ. — Кончай скорѣе, Сассенажъ, прошу тебя.

Шесть молодыхъ людей влѣзли въ шкапъ, жена маршала запираетъ дверцы и беретъ ключъ. Потомъ подходитъ къ графу, чтобъ завязать ему глаза.

Графъ. — Развѣ эта повязка непремѣнно нужна?

Жена маршала. — Необходимо.

Баронесса. — Мы должны опять одѣться, а это невозможно при васъ.

Графъ. — Божусь вамъ, что...

Жена маршала. — Подумайте, что ваши товарищи вѣдь задыхаются и не будемте терять времени.

Повязка надѣта. Графъ посаженъ подлѣ шкапа. Семь чудесъ поспѣшно одѣваются.

Жена маршала. — За вами слово.

Графъ. — Мы сознаемся, что поступили очень дурно, забравшись къ вамъ, княгиня, за что и приносимъ искреннее извиненіе. Единственной нашей цѣлью было посмотрѣть тѣхъ, кого, по справедливости, называютъ прекраснѣйшими изъ прекрасныхъ.

Жена маршала. — Объ этомъ мы знаемъ достаточно. Дальше.

Графъ. — Тогда, княгиня, между нами и вами началась игра, которую, конечно, вы бы выиграли, еслибы намъ не помогъ случай.

Жена маршала.—Тѣмъ не менѣе вы попались.

Графъ. — Да, но и вы съ нами. Вы, конечно, можете показать насъ, какъ рѣдкихъ звѣрей, своимъ, но какъ только сдѣлается извѣстнымъ наше свиданіе въ вашей комнатѣ, увѣряю васъ, что всѣ будутъ за насъ. Поэтому, я намѣренъ предложить вамъ сдѣлку.

Жена маршала.—Посмотримъ, что за сдѣлка.

Графъ. — Мы выйдемъ отсюда, со всѣми военными почестями, съ оружіемъ въ рукахъ и распущенными знаменами и вернемся домой, чтобъ надѣть платье, болѣе достойное и насъ и васъ.

Въ замѣнъ этой уступки, такъ какъ для поддержанія вашей славы вамъ нужно исполнить ваше обѣщаніе и угостить нами своихъ гостей, то мы войдемъ одновременно съ вами въ гостиную, но на этотъ разъ добровольно, какъ гости и дворяне, а не какъ лакеи.

Жена маршала.—А что скажутъ тетушки Котильонъ? Что скажетъ Сенъ-Жерменское предмѣстье?

Графъ. — Выслушавъ насъ, онѣ скажутъ, что мы вели себя, какъ сумасшедшіе, и обязаны были дать вамъ удовлетвореніе. Онѣ узнаютъ, какъ вы прекрасны, а вы пріобрѣтете семь лишнихъ защитниковъ.

Жена маршала. — Я должна подвергнуть все это обсужденію совѣта.

Въ продолженіи нѣкотораго времени, графъ слышитъ шопотъ, шелестъ платьевъ, но мало по малу, голоса умолкаютъ, шелестъ прекращается, и онъ ничего не слышитъ. Онъ ждетъ еще нѣсколько секундъ, проситъ дать отвѣтъ, угрожаетъ снять повязку. Молчаніе продолжается... Плѣнники стучатъ и просятъ воз-

духу... Графъ снимаетъ платокъ, которымъ ему завязали глаза... Онъ одинъ! бѣжитъ къ двери, она заперта. Хочетъ освободить своихъ друзей, но шкапъ запертъ на ключъ. Онъ стучитъ, зоветъ, угрожаетъ, и въ отвѣтъ слышитъ изъ-за двери серебристый смѣхъ семи голосовъ.

Графъ. — Отворите!... да отворите же!

Жена маршала. — (*Черезъ дверь*). Сдаетесь-ли вы?

Графъ. — Перестаньте шутить. Мои друзья задыхаются. Я долженъ буду сломать шкапъ.

Жена маршала. — Сдаетесь-ли вы?

Графъ. — Больше дѣлать нечего.

Жена маршала. — Безусловно?

Графъ. — Въ полное распоряженіе.

Наконецъ дверь отворяется. Графъ получаетъ желанный ключъ и освобождаетъ плѣнниковъ, которые въ удивленіи падаютъ, куда попало, задыхаясь и всѣ въ поту.

Повѣрите-ли вы мнѣ, если я скажу, что семь Никсъ хохотали, глядя на нихъ?

Жена маршала. — А теперь, когда вы находи-

тесь въ нашей власти и когда сила на нашей сторонѣ, мы возвращаемъ вамъ свободу.

Виконтъ. — Будетъ ли намъ позволено отказаться отъ нее?

Жена маршала. — Нѣтъ, господа, наши друзья не ходятъ къ намъ по черной лѣстницѣ.

Графъ. — Позвольте намъ, по крайней мѣрѣ, пріѣхать къ вамъ завтра, въ бѣлый день, и ужъ на этотъ разъ съ параднаго крыльца.

Жена маршала.—Мужъ мой,маршалъ,не успѣетъ вернуться до вашего отъѣзда въ Римъ, а онъ былъ бы въ отчаяніи, еслибы не могъ отплатить вамъ долгъ вѣжливости.

Маркизъ. — Вы можете не принимать насъ, мы это вполнѣ заслужили, но вы не въ состояніи помѣшать намъ вѣчно вспоминать тѣ нѣсколько часовъ, которые мы провели около васъ.

Жена маршала. — Что касается до насъ, то, будучи добрѣе и великодушнѣе васъ, мы никогда не будемъ вспоминать объ этомъ.

Таковъ былъ конецъ этой памятной эпопеи.

Наши семь аристократовъ поплатились тѣмъ... что выбрились... да, серьезно, выбрились совершенно и оставили свои усы въ преддверіи.

Все это дѣла давно минувшихъ дней.

Соусъ.

I

Наполеонъ V царствуетъ надъ умиротворенной Франціей. Погода стоитъ ясная, сухая и холодная. Всѣ политическія заботы сосредоточиваются на конференціи, которая собирается въ Министерствѣ Внѣшнихъ Сношеній, съ цѣлью рѣшить судьбу Антильскихъ острововъ.

Восемь часовъ утра. Камердинеръ входитъ въ комнату Его Превосходительства. Онъ отворяетъ наружные ставни, поднимаетъ занавѣси, уноситъ ночную лампочку и зажигаетъ въ каминѣ огонь. Курьеръ неподвижно стоитъ около постели, ожидая пробужденія своего господина.

Наконецъ, Его Превосходительство открываетъ глаза.

Курьеръ.—Главный секретарь приказалъ мнѣ увѣдомить его, какъ только проснется Ваше Превосходительство. Курьеръ изъ Вѣны прибылъ сегодня ночью и...

Его Пр-ство.—Ожидайте моихъ приказаній и пошлите ко мнѣ Жозефа.

Курьеръ.—Г-нъ Жозефъ въ передней.

Его Пр-ство.—Какъ, Жозефъ здѣсь, а вы мнѣ ничего не скажете? Пошлите сюда Жозефа!

Курьеръ бросается въ переднюю.

Входитъ г-нъ Жозефъ, достойный, спокойный, невозмутимый, какъ человѣкъ, знающій себѣ цѣну, а потому не боящійся быть скромнымъ. Онъ останавливается въ шести шагахъ отъ двери, держа въ рукахъ бѣлый колпакъ. Его осанка безукоризненна; бѣлый, канифасовый жилетъ хорошо обрисовываетъ кругленькій животъ, бѣлый галстухъ еще болѣе оттѣняетъ свѣжевыбритую бороду и румяныя щеки. На немъ лакированные башмаки и шолковые чулки.

Его Пр-ство. (*Приподнялся, облокотясь на*

локоть, и съ тревогой глядитъ на своего начальника).—Ну?..

Г. Жозефъ.—Пока еще ничего, г-нъ баронъ; по крайней мѣрѣ, ничего еще не рѣшено.

Его Пр-ство.—Но развѣ вы забыли, что сегодня 4-е? Послѣдняя конференція будетъ 5-го, а мой обѣдъ 6-го!

Г. Жозефъ.—Эти числа у меня не выходятъ изъ головы.

Его Пр-ство.—Но что же вы сдѣлали? Удалось-ли что?

Г. Жозефъ.—Я, кажется, выберу грибы. Я надѣюсь придать имъ вкусъ трюфелей.

Его Пр-ство.—А!..

Г. Жозефъ.—Да, но еще не слѣдуетъ слишкомъ радоваться: бездѣлица можетъ все испортить.

Его Пр-ство.—Вы меня ужасаете!

Г. Жозефъ. Кто имѣлъ дѣло съ грибами, тотъ знаетъ, до какой степени трудно справиться съ ними...

(*Входитъ частный секретарь Его Пр-ства; онъ несетъ множество писемъ и журналовъ*)

Секретарь.—Я буду имѣть честь доложить Вашему Пр-ству, что...

Его Пр-ство.—Сейчасъ, сейчасъ, мой милый; я теперь очень занятъ. Жозефъ, не уходите! Г. Сентъ-Обенъ, зайдите черезъ полчаса. (*Секретарь уходитъ*).

Его Пр-ство(*Жозефу*).—Вы говорили?..

Г. Жозефъ.—Я много думалъ о нашемъ соусѣ.

Его Пр-ство.—И я тоже!

Г. Жозефъ.—Я опять провелъ ночь у огня; я не могу болѣе спать. Мнѣ пришло въ голову, что грибы могутъ быть нашпигованы ласточкинымъ саломъ.

Его Пр-ство. (*Съ живостью*). — Берегитесь!... берегитесь!... Если вы нашпигуете грибы, можетъ случиться, что... (*Входитъ курьеръ и неподвижно останавливается у дверей*). Ну, что тамъ еще?

Курьеръ.—Полномочный министръ республики Кубы спрашиваетъ, можетъ ли Ваше Пр-ство принять его?

Его Пр-ство.—Это невыносимо! Одной минуты нельзя заняться дѣломъ! Проводите г. министра

въ библіотеку; я сейчасъ приду туда (*Курьеръ уходитъ*). Я говорилъ... что бишь я говорилъ?

Г. Жозефъ.—Г-нъ баронъ изволили говорить, что не безопасно шпиговать грибы.

Его Пр-ство.—Разумѣется!

Г. Жозефъ.—Я не согласенъ съ вами, г-нъ баронъ. Простой грибъ не поддается вовсе дѣйствію трюфеля; онъ не усвоиваетъ ни запаха, ни прелестей послѣдняго.

Его Пр-ство.—Я это хорошо знаю.

Г. Жозефъ.—Но если нашпиговать его ингредіентомъ, достаточно слизистымъ для того, чтобъ не уничтожать первоначальное ощущеніе, получаемое языкомъ и небомъ, то грибъ, не имѣя собственнаго вкуса и будучи вслѣдствіе этого болѣе пригоднымъ, можетъ...

Его Пр-ство.—(*На кровати*). Понимаю!.. понимаю!..

Г. Жозефъ.—Можно замаскировать грибы и произвести желаемое дѣйствіе.

Его Пр-ство.—Да, это придумано чудесно!

Г. Жозефъ.—Это можетъ удивить перваго встрѣчнаго, но для меня этого мало. Я дѣлаю уступку грибу, я дѣлаю подлость, если смѣю...

Курьеръ. Полномочный министръ Санъ-Доминго внизу и спрашиваетъ...

Его Пр-ство.—(*Внѣ себя*) Меня дома нѣтъ!

Секретарь. (*Входитъ*). Ваше Пр-ство дали удіенцію министру Гаити, я только что видѣлся съ нимъ. Онъ получилъ отъ своего правительства депеши величайшей важности.

Его Пр-ство.—Проводите министра въ красную гостиную (*Секретарь уходитъ*). Продолжайте, Жозефъ! Не забывайте, что судьба Антильскихъ о-вовъ зависитъ отъ нашего соуса.

Г. Жозефъ. — Постараюсь быть достойнымъ той миссіи, которую вамъ, г-нъ баронъ, угодно было возложить на меня. Что вы будете кушать за завтракомъ, г-нъ баронъ?

Его Пр-ство.—Не занимайтесь этимъ.

Г. Жозефъ.—Однакожъ...

Его Пр-ство.—Яйца въ смятку съ сиропомъ и телячью котлетку, подъ кислымъ соусомъ. (*Г. Жозефъ кланяется и уходитъ*). О соусъ! этотъ соусъ! Ямайскій министръ, такой несговорчивый на конференціи, склонится передъ

нимъ, и—отвѣчаю за то—я выполню свою задачу.

Покуда Его Пр-ство встаетъ и одѣвается, послѣдуемъ за г. Жозефомъ, который задумчиво спускается въ глубину своей кухни.

II

Допуская даже, что вы видѣли большую типографію въ день выхода газеты, или сахарный заводъ во время варки сахара, или поле битвы въ разгаръ ужасной рѣзни,—то все-таки вы не можете себѣ представить, сколько дѣятельности, силы, ловкости, такта, знаній и присутствія духа растрачивается на кухнѣ какого нибудь министра, въ теченіи той недѣли, которая предшествуетъ дипломатическому обѣду.

На помощь гвардейскимъ поваренкамъ прибылъ цѣлый иррегулярный полкъ ихъ. Баттарея разнаго рода кастрюль, формъ и другихъ кухонныхъ принадлежностей блеститъ, какъ арматура въ артиллерійскомъ музеѣ, не смотря на то, что кастрюли берутся оттуда ежедневно цѣлыми десятками. Нѣсколько человѣкъ чистятъ

и скоблятъ овощи. Въ то время, какъ отдѣлываютъ овощи, другіе приготовляютъ формы или принимаютъ провизію, выбранную еще утромъ ихъ главнымъ начальникомъ. Нѣкоторыя соусы стали приготовлять ужъ два дня тому назадъ. Здѣшнія ученыя комбинаціи далеки отъ той проворной работы какой нибудь старушки, которая за 45 франковъ въ мѣсяцъ *„бросаетъ“* за часъ до обѣда всѣ приправы для рагу разомъ въ кастрюлю и предоставляетъ ихъ самимъ себѣ до тѣхъ поръ, пока не вывалитъ ихъ, какъ попало, на холодное блюдо. Въ кухнѣ двери двойныя, окна не растворяются изъ боязни поднять какой нибудь атомъ пыли и измѣнить температуру. Нужно имѣть спеціальныя легкія, чтобы дышать въ такой жарѣ. По временамъ выносятъ какого нибудь новичка безъ чувствъ. Иная приправа, которая кипитъ въ продолженіи 18 часовъ 17 минутъ, отдыхаетъ потомъ 27 часовъ съ четвертью и снова будетъ поставлена на огонь, но уже смѣшанная съ иными продуктами, иначе обработанными. Рыба лежитъ на льду, дичь тухнетъ въ кладовой.

Г. Жозефъ слѣдитъ за всѣмъ, однако не работаетъ публично, у него есть особенная лабораторія... истинное чудо! Въ ней-то онъ и производитъ свои ученыя изысканія и, еслибъ я вздумалъ описать все, что тамъ происходитъ, у васъ сдѣлалось бы несвареніе желудка.

Соусъ!.. знаменитый соусъ варится тутъ на легкомъ огнѣ. Три разновидности одного материнскаго вида кипятъ другъ возлѣ друга. Метръ Жозефъ подходитъ то къ одному, то къ другому съ сосредоточеннымъ вниманіемъ. Его довѣренные помощники не отходятъ отъ печи; они поочередно бодрствуютъ надъ кастрюлями; самъ г. Жозефъ ужъ больше не спитъ.

Черезъ каждый часъ является камердинеръ отъ Его Пр-ства за справками на счетъ соуса.

— Ничего новаго, отвѣчаетъ г. Жозефъ. Скажите г-ну барону, что все идетъ хорошо, но что рѣшительнаго до сихъ поръ ничего нѣтъ. Грибы не поддаются, но мы скоро одолѣемъ ихъ.

Да защититъ Господь этотъ соусъ!

III

Конференція собралась сегодня въ Министерствѣ Внѣшнихъ Сношеній. Это засѣданіе—предпослѣднее. Соглашеніе еще не произошло. Посланникъ Ямайки не сговорчивъ: онъ все поговариваетъ о томъ, что ему надо снестись съ своимъ правительствомъ.

Зала обита фіолетовымъ бархатомъ. Портреты во весь ростъ Наполеона V и Маріи Клементины выдѣляются блестящими фигурами на темномъ фонѣ. Темная зала конференцій оживляется хрустальной люстрой, китайскими колоссальными вазами и особенно великолѣпіемъ костюмовъ, въ которые облечены сидящіе тутъ полномочные министры.

Его Пр-ство предсѣдательствуетъ. По правую руку его сидитъ посланникъ Ямайки. Это красивый негръ, немного отяжелѣвшій отъ излишествъ хорошихъ обѣдовъ, но лицо его тонко и остроумно, хотя такъ черно, что почти сливается съ темными обоями, и тогда кажется,

что г. министръ безъ головы. По лѣвую сторону Его Превосходительства сидитъ чрезвычайный посолъ республики Кубы: маленькій креолъ, сухой, нервный, который могъ бы поспорить въ этомъ отношеніи съ китайскимъ дипломатомъ. Затѣмъ слѣдуютъ послы Санъ-Доминго, Порто-Рико, Тринидата, маркизъ де-ля-Х и секретарь конференціи.

Одиннадцатый протоколъ прочитанъ и утвержденъ безъ возраженій. Слово было за посланникомъ Тринидата и онъ началъ:

Посланникъ Тринидата.—Господа, я считаю необходимымъ выяснить еще разъ цѣль, къ которой мы всѣ стремимся, но только различными средствами.

Посл. Кубы (*На ухо министру Порто-Рико*).—Съ самаго начала конференціи, онъ еще ничего другого не сказалъ.

Посл. Тринидата.—Цѣль наша видѣть Антильскіе острова могущественными, благоденствующими, уважаемыми, соединенными подъ либеральнымъ правленіемъ... (*Онъ продолжаетъ, остальные министры разговариваютъ между*

собою, а секретарь, слушающій эту рѣчь уже въ третій разъ, занимается посторонними вещами).

Посланникъ Ямайки (*Къ Его Пр-ству*).—Ну, а какъ идутъ ваши работы?

Его Пр-ство.—Дѣла идутъ превосходно и я выиграю пари.

Посл. Ямайки.—Сомнѣваюсь, сомнѣваюсь! Вы не повѣрите, что я дѣлалъ, чтобъ мнѣ это удалось... Грибы — самая трудная изъ всѣхъ приправъ. Посмотримъ... посмотримъ...

Посл. Тринидата.—Каждый изъ Антильскихъ острововъ, не теряя своей автономіи, за которую онъ воевалъ, будетъ счастливъ, находясь подъ могущественнымъ и рыцарскимъ покровительствомъ.

Посл. Ямайки (*Къ Его Пр-ству*).—Сегодня, утромъ, я получилъ депеши отъ своего правительства.

Его Пр-ство.—Онѣ ни въ чемъ не измѣняютъ прежнія ваши инструкціи?

Посл. Ямайки.—Онѣ только снова подтверждаютъ ихъ, я сейчасъ ихъ прочту. Республика до-

вѣряетъ мнѣ. Пробовали-ли вы когда нибудь бананы съ тушеной говядиной?

Его Пр-ство.—Разъ какъ-то, въ Мартиникѣ. Это чудесно!

Посл. Ямайки.—Да, но къ нимъ необходима острая приправа. Я очень люблю пряную кухню.

Его Пр-ство *пишетъ быстро: „Посл. Ям. любитъ пряную кухню". Затѣмъ, положивъ это свѣдѣніе въ конвертъ и надписавъ, отправляетъ на кухню; потомъ, обращаясь къ посланнику Ямайки*).—Извините меня!

Посл. Ямайки.—О, да!

Посл. Кубы (*къ п-ку Порто-Рико*). — Его Пр-ство и посл. Ямайки, кажется, приходятъ къ соглашенію.

Посл. Порто-Рико.—Замѣтили-ли вы, что Его Пр-ство, поговоривъ со своимъ товарищемъ, отправилъ куда-то депешу?

Посл. Кубы.—Я не спускаю съ нихъ глазъ.

Посл. Порто-Рико.—Держу пари, что эта депеша была адресована императору.

Посл. Трипидата (*Продолжая*).—Мы не должны

выпускать изъ виду, господа, положеніе Соединенныхъ Штатовъ, которые, послѣ послѣднихъ междоусобныхъ войнъ, желаютъ поселить раздоры въ другихъ государствахъ.

Его Пр-ство (*Посланнику Кубы*). — А васъ вчера не было видно въ Нѣмецкомъ театрѣ.

Посл. Кубы.—Я не поклонникъ нѣмецкой музыки. Я думаю, что и вы пожалѣете о преобразованіи итальянской оперы?

Его Пр-ство.—Герцогиня де-Пуэрто-Кавальо была тамъ.

Посл. Кубы (*Съ живостью*).—А!

Его Пр-ство.—Никогда я не видалъ ее такою прекрасною. Она напоминаетъ свою бабку, принцессу Тильзиттъ.

Посл. Кубы.—Она, вѣроятно, красивѣе бабки.

Его Пр-ство. — О, конечно! Она много говорила о васъ и даже заставила меня дать обѣщаніе, что въ будущій четвергъ вы будете сидѣть за обѣдомъ возлѣ нея. Я могу разсчитывать на васъ, не такъ-ли?

Посл. Кубы.—Я буду, во что бы то ни стало!

Его Пр-ство поспѣшно пишетъ своему частно-

му секретарю: „Не медля ни минуты, пошлите приглашеніе герцогинѣ де-Пуэрто-Кавальо на обѣдъ, въ слѣдующій четвергъ.“ (*Отправленіе этой депеши даетъ поводъ къ новымъ догадкамъ*).

Посл. Санъ-Доминго (*Посл. Ямайки*).— Замѣтили-ли вы, что Его Пр-ство отправилъ уже двѣ депеши?

Посл. Ямайки.—Какже, замѣтилъ! Еще бы я не замѣтилъ! Гдѣ вы вчера обѣдали?

Посл. С.-Доминго.— Въ Прусскомъ посольствѣ.

Посл. Ямайки.—Тамъ отлично приготовляютъ жаркое изъ бѣличьихъ ляжекъ à la Friedberg.

Посл. С.-Доминго.—Да, но это немного отзывается аптекой.

Посл. Ямайки. — Мнѣ это нравится. Пахучія вещества всегда аналогичны съ...

Его Пр-ство поспѣшно пишетъ и посылаетъ въ конвертѣ на кухню слѣдующее: „Посланникъ Ямайки любитъ пахучее; ему нравится все, слегка отзывающееся аптекою“.

Посл. Порто-Рико.—Еще!

Посл. Кубы.—Нужно дѣйствовать дружно!

Посл. Тринидата (*Продолжая свою рѣчь*).—И такъ, господа, я резюмирую все, мною сказанное.

Посл. Ямайки (*Тихо*). — Слава Богу.

Посл. Тринидата. — Страна, управляемая собственными законами подъ покровительствомъ французскаго протектората, вотъ что должно быть плодомъ нашихъ конференцій, вотъ что упрочитъ навсегда благоденствіе нашихъ дорогихъ Антильскихъ острововъ! (*Садится*).

Его Пр-ство. — Господа, слово за посланникомъ Ямайки.

Посл. Ямайки.—Господа! Я уже разъ говорилъ, что, какъ бы ни былъ драгоцѣненъ протекторатъ Франціи, онъ встрѣтитъ въ нашей странѣ сильное сопротивленіе. Старинныя англійскія семьи имѣютъ у насъ свои вѣтви, свои стебли.... однимъ словомъ, вы понимаете. Наша страна раздѣлена такъ, что нѣтъ возможности опредѣлить, какая нація составляетъ въ ней большинство — французы или англичане. И потому, мое правительство предоставило мнѣ полную свободу вотировать или за французовъ, или за англичанъ. Я хорошо знаю, что протекто-

ратъ Франціи повлечетъ за собою присоединеніе къ центральной морской американской конфедераціи Гваделупы и Мартиники; я знаю, что...

Его Пр-ство (*Къ посл. Кубы.*) — Герцогиня де-Пуэрто-Кавальо снова подумываетъ о замужествѣ...

Посл. Кубы.—Неужели?

Его Пр-ство. — Я имѣю на нее нѣкоторое вліяніе и нахожусь въ большомъ затрудненіи, такъ какъ мнѣ хотѣлось бы дать ей хорошій совѣтъ.

Посл. Кубы (*Взволнованный*).—Мнѣ необходимо поговорить съ вами на этотъ счетъ.

Посл. Ямайки. — На нашемъ островѣ приготовляются лучшіе пряники.

Посл. С.-Доминго.—Я протестую, извините меня. Вашъ какао хуже нашего.

Посл. Ямайки.—Нашъ ромъ...

(*Засѣданіе продолжается*).

Послѣ оживленныхъ преній по поводу сахара, табаку, водки и сахарнаго тростника, Его Пр-ство закрылъ засѣданіе въ 4 часа 20 минутъ. Послѣ этого не трудно было предугадать, какъ раздѣлятся голоса. Ямайка все еще упорствуетъ;

Куба въ нерѣшимости; остальные перешли на сторону Франціи.

Его Пр-ство. — Засѣданіе закрыто.

Посл. Кубы. — Обѣщаете поговорить съ герцогиней?

Его Пр-ство. — Какъ только кончится конференція, я поговорю съ ней. Я подумаю объ вашемъ предложеніи: вы возлагаете на меня большую отвѣтственность.

Посл. Кубы. — Герцогиня никогда не найдетъ болѣе преданнаго сердца!

Его Пр-ство (*Улыбаясь*). — Когда вопросъ о французскомъ протекторатѣ будетъ рѣшенъ, тогда я увижу, что мнѣ дѣлать.

Посл. Кубы (*Въ сторону*). — А, понялъ!

Посл. Ямайки. — До свиданія, мой милый министръ; вы видите, я не хотѣлъ рѣшать вопроса и онъ останется открытымъ. Я желаю только, чтобы меня убѣдили.

Его Пр-ство. — Мнѣ хотѣлось бы сдѣлать вамъ что-нибудь пріятное.

Посл. Ямайки. — Мы поговоримъ объ этомъ послѣ.

IV

Министръ возвращается къ себѣ домой и посылаетъ за Жозефомъ.

Курьеръ. — Г. Жозефъ не можетъ повиноваться вашему приказанію, г-нъ баронъ; онъ заперся въ своей лабораторіи. Но если Вашему Превосходительству угодно, я настою...

Его Пр-ство. — Не смѣйте дѣлать этого! Я самъ пойду къ нему.

Черезъ нѣсколько минутъ Его Пр-ство стучится въ дверь кабинета для опытовъ г. Жозефа.

Г. Жозефъ.—Кто тамъ?

Его Пр-ство.—Отоприте, это я.

Г. Жозефъ. — Въ эту минуту я не могу отворить дверь. Извините меня, г-нъ баронъ.

Его Пр-ство.—Но...

Г. Жозефъ. — Достаточно одной минуты невниманія и все можетъ погибнуть!

Его Пр-ство.—Я не тронусь съ мѣста.

Г. Жозефъ. — Открытая дверь можетъ все испортить.

Его Пр-ство. — По крайней мѣрѣ, скажите мнѣ, Жозефъ, надѣетесь-ли вы?

Молчаніе было единственнымъ отвѣтомъ Его Превосходительству и, болѣе встревоженный, чѣмъ когда-либо, онъ возвращается въ свои покои. Только черезъ часъ является г. Жозефъ къ министру.

Его Пр-ство.—Ну?

Г. Жозефъ.—Грибы начинаютъ сдаваться и теперь я, кажется, могу обѣщать полный успѣхъ г-ну барону.

Его Пр-ство.—Ахъ, Жозефъ, если только все удастся, вы можете просить у меня, чего хотите.

Г. Жозефъ. — Еслибъ я могъ быть увѣренъ въ томъ!

Его Пр-ство.—Я обѣщаю.

Г. Жозефъ. — Даже, еслибъ я попросилъ у г-на барона ленту въ мою одинокую петлицу?

Его Пр-ство.—Какъ, вы мечтаете объ орденѣ, Жозефъ?

Г. Жозефъ. — Признаюсь, это моя завѣтная мечта.

Его Пр-ство. — Чтожъ, вамъ хотѣлось бы... голубую ленту?

Г. Жозефъ.—Или красную.

Его Пр-ство. — Ну, Жозефъ, если мы будемъ имѣть успѣхъ, я вамъ обѣщаю иностранный орденъ.

Г. Жозефъ. — Я предпочитаю...

Его Пр-ство. — Къ нему мы прибавимъ мой маленькій домикъ на берегу Марны.

Г. Жозефъ. Меблированный?

Его Пр-ство. — Да, меблированный.

Г. Жозефъ. — Г-нъ баронъ, вы можете быть увѣрены—соусъ удастся!

Его Пр-ство.—Такъ до свиданія, г-нъ Кавалеръ Жозефъ; на визитныхъ карточкахъ своихъ можете выставить: собственникъ.

V

День обѣда насталъ. Торжественный часъ пробилъ. Собравшіеся гости ждутъ сигнала.

Его Пр-ство (*Герцогинѣ де-Пуэрто-Кавальо*).

— Я поручаю вамъ посланника Кубы, свя-

заннаго по рукамъ и ногамъ. Сведите его съ ума. Если онъ подастъ голосъ за, вашъ братъ получитъ постъ, помочь создать который вы должны сами.

Герцогиня.—Это рѣшено.

Посл. Ямайки. Ну, любезный министръ, что съ нимъ?

Его Пр-ство. О комъ вы говорите?

Посл. Ямайки. Боже мой, разумѣется, о соусѣ!

Его Пр-ство. Про это ужъ вы сами мнѣ скажете!

Посл. Ямайки. Я ужасно перепугался сегодня вечеромъ, когда погода такъ измѣнилась. Я боялся, чтобъ это не имѣло какого́ нибудь вліянія...

Метръ—д'Отель. Обѣдъ поданъ, Ваше Пр-ство.

Гости идутъ въ залу. Сто́лъ сервированъ великолѣпно: тутъ есть и севрскій фарфоръ, и баккаратскій хрусталь, и множество цвѣтовъ. Были тутъ также и самыя очаровательныя, обнаженныя плечи и все прочее, за ними слѣдующее; были прически, украшенныя цвѣтами, драгоцѣнными камнями и перьями; много блестящихъ мундировъ, а орденовъ столько, что хоть лопатами загребай. Былъ тутъ цѣлый полкъ лакеевъ, ростомъ

выше жандармовъ, въ мундирахъ, шитыхъ золотомъ; были тутъ и метръ д'отели, одѣтые въ бархатъ и въ короткіе шолковые бѣлые штаны. Такъ какъ министръ не женатъ, то герцогиня де-Пуэрто-Кавальо исполняетъ обязанности хозяйки дома. Направо отъ нея помѣщается посланникъ Кубы, а налѣво посланникъ Порто-Рико, съ одной стороны Его Превосходительства былъ посланникъ Ямайки, а съ другой—посланникъ С. Доминго.

Оставимъ одну минуту залъ, гдѣ, клянусь, наше отсутствіе ни кѣмъ не будетъ замѣчено, и спустимся къ г-ну Жозефу.

Г-нъ Жозефъ! Какъ онъ хорошъ! Онъ ходитъ взадъ и впередъ, то распоряжается, то позаймется тѣстомъ, а крупныя капли пота такъ и сбѣгаютъ съ его лица. Жара невыносимая; одинъ человѣкъ задохнулся; его берутъ на руки, чтобъ вынести на воздухъ.

— Что это? Да вы не вздумайте отворить дверь, кричитъ г. Жозефъ.

— Ему дурно.

— Вы унесете его во время жаркого. Я не

хочу, чтобы дверь ежеминутно отворяли. Пошлите третью смѣну помощниковъ.

Время отъ времени г. Жозефъ подбѣгаетъ къ кастрюлѣ, чтобъ взглянуть на соусъ. И какъ онъ держится на ногахъ послѣ столькихъ безсонныхъ ночей? Поваръ, бывшій при немъ, едва одолѣваетъ сонъ.

Вдругъ!

О, какая катастрофа! поваренокъ, находящійся на дежурствѣ въ лабораторіи, поддавшись сну и задыхаясь отъ жара, падаетъ носомъ въ кастрюлю, которая летитъ въ огонь.

Соусъ, соусъ!.. Онъ погибъ и никто не попробуетъ его!

Яванская пантера въ самомъ возбужденномъ состояніи просто устрица въ сравненіи съ разъяреннымъ Жозефомъ. Онъ бросается на несчастнаго, трясетъ его, душитъ, волочитъ по землѣ, бьетъ.

Соусъ, соусъ! Нѣтъ его болѣе, а черезъ 20 минутъ настанетъ его очередь; что тогда дѣлать? Какую смерть избрать? О, соусъ, соусъ! онъ погибъ. Г. Жозефъ остается безъ ордена, а домикъ на берегу Марны провалился въ воду.

Первый метръ д'отель, врагъ г. Жозефа, узналъ о катастрофѣ и поспѣшилъ доложить объ этомъ министру.

Его Превосходительство поблѣднѣлъ. Лицо его измѣнилось такъ сильно, что всѣ глаза обратились на него. Кровь прилила ему въ голову, въ глазахъ стало троиться, хрусталь дрожитъ, приборы вальсируютъ по столу и страшный холодъ леденитъ его. Соусъ! соусъ пролитъ! Прощай, французскій протекторатъ! Трехцвѣтная радуга, красная, бѣлая и голубая, ужъ не распустится съ одного края Антильскихъ о—вовъ до другого. Преграда, которую Франція хотѣла поставить между обѣими Америками, опрокинута! Она погибла вмѣстѣ съ соусомъ... О, соусъ!

Но г. Жозефъ не принадлежитъ къ числу обыкновенныхъ людей. Онъ непремѣнно хочетъ имѣть орденъ, хочетъ быть собственникомъ и рискнетъ на все. Онъ съимпровизируетъ соусъ спеціально для посланника Ямайки. Г. Жозефъ запирается у себя. Десять минутъ проходятъ, кончаютъ третье блюдо; очередь соуса насту-

паетъ. Уже спаржа и брюссоль были поданы... очередь соуса наступила!!!..

Блѣднѣе смерти выходитъ Жозефъ изъ своей лабораторіи. Слава или позоръ, богатство или разореніе лежатъ теперь въ глубинѣ этой кастрюли. Онъ, шатаясь, идетъ отдавать приказанія. „Этотъ соусъ подавайте только посланнику Ямайки и никому болѣе!“

Бываютъ минуты, когда судьбы государства зависятъ отъ ничтожнаго случая. Геній Франціи боязливо склонился надъ обѣденной залой министра внѣшнихъ сношеній; глаза его устремлены на соусъ, который пробовалъ посолъ Ямайки.

Его Пр-ство смотритъ съ такимъ страхомъ на содержимое тарелки, на которой покоятся въ это мгновеніе судьбы міра!

— Теперь мы станемъ васъ критиковать, баронъ, говоритъ съ улыбкой посланникъ, опуская вилку въ соусъ и захватывая грибъ.

Дипломатъ сперва открылъ глаза, потомъ, въ самозабвеніи, снова закрылъ ихъ; онъ пробуетъ второй кусокъ, который приводитъ посланника въ восхищеніе. Съ этой минуты партія выиграна.

— Г-нъ министръ, обращается посланникъ Ямайки къ Его Пр-ству, Франція рѣшительно первая страна въ мірѣ, а вы... вы—великій министръ! Дадите мнѣ рецептъ этого соуса?

Его Пр-ство. Вы получите его въ замѣнъ Ямайки.

VI

Съ какимъ избыткомъ чувства Его Пр-ство принималъ вечеромъ г. Жозефа; какія похвалы онъ расточалъ ему! Когда волненіе улеглось, министръ началъ:

Его Пр-ство.—Ну, теперь я хочу знать, что положилъ ты въ соусъ, который такъ поразилъ посланника Ямайки?

Г. Жозефъ. — Къ чему вамъ это знать, г-нъ баронъ?

Его Пр-ство.—Какъ къ чему? Я обѣщалъ рецептъ его въ замѣнъ Ямайки.

Г. Жозефъ.—Въ такомъ случаѣ, г-нъ баронъ позволитъ и мнѣ въ замѣнъ ожидать обѣщанныхъ бумагъ на право собственности и орденъ.

Его Пр-ство.—Жозефъ, вы достойны быть дипломатомъ.

Г. Жозефъ.—Я довольствуюсь быть собственникомъ.

Вотъ какимъ образомъ Франція пріобрѣла въ царствованіе Наполеона V протекторатъ надъ Антильскими островами.

Въ день послѣдней конференціи г. Жозефъ сдѣлался собственникомъ и коммандоромъ Сіамскаго ордена Апельсина. Никогда не было человѣка счастливѣе его. Его Превосходительство получилъ ленту, министръ Ямайки—рецептъ, а Франція—Антильскіе острова. Герцогиня де Пуэрто-Кавальо вышла замужъ за министра Кубы. Она служитъ представительницей Гаванны при французскомъ дворѣ, а ея братъ представителемъ Франціи въ Гаваннѣ.

Быть можетъ, и вы захотите узнать рецептъ г. Жозефа. На этотъ счетъ я знаю только, что грибы были поджарены на кастровомъ маслѣ, окроплены для приданія букета нѣсколькими каплями assa foetida и, для остроты вкуса, поданы съ подливкою на красномъ индѣйскомъ перцѣ.

Знатный покойникъ.

Отель маркизы де-ла-Туръ-де-Пизъ, въ улицѣ Барбе-де-Жуи, весь въ черномъ. На портикѣ изображенъ горящій щитъ. Передъ отелемъ стоятъ похоронныя дроги, обитыя бархатомъ съ серебрянными украшеніями и убранныя, какъ балдахинъ въ праздникъ Господень. Дроги были запряжены четверкою лошадей въ бархатныхъ покровахъ, съ серебрянными звѣздами, съ заплетенными гривами, которыя также оканчивались металлическими кисточками. На кучерѣ тоже шнурки съ металлическими наконечниками, трехугольная шляпа, берейторскіе сапоги, точь въ точь, какъ на ординарцѣ. Генеральный штабъ

похоронной церемоніи великолѣпенъ. Г. распорядитель сіяетъ. Онъ съ удовольствіемъ смотритъ на лакированные башмаки съ серебряными пряжками; его маленькій, черный воротникъ волнуется и трепещетъ съ такой же граціей, какъ крылья летучей мыши; а свѣже выбритый подбородокъ рѣзко выдѣлялся на бѣломъ галстухѣ своимъ синеватымъ отливомъ, точно также, какъ и красноватые тоны его почтеннаго носа. Онъ преисполненъ гордости, онъ просто счастливъ, когда посматриваетъ на 25 драпированныхъ каретъ, на прекрасныя дроги съ балдахиномъ, на изящныхъ носильщиковъ, которые ожидали его приказаній. Если бы даже онъ былъ единственнымъ наслѣдникомъ покойнаго, то и тогда не могъ бы радоваться болѣе. Г. распорядитель любитъ свое дѣло.

Всѣ сосѣднія улицы полны экипажей съ гербами.

Народъ толпится въ воротахъ. Приглашенные, въ бѣлыхъ галстухахъ, въ черныхъ перчаткахъ, пожимаютъ другъ другу руки, стараясь придать своимъ лицамъ выраженіе грусти.

— Какое несчастье!

— Это случилось такъ внезапно, точно ударъ грома!

— Пойдете вы на кладбище?

— А вы?

— А вы?

— Невозможно, у меня спѣшное дѣло.

— Да и мнѣ тоже нельзя. Я думаю уѣхать послѣ святой воды.

— Послѣ окропленія святой водой, передамъ свои соболѣзнованія семейству и... уѣду!

— Ахъ, какое несчастье!

— Поразило, какъ громомъ!

Въ передней лакеи представляютъ живую изгородь; всѣ они одѣты въ траурныя ливреи, затянуты въ перчатки и напудрены.

Толпа тихо подымалась по лѣстницѣ и размѣщалась по заламъ. Октавъ и Жоржъ де-ла-Вильетъ, Вилье де-Трель, старый Вилье де-Трель, Шамаре и д'Эскалонъ, — самые близкіе родственники бѣднаго маркиза де-ла-Туръ де-Пизъ,—привѣтствуютъ всѣхъ входящихъ.

По сю сторону двери, лица имѣютъ самое

печальное выраженіе, которое по ту сторону, черезъ десять шаговъ, совершенно уже исчезаетъ.

Во время этого короткаго путешествія, глаза обращены въ потолокъ, брови сморщены, губы сжимаются, удрученныя сердца испускаютъ ужасные вздохи.

— Я принималъ большое участіе!..

— Благодарю васъ!...

— Вы вѣдь не сомнѣваетесь...

— Я знаю, что вы любили бѣднаго Эдуарда.

— Я не желаю быть послѣднимъ въ выраженіи...

— Повѣрьте, что мы тронуты... и т. д.

Въ залѣ идутъ оживленные разговоры.

— Я вамъ говорю, что королева сидѣла бы еще на тронѣ, если бы она вернулась въ Мадридъ во главѣ двухъ или трехъ тысячъ человѣкъ.

— Гдѣ же бы она взяла ихъ, эти три тысячи человѣкъ?

— Я этого не знаю, вѣдь я не военный ми-

нистръ. Но изволите, ли видѣть, короли не имѣютъ права беречь народъ, потому что мы расплачиваемся за это, да и...

— Прусаки занимаютъ Кельнъ.

— Не можетъ быть!

— Это почти оффиціальное извѣстіе. Вы не читаете Liberté?

— Лѣтомъ я читаю только *Парижскую жизнь.*

— Очаровательный журналъ!... немножко... скабрёзенъ, но я это люблю.

— Что это? слышите?

— Ничего. Это дроги въѣзжаютъ на дворъ.

— А! и вы тутъ?

— Почему же нѣтъ?

— Я думалъ, что вы поссорились съ маркизомъ.

— Съ маркизомъ—да; но съ маркизой—никогда!

— Вы пріѣхали съ охоты?

— Я изъ Дофине.

— Что, тамъ много дичи?

— Такъ себѣ.

— Разскажите мнѣ про смерть Эдуарда. Дома я нашелъ пригласительное письмо и поспѣшилъ явиться сюда. Онъ умеръ въ Брюсселѣ?

— Нѣтъ, онъ отправился въ вѣчность изъ Мюнхена. Его только что назначили въ Вѣну и онъ уже собирался туда, когда случилось это грустное происшествіе.

— Какое грустное происшествіе?

— Какъ, развѣ вы не знаете?

— Да нѣтъ, вѣдь я вамъ сказалъ, что я только что пріѣхалъ...

— „Такъ представьте себѣ, что, дней восемь или десять тому назадъ, Эдуардъ сидѣлъ за однимъ столомъ съ пруссакомъ, который утверждалъ, что онъ знаетъ французскій языкъ лучше всякаго француза. Тевтонецъ съ удовольствіемъ подмѣчалъ всѣ маленькія неправильности, которыя каждый изъ насъ дѣлаетъ въ разговорѣ, да и кромѣ того присоединялъ къ своимъ замѣчаніямъ кисло-сладкія насмѣшки относительно нашей родины. Забава эта надоѣла маркизу.

— Вы, кажется, очень увѣрены въ вашемъ знаніи, сударь, сказалъ Эдуардъ; держу пари,

что вы не знаете одного изъ самыхъ обыкновенныхъ французскихъ словъ, которое вы мнѣ только что напомнили.

— Это слово находится во всѣхъ лексиконахъ?

— Во всѣхъ!

— Въ такомъ случаѣ, вы проиграете ваше пари, милостивый государь; я не совѣтую вамъ рисковать, потому что, если хотите, я вамъ перескажу всего Бешереля, начиная съ A и до Zythum.

— Тѣмъ не менѣе я остаюсь при моемъ пари.

— Хорошо, я держу съ вами пари, но какъ велика ставка?

— Если вы такъ увѣрены въ вашей правотѣ, то это васъ не должно бы и интересовать!

— Напротивъ!

— Я вамъ предлагаю слѣдующее. Каждый изъ насъ напишетъ на своей визитной карточкѣ свою ставку и, запечатавъ въ конвертъ, передастъ противнику. Окончивъ испытаніе, каждый

прочтетъ ставку и тотъ, который не выполнитъ обязательства въ теченіи 24 часовъ, будетъ невѣжей и негодяемъ.

„Нѣмецъ колебался, зрители начали подсмѣиваться, и онъ согласился. Посѣтители, сидѣвшіе за однимъ столомъ, стали тревожиться, понимаете?.. эта ложная комедія, потѣшавшая ротозѣевъ, пахла драмой.

„Маркизъ приказалъ принести конверты и подалъ одинъ изъ нихъ пруссаку. Окончивъ первоначальныя условія и обмѣнявшись конвертами, нѣмецъ сказалъ нашему другу:

— Милостивый государь! я не считаю васъ негодяемъ, но, во всякомъ случаѣ, вы очень рискуете! я вовсе не намѣренъ щадить васъ. На сколько я ненавижу вашихъ соотечественниковъ, на столько же я обожаю Францію. Франція подъ нѣмецкимъ владычествомъ,—вотъ моя мечта! И потому я изучилъ вашъ языкъ спеціально; я рылся во всѣхъ его закоулкахъ съ упрямствомъ, которое справедливо приписываютъ нашей націи.

— А я, милостивый государь, не ненавижу ни

вашихъ соотечественниковъ, ни вашей страны: ненавидятъ только то, чего боятся. Мнѣ до васъ нѣтъ никакого дѣла. Но у насъ, французовъ, есть привычка никогда не отступать и потому вы не удивляйтесь, если я останусь при своемъ.

— Какъ вамъ угодно, отвѣчалъ пруссакъ, который то блѣднѣлъ, то зеленѣлъ, слушая Эдуарда. Ну, такъ скажите же мнѣ таинственное слово, котораго я не знаю?

— Слово это очень просто и, кажется, здѣсь всѣмъ извѣстно, слово это: дуракъ.

„Нѣмецъ, чувствуя оскорбленіе, позеленѣлъ отъ ярости.

— А что заставляетъ васъ предполагать, что я незнаю этого слова?

— Пословица, столь же распространенная въ Германіи, какъ и во Франціи, что самъ себя никогда не знаешь!

„Пруссакъ бросился на маркиза, но такъ какъ послѣдній приготовился къ нападенію, то оно не произвело никакого эффекта. Тутъ ужъ вмѣшались зрители.

— Я къ вашимъ услугамъ, милостивый го-

сударь, сказалъ Эдуардъ, дѣлавшійся все невозмутимѣе; къ чему вы становите себя въ такое смѣшное положеніе? Есть время для всего. Первое, что намъ слѣдуетъ сдѣлать, это опредѣлить наше взаимное положеніе касательно пари.

„Нѣмецъ долженъ былъ подчиниться.

„Распечатали оба конверта, въ первомъ было написано слѣдующее:

Баронъ де-Поронденъ—Перорденъ, лейтенантъ королевскихъ кирасиръ. Ставлю 25,000 франковъ на французскія деньги.

Берлинъ.

„Во второмъ:

Маркизъ Э. де-ла-Туръ-де-Пизъ, секретарь французскаго посольства.

Ударъ шпаги.

Вѣна.

— Видите, сказалъ Эдуардъ, я предупредилъ ваши желанія.

„На другое утро произошла дуэль. Шамаре и д'Эскалонъ были вызваны изъ Парижа секундантами нашему бѣдному другу. Секундантами барона были принцъ Глюкенштейнъ и баронъ

Винценгеймъ. Дуэль продолжалась 20 минутъ, возобновлялась четыре раза. Кончилось тѣмъ, что у пруссака былъ выколотъ глазъ, а Эдуардъ получилъ ударъ шпаги въ грудь. Черезъ часъ онъ умеръ.“

— Какая ужасная исторія!

— Но любопытнѣе всего то, что баронъ требуетъ у вдовы маркиза 25,000 франковъ, утверждая, что наслѣдники обязаны ихъ выплатить, въ силу того, что слово „дуракъ“ было ему хорошо извѣстно.

Появленіе распорядителя прерываетъ разговоры, становившіеся все болѣе и болѣе оживленными; онъ раскланивается у дверей съ семействомъ покойнаго; его маленькій бѣлый нагрудничекъ покачивается подъ подбородкомъ, маленькая шпажонка точно угрожаетъ небу, а маленькія ножки слегка вздрагиваютъ, когда онъ произноситъ:

— Господа, если позволите?

Поѣздъ трогается. Въ то время, какъ онъ отправляется въ церковь, зайдемте въ покои маркизы де-ла-Туръ-де-Пизъ. Вдова сидитъ въ

креслѣ, подлѣ камина, окруженная своими друзьями. Супруга маршала, баронесса, княгиня, герцогиня, всѣ онѣ уѣхали изъ Довиля двумя днями раньше, чтобы пожать ей руку, утѣшить и взглянуть, какъ она переноситъ свое вдовство. Мать ея, президентша де-Бремондонъ, сильными ударами поправляетъ угли въ каминѣ.

Супруга маршала.—Вамъ нужно быть благоразумной, моя милая. Замужество—вещь проходящая, какъ и вообще все на свѣтѣ.

Герцогиня.—Еслибы вашъ мужъ находился здѣсь, онъ сказалъ бы вамъ тоже самое.

Президентша.—А знаете-ли вы, какъ достигъ маркизъ того, что его теперь такъ жалѣютъ? Онъ постоянно жилъ вдали отъ своей жены, такъ что теперь она оплакиваетъ только свою мечту, не болѣе.

Баронесса.—Очень естественно, оплакиваетъ мечту, однакожъ...

Супруга маршала.—Ба! потерянная мечта все равно, что десять найденныхъ. Вашъ мужъ, переѣзжавшій изъ столицы въ столицу для пользы нашей дипломатіи, не былъ для васъ

дѣйствительностью. Ваша мать права... какъ всегда. Вы знаете, madame, что передъ вами я преклоняю свои знамена.

Президентша.—Нужно только немного практическаго смысла, вотъ и все. Еслибы еще эта свадьба основывалась на сильной взаимной привязанности, тогда дѣло другое; но вѣдь вы не знали другъ друга ни передъ замужествомъ, ни послѣ него. Ты, по крайней мѣрѣ, отдашь мнѣ хоть справедливость и скажешь, что я не хотѣла и слышать, какъ только о выгодномъ бракѣ въ смыслѣ родства и состоянія, только потому, что я предвидѣла возможность случившагося. Ты находила меня тогда жестокой, нелѣпой и Богъ знаетъ чѣмъ еще!

Маркиза.—О матушка!

Президентша.—Именно такъ!

Супруга маршала.—Что было бы съ вами теперь, еслибы вы любили вашего мужа?

Маркиза.—Да я любила его, увѣряю васъ...

Президентша.—Ты меня не увѣришь въ этомъ.

Княгиня.—Маркизъ разъѣзжалъ почти круглый годъ.

Герцогиня.—Онъ прожилъ большую часть вашего приданаго.

Маркиза.—Со мной, герцогиня.

Президентша.—Онъ знался со всѣми женщинами полусвѣта, во всѣхъ городахъ.

Супруга маршала.—Вы не могли его любить!

Маркиза—Я васъ увѣряю, принцесса...

Баронесса.—Да это невозможно, увѣряю васъ.

Маркиза.—Мнѣ лучше знать!

Президентша.—Я говорю тебѣ, что ты не любила его, я въ этомъ, можетъ, больше смыслю, чѣмъ ты сама.

Маркиза.—Можетъ быть, я его не любила, какъ должна была бы любить, во время его жизни; но теперь, потерявъ его, о, я чувствую, что любила его!

Супруга маршала.— Это уже не во время, милая.

Президентша.—Она не знаетъ сама, что говоритъ. Смотри на меня: я была два раза замужемъ, не считая маленькаго князя д'Эскандульера, который былъ моимъ мужемъ только шесть мѣсяцевъ, ну и чтожъ! развѣ я умерла, потерявъ все это, развѣ я худо себя чувствую?

Супруга маршала.—Слушайте вашу мать, моя красавица. Увѣряю васъ, что положеніе вдовы самое лучшее положеніе на свѣтѣ. Замужъ для того только стоитъ выходить, чтобъ сдѣлаться вдовой.

Княгиня.—Замужество, это ученье, или лучше сказать, сверхштатная служба, черезъ которую все же нужно пройдти.

Президентша.—Замужество, это—поединокъ... великодушный, на сколько это возможно, въ которомъ оба супруга приготовляются вкусить сладость вдовства.

Супруга маршала.—Да и свадебъ не было бы столько, если бы нельзя было бы имѣть въ виду сдѣлаться вдовой.

Баронесса. —Дѣвушка—это червякъ.

Герцогиня.—Это куколка.

Президентша.—А вдова—это бабочка.

Княгиня.—И такъ, примите мои поздравленія, вмѣсто соболѣзнованій.

Супруга маршала.—Я не говорю, чтобы вы не по плакали немножко, это разумѣется само собою!

Баронесса.—Это слѣдуетъ!..

Президентша.—Но не плачь слишкомъ много! Я тебѣ скажу, почему это не слѣдуетъ. Если ты будешь кричать и приходить въ отчаяніе; если ты перейдешь за границы извѣстной средины,—ты наживешь себѣ враговъ и сдѣлаешь себѣ невыносимое положеніе.

Супруга маршала. (*Пораженная*). —Слушайте вашу мать, маркиза; такая мать, это верхъ совершенства нашего вѣка.

Княгиня.—Еслибы я имѣла такую мать, я бы не набила себѣ голову разными глупостями, съ которыми потомъ все же было трудно разстаться.

Маркиза.—Но, по крайней мѣрѣ, у васъ были пріятные сны.

Княгиня.—Клянусь вамъ, что мои сны не имѣли той прелести, какую потомъ имѣло пробужденье!

Супруга маршала.—Не прерывайте президентшу.

Президентша. — Я обладаю только практическимъ смысломъ, вотъ и все. И такъ, я продолжаю. Во первыхъ, ты наживешь себѣ много враговъ, создавая непріятный прецедентъ. Твоя преувеличенная печаль станетъ

основаніемъ для непріятныхъ сравненій;ты заставишь замѣтить, что другія плакали меньше тебя, однимъ словомъ, ты всѣмъ напортишь. Во вторыхъ, твое положеніе будетъ невыносимо, потому что, когда твое горе утихнетъ (нѣтъ такой печали, которая не излечивалась бы временемъ!), ты не будешь знать, какъ тебѣ бросить твои роль неутѣшной вдовы. Вотъ тогда-то общество отплатитъ тебѣ, и когда ты въ первый разъ надѣнешь какую нибудь лиловую ленточку, хотя бы это случилось и черезъ десять лѣтъ, тысячи голосовъ закричатъ: „Смотрите! вѣдь мы вамъ говорили... вотъ теперь она, какъ и всѣ другія; то была одна комедія!„ Тогда по ниточкѣ разберутъ твое прошедшее горе и заставятъ искупить всѣ пролитыя слезы. А если ты поплачешь 15 дней и проносишь аккуратно трауръ; если черезъ три мѣсяца ты будешь давать обѣды твоимъ близкимъ друзьямъ, а черезъ шесть мѣсяцевъ поѣдешь въ театръ; если черезъ девять мѣсяцевъ у тебя услышатъ музыку, а черезъ двѣнадцать начнутся танцы; если, однимъ словомъ, ты будешь вести

себя такъ, какъ дѣлали, дѣлаютъ и будутъ дѣлать всѣ тѣ, которыя имѣли, имѣютъ или будутъ имѣть удовольствіе потерять своего мужа, тогда всѣ будутъ на твоей сторонѣ.

Супруга маршала.—Браво! вотъ что значитъ умѣть говорить!

Княгиня.—Г-жа президентша, я горю желаніемъ расцѣловать васъ!

Президентша.—Милое дитя, для меня это было бы удовольствіемъ, но вы сотрете и бѣлила, и румяна, и все остальное.

Княгиня. — Извините! я и забыла про это.

Президентша. —Вы меня извините, но такъ трудно, чтобъ въ такую сырую погоду все это держалось, и послѣ поцѣлуя мнѣ пришлось бы все начинать снова.

Супруга маршала.—До свиданья, моя прекрасная несчастная; поѣздъ уѣхалъ и мнѣ пора.

Горничная докладываетъ объ приходѣ извѣстной модистки.

Баронесса.—Вотъ вамъ и развлеченіе, милый другъ. Еслибъ вы знали, какъ идетъ трауръ къ вашимъ прелестнымъ русымъ волосамъ!

Княгиня.—Къ вашему цвѣту лица...

Супруга маршала.—Къ вашимъ прекраснымъ глазамъ...

Герцогиня.—Если бы вы знали все это, вы были бы уже на три четверти утѣшены.

Супруга маршала.—Глядя на васъ, у насъ просто слюнки текутъ. (*Обмѣнивается поцѣлуями, пожатіемъ рукъ, нѣжностями, банальными фразами и наконецъ расходятся. Мать остается одна съ дочерью*).

Президентша. Теперь можешь плакать въ волю, милая моя Маріетта!

Послѣдній человѣкъ и послѣдній экю.

Я сѣлъ къ окну. Вечерѣло. Было удушливо жарко, какъ бываетъ передъ грозой. Газеты, которыя я просматривалъ, выпали у меня изъ рукъ, отяжелѣвшая голова прислонилась къ косяку, и я заснулъ.

Я видѣлъ странный сонъ. Вотъ онъ.

Высоко на небѣ, на красноватомъ облакѣ сидѣлъ дьяволъ. То не былъ комическій чортъ, битый Полишинелемъ, одураченный Гинволемъ, то не былъ и Гётевскій Мефистофель, ребячески преслѣдующій Маргариту въ продолженіи цѣлыхъ пяти актовъ, и не безобразный, рогатый, косматый, безносый чертенокъ, изъ иску-

шавшихъ св. Антонія. То былъ ужасно прекрасный сатана Мильтона, Байрона и Альфреда де-Виньи. Вѣтеръ развѣвалъ его черные, длинные локоны и колыхалъ пестрыя перья его огромныхъ крыльевъ.

Я сидѣлъ около него, играя довольно жалкую роль. Кое-какъ уцѣпился я за край облака, на которомъ мы сидѣли, и если бы меня не укрывалъ мой колоссальный сосѣдъ, вѣтеръ непремѣнно снесъ бы меня и завертѣлъ бы, какъ соломинку. Я стыдился своего маленькаго тѣла. Костюмъ мой, изящнымъ покроемъ котораго я любовался еще наканунѣ, теперь казался мнѣ уродливымъ. Да и самъ то я имѣлъ нѣкоторое сходство съ жалкой шавкой, которую держатъ въ комнатахъ только до тѣхъ поръ, пока она ведетъ себя чистоплотно.

— Смотри, сказалъ мнѣ сатана.

Зрѣніе мое тотчасъ получило сверхъ-естественную силу. Земля, которая мнѣ представлялась до сихъ поръ непрозрачною, безцвѣтною, неподвижною, окутанною густымъ туманомъ, вдругъ оживилась, окрасилась, и я могъ однимъ взглядомъ об-

нять ее всю отъ полюса до полюса. Все для меня стало ясно. Я видѣлъ, какъ вилась надъ кустами бабочка; какъ толпились въ каплѣ дождевой воды безчисленные инфузоріи; видѣлъ на днѣ морскомъ чудовищъ, достойныхъ фигурировать въ Апокалипсисѣ. Я видѣлъ все. Но и остальныя чувства усовершенствовались въ такой же степени, какъ и зрѣніе. Земные звуки доходили до меня, не смѣшиваясь одинъ съ другимъ, и я слышалъ одинаково хорошо жужжаніе пчелы и военную музыку въ Тюильери, трескъ сталкивающихся льдинъ и рѣчи въ парламентѣ, тихіе поцѣлуи влюбленныхъ и шелестъ шелковаго платья. Въ тоже время, со всѣхъ точекъ земнаго шара поднимались ко мнѣ, какъ фиміамъ, благоуханіе садовъ, смолистый запахъ лѣсовъ, запахъ морскихъ испареній.

Человѣческій родъ кишѣлъ на земномъ шарѣ, какъ насѣкомыя на переспѣлой ягодѣ, упавшей среди поля. Все это суетилось, другъ друга надувало, ласкало, убивало, клеветало изъ всѣхъ силъ. Съ той высоты, на которой я сидѣлъ, природа мнѣ казалась во сто разъ прекраснѣе, а

человѣкъ во сто разъ отвратительнѣе. Время утратило для меня ту безнадежную растянутость, которая дѣлаетъ изъ каждаго циферблата орудіе пытки. Часы били вѣка вмѣсто часовъ.

Я присутствовалъ при рожденіи міра. Я бы сильно раздражилъ ученыхъ, разсказавъ все, что я видѣлъ. Но къ чему разрушать ихъ маленькіе храмики науки? Меня объявятъ сумасшедшимъ и, пожалуй, всю остальную жизнь придется мнѣ провести за запертыми дверями, у окна, съ желѣзной рѣшеткой. Боже меня сохрани! Нѣтъ, вы во всемъ правы, господа ученые.

— Посмотри, вотъ что погубитъ человѣка, сказалъ мнѣ сатана, показывая экю — я не замѣтилъ, какого чекана.

И онъ бросилъ монету на землю.

II

Случалось-ли вамъ видѣть садокъ, наполненный карпами и щуками, когда они счастливою, мирною толпою играютъ на солнцѣ, сверкая своею перламутровою чешуею, или вдругъ погру-

жаются въ глубину бассейна? Они совершенно довольны, ничто не смущаетъ ихъ покоя. Но вотъ прохожій, желая полюбоваться на битву, бросаетъ въ садокъ кусокъ хлѣба. Тотчасъ же просыпаются кровожадные инстинкты. Каждый спѣшитъ къ добычѣ, не стоющей столькихъ усилій, и битва начинается. Скоро показываются раненные, убитые, которые безъ движенія лежатъ на поверхности воды, а размягченный, разкрошенный сраженіемъ хлѣбъ пропадаетъ безъ всякой пользы.

Экю, при паденіи своемъ на землю, произвелъ тотъ же самый эффектъ.

III

Люди бросились другъ на друга, вцѣпились одинъ въ другого когтями и зубами. Затѣмъ, они вооружились каменьями и придумали пращу и лукъ, чтобы убивать другъ друга издали. Но этого имъ показалось мало, они чувствовали въ себѣ способность къ гораздо большимъ злодѣяніямъ. Они стали ковать желѣзо и на-

дѣлали тяжелыхъ, рѣжущихъ и колющихъ орудій, чтобы размозжать, разрубать и прокалывать другъ друга. Ни счастья, ни богатства это имъ не доставило. Тогда имъ пришла въ голову оригинальная мысль приблизиться къ своей цѣли, совершенствуя орудія истребленія. И вотъ на свѣтъ Божій явился порохъ. За пищалью слѣдовалъ мушкетъ, потомъ кремневое ружье, потомъ пистонное, игольчатое, затѣмъ шассно, нарѣзная пушка, адская машина, митральеза, разрывныя пули, и мало ли еще что!

Я слышалъ, какъ государи говорили:

— Мы будемъ сражаться за независимость полуострова до тѣхъ поръ, пока у насъ останется хоть одинъ человѣкъ и одинъ экю.

— Наша столица принадлежитъ всему христіанскому міру, и мы должны сохранить за ней это значеніе. Мы будемъ биться за нашу вѣру, пока у насъ останется хоть одинъ человѣкъ и одинъ экю.

— Наши естественныя границы требуютъ, чтобы мы дрались до послѣдняго человѣка и послѣдняго экю.

— Мы посрамили бы наше славное прошлое, если бы не пожертвовали всѣмъ для единства нашей родины. Наши братья взываютъ къ намъ, мы не положимъ оружія, пока у насъ есть хоть одинъ человѣкъ и одинъ экю.

Президенты республикъ кричали:

— Мы будущее, мы вожди крѣпкихъ поколѣній. Впередъ, братья! будемъ драться до послѣдняго человѣка и послѣдняго экю.

Государи опять начинали хоромъ:

— Мы истина, мы избранники божіи, мы охранители спокойствія нашихъ народовъ. И мы будемъ охранять его, пока останется хоть одинъ человѣкъ, у котораго найдется въ карманѣ хоть одинъ экю.

Увлеченные этими словами, люди повсюду другъ друга терзали, разстрѣливали, рѣзали и все во имя прогресса, порядка, свободы, братства и религіи, какъ будто это не синонимы мира. Битвы были до такой степени кровопролитны, что измученные счастливцы, которымъ удалось спастись, отказывались хоронить мертвыхъ.

Это продолжалось цѣлые вѣка безъ отдыху, безъ остановки. Земля, какъ губка, напиталась кровью и рѣки окрасились въ красный цвѣтъ.

Даже женщины, охваченныя этою безумною жаждою крови, заявили свои права на рѣзню. Такъ что пришло время, когда онѣ перестали рожать, число сражающихся все уменьшалось, а жажда убійства все росла.

Эта картина была ужасна, и я закрылъ глаза.

IV

Впродолженіи еще нѣсколькихъ часовъ, слышались раскаты ружейныхъ выстрѣловъ, эхо артиллеріи, яростные вопли дерущихся и стоны предсмертной агоніи. Потомъ все это кончилось и настала тишина.

Тогда дьяволъ разразился страшнымъ хохотомъ, и я опять открылъ глаза.

— Смотри, сказалъ онъ мнѣ.

На землѣ послѣдніе люди всѣхъ государствъ усѣлись за зеленымъ сукномъ для мирныхъ совѣщаній. Посреди стола лежалъ послѣдній экю,

который каждый желалъ заполучить путемъ переговоровъ.

Кругомъ раздавались взаимныя увѣренія въ умѣренности требованій. Великія слова: порядокъ, свобода, религія, братство и прогрессъ были снова выдвинуты, но на этотъ разъ надъ ними только посмѣялись и борьба снова началась.

Не долго длилась эта агонія человѣческой породы. Вскорѣ я увидалъ, какъ послѣдній человѣкъ, изувѣченный, истекавшій кровью отъ безчисленныхъ ранъ, съ улыбкой смотрѣлъ на послѣдній экю, который, наконецъ, уже безспорно принадлежалъ ему.

Но, спустя нѣсколько часовъ, измученный ходьбой среди труповъ и скелетовъ, не зная, что дѣлать съ этимъ экю, сдѣлавшимся для него безполезнымъ съ тѣхъ поръ, какъ не кому уже было больше вредить, послѣдній человѣкъ съ яростью швырнулъ экю и заплакалъ.

V

Тогда я увидалъ лучезарнаго ангела. Онъ летѣлъ, размахивая крыльями, кричалъ:

— Ободритесь, братья! я ангелъ мира.

Послѣдній человѣкъ, грозя кулакомъ, пробормоталъ:

— Поздно! тебѣ тутъ нечего дѣлать, обманчивое видѣніе. Мнѣ поможетъ ангелъ вѣчнаго мира, но не ты, а смерть.

Онъ поднялъ послѣдній экю, уже покрывавшійся ржавчиной, проглотилъ его и умеръ, отравленный.

— Добрый вечеръ, товарищъ, сказалъ, смѣясь, сатана,— ты опоздалъ по обыкновенію. Можешь теперь подбирать своихъ инвалидовъ.

Я видѣлъ, какъ тѣло послѣдняго человѣка разлагалось, какъ отваливались куски мяса, какъ обнажался скелетъ и какъ изъ подъ его дугообразно приподнятыхъ реберъ блестѣлъ на солнцѣ послѣдній экю.

VI

Природа, на время потревоженная исторіей человѣческой расы, свободно возобновила свое дѣло.

Мало по малу дорога заросла травой; ліаны обвились вокругъ монументовъ; сорныя травы, мохъ, вѣтеръ, дождь вскорѣ уничтожили слѣды городовъ; статуи героевъ валялись сломанными и осколки ихъ смѣшались съ булыжникомъ; море поглотило флоты. Нѣсколькихъ вѣковъ было достаточно, чтобы сгладить всѣ слѣды исторіи человѣка.

Тогда земля отдохнула, часъ свободы насталъ.

— Вотъ газета, сказалъ мнѣ Жозефъ.

...Я проснулся.

Я спалъ всего пять минутъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Очерки и разсказы Густава Дроза.

стр.

Мой первый ужинъ въ холостой компаніи. . . 1
Душа въ мукахъ 9
Великопостныя воспоминанія:
1. Проповѣдь 27
2. Кающіяся 35
3. Сновидѣніе 44
Ложная тревога 67
За вѣеромъ 95
Жена ѣдетъ на балъ 115
Балъ въ посольствѣ 130
Сердечныя печали 144
Оскаръ 167
Яичница 187
Семейство де-Сенъ-Паонъ 209
Вступительная бесѣда отца Z. 230
Въ меріи.—Въ церкви 249
Мой первенецъ 267
Новый годъ въ семействѣ 283
Письмо молодой матери 297
Четыре года спустя 306

стр.
Ему было-бы сорокъ лѣтъ 311
Выздоровленіе 318
Семья 324

Очерки и разсказы Катреля.

26-е Декабря 337
Сушильщица 379
С.-Жерменъ и С.-Оноре 400
Соусъ 486
Знатный покойникъ 514
Послѣдній человѣкъ и послѣдній экю 533

1943

Цѣна 1 р. 50 к.

LIBRARY OF CONGRESS
0 022 011 188 A